

VISIT...

LANZAROTE
Caliente.COM

Максим
Калашников
Виталий Аверьянов
Андрей Фурсов

**НОВАЯ ОПРИЧНИНА,
ИЛИ МОДЕРНИЗАЦИЯ
ПО-РУССКИ**

Annotation

Опричина XXI столетия? Да, именно так.

Многим это кажется вызывающим, немыслимым, почти безумием. Но мы спрашиваем себя: а есть ли другой выход у нашего Отечества? В привычной, аналитической стратегии будущего у него нет. Оно обречено. Остается лишь стратегия чуда, стратегия немыслимого. Выйти из грядущего лихолетья русским суждено только в одном случае: если они смогут осуществить смелое историческое творчество.

- Максим Калашников, Виталий Аверьянов, Андрей Фурсов
 - Введение
 - Глава 1
 - На крючке, но не чекистском
 -
 - Под эгидой Плутона
 - Почему он не динамический?
 - Глава 2
 - Глупое «выборопоклонство»
 -
 - Смута – вторая серия

- Диктатура
выживания
- В условиях
разрухи
- Куда идти?
- Отрезанные пути
- Они уже были у
власти
- Альтернатива тоже
жестка
- Бремя массы
деградантов
- Не вторая
вертикаль – а все-
таки опричнина

- Глава 3

- Истоки опричнины –

издалека долго...

- Опричнина – как много
в этом слове...
- 1572 год – куда
подевался
«гиперболоид
инженера Грозного»?
- Опричнина: цели и
результаты
- Опричный принцип
власти
- Много опричин,
хороших и разных?
- Питерская версия
опричнины versus
грозненские, или
погоня за убегающим
пространством

- Завтра была
опричнина?
- На пороге нового мира:
русская неоопричнина
против мировой
«чрезвычайки»
- Новое знание для
четвертого Рима
- Глава 4
 - За что до сих пор
ненавидят Иоанна
Васильевича?
 - Кто детей опричниной
пугает?
 - Кремлевский
инноватор
 - Странности нашей
историографии

- Между крамольниками и кромешниками
- Виртуозное решение – шедевр в результате
- Глава 5
 -
 - Все-таки – убит
 - Тайна послевоенного прорыва
 - Время асимметричных ответов
 - Бросивший вызов силам деградации и смерти
 - Круглов – странная фигура
 - Истинный заказчик ликвидации

- Кто был на советском «конце провода»?
- Все познается в сравнении
- И снова...
- Глава 6
 -
 - Самая проклятая проблема
 - Проблема «сторожа над сторожами»
 - Принципиальный замысел
 - Общий абрис
 - О прецедентах русской опричнины
 - Два сходящихся удара
 - Демократическая

диктатура

■ Жгучая необходимость

■ Досье

○ Глава 7

■ Горькое лекарство

■ Монополия внешней
политики

■ Структура без
структурности

■ Образ будущего и
информационный
аспект

○ Глава 8

■ В зареве мировой
криминальной
революции

■ Криминальный
детонатор

- Преступность высшего общества
- Обитель преступности
- Либерализация оргпреступности в РФ?
- «Борьба с коррупцией» в истинном свете
- Маразм, переходящий в агонию
- Заключение
- Приложение. На круглых столах ИДК
 - Сжатие инновационных циклов — вопрос национального выживания:
меморандум Института

динамического
консерватизма

- Георгий Малинецкий.
Доклад о перспективах
РФ

- Стратегия
нацбезопасности
принята. Что
дальше?

- Время не умных, а
сильных

- Советское
наследие уже
проедено, но
распад СССР еще
продолжается

- США уходят в

отрыв

- Инновационная
«шизофренизация»
- Сломанный цикл
- «Холодная
гражданская
война» вредна для
инноваций...
- Об углеводородной
«сверхдержаве» —
без иллюзий
- Заокеанское
управление
будущим
- Тайны большого
перехода
- Опасная эра
нанотехнологий

- Есть ли у России шанс?
- Андрей Фурсов.
Знание как
антикризисная сила
 -
 - I
 - II
 - III
- Россия и мировой кризис: прогнозы и сценарии
 -
 - У нас — два кризиса
 - Другой функционал...
 - Великая

несамостоятельно

- Слепота в «зоне катастроф»
- Готовиться к «моменту ч»
- Оружие патриотических интеллектуалов
- Развал «сверху» как элитный интерес
- Ценности — прежде всего
- РФ как «антикризисная» жертва?
- Время глобальной «чека»

- Работать на самый «маловероятный» сценарий!
- «Разрубленный богатырь»
- «Затравленный медведь»
- «Завораживающая птица-тройка»
- Путинцы – артель крепкая
- Экстремальная угроза
 -
 - Кто же будет выводить страну в достойное будущее?
 - Молодежь низкого

качества

■ Экстремизм как неизбежность

■ Сетевые убийцы

■ «Большая игра»

■ Неотложные меры

○ Приложение. Иллюстрации

● notes

○ 1

**Максим
Калашников,
Виталий Аверьянов,
Андрей Фурсов
Новая опричнина,
или Модернизация
по-русски**

Введение

Опричина XXI столетия? Да, именно так.

Многим это кажется вызывающим, немыслимым, почти безумием. Но мы спрашиваем себя: а есть ли другой выход у нашего Отечества? В привычной, аналитической стратегии будущего у него нет. Оно обречено. Остаются лишь стратегия чуда, стратегия немыслимого. Выйти из грядущего лихолетья русским суждено только в одном случае: если они смогут осуществить смелое историческое творчество.

Пафос нашей книги – не в буквальных параллелях с XVI веком, хотя и такие параллели просматриваются. Наш пафос в том, что самостоятельно Система, заведенная в тупик, измениться не может. По самой своей природе Система стагнирует в том состоянии, в которое ее загнали. Нужен Субъект, коллективная личность, которая по градусу своего внутреннего горения будет выше «естественных» стремлений к теплохладному смирению с обстоятельствами, с господством «сильнейших субъектов» глобального мира. В «Русской доктрине» (2005 год) мы создали всеобъемлющее видение

перехода России в качественно новое состояние, ее преобразования. В целом это видение не устарело, хотя в деталях можно добавить и уточнить многое. За истекшие пять лет стало окончательно ясно — субъекты, стоящие «у власти», находятся **не над** саморазрушающейся и капитулирующей правящей прослойкой (клептократией или плутократией), они — части, «клоны» и стражи Системы, наивно верящие в свой класс как в венец истории России и одновременно цинично воспринимающие свою Систему как заслуженный нашим народом способ его организации (на деле же — его дезорганизации и демонтажа).

Выход один: избегая чересчур резких движений и действуя по принципу «не навреди», создать внешнюю для Системы силу. Тот самый параллельный контур управления, который мы предлагаем с некоторым дерзновением назвать «новой опричниной». Только она сможет очистить верхи и развернуть страну в нужном направлении, по ходу дела трансформируя ее. Превращая Систему деградации и застоя в организм Развития. Вот миссия, которую должна выполнить опричнина XXI века.

Она должна пониматься как временный инструмент изменения реальности. Опричнина, как и

хирургическая операция, — не самоцель, а средство исправления далеко зашедших социальных недугов.

Еще один вопрос, который нам зададут многие: опричнина всегда создавалась сверху, а как же теперь? Да, ответим мы, сверху — и в этот раз она будет создана высшими и более высоко организованными личностями для низшей, безликой, хаотичной Системы, чтобы преобразить ее. Сверху — не значит из Кремля. Сверху — значит «свыше». Сверху — значит исходя из духа пассионарного Субъекта, из боли за свой народ и страну, из веры в его будущее, из связи с высшими

энергиями, которые всегда пронизывали Россию и без действия которых она необъяснима и нереальна.

* * *

В феврале 2010 года в Институте динамического консерватизма (ИДК) прошел круглый стол **«Опричина и опричная идея: мифы и историческая действительность»**. Он дал неожиданные результаты. Как минимум настоящим событием в нашей социально-исторической мысли явилась работа А. И. Фурсова, получившаяся на основе сделанного

им доклада. Несомненно, глубокими и нетривиальными были также выступления других участников. Началась заинтересованная полемика как противников, так и сторонников «новой опричнины».

В настоящем издании мы собрали все основные материалы обсуждения этой темы в ИДК, а также дали ряд сопутствующих материалов в Приложении. В главе 1 показана политическая актуальность темы опричнины в современной России. В главе 2 – в полемике с идеологическими оппонентами анализируются причины и ход глубокого национального кризиса, в котором мы оказались и выход из

которого видится нам в «новой
опричнине». Что касается работы
Фурсова (3 глава), то в ней впервые
столь отчетливо показана
исключительная сложность
опричнины XVI века,
нестандартность ее как
политической инициативы,
целенаправленно преобразующей
властные и социальные отношения.
Кроме того, Фурсов убедительно
демонстрирует положительную
сторону внутренней связи
опричнины и нео-опричнины в
русской истории, а также диалектику
трех полюсов русского государства:
олигархии, опричнины и
самодержавия, — диалектику,

рисующую лицо России как своеобразное, ни на что не похожее. (Заметим в скобках, что опричнина выступает как своего рода «странный аналог» демократизации власти, русское прочтение демократического принципа, не фантазийного, не манипуляторского, как современная «демократия», а реального рабочего принципа — «к народности через чрезвычайку».)

В 4-й главе дан философско-исторический взгляд на эпоху Иоанна Грозного и опричнину XVI века, а также показано, как преломляется эта эпоха в сознании нынешних либералов, какие опасения у них вызывает русская

политическая традиция (доклад Аверьянова). Из 5-й главы читатель узнает о варианте опричнины по Л. П. Берия. В 6-й главе читатель найдет перспективно-стратегический взгляд на опричные принципы в применении к нынешним российским реалиям. В 7-й главе дан обзор дискуссии вокруг инициировавших ее трех основных докладов – Фурсова, Аверьянова и Калашникова (фактура этих докладов фактически наполняет первые шесть глав книги). В дискуссии приняли участие Андрей Кобяков, Михаил Хазин, Владимир Хомяков, Александр Елисеев, Егор Холмогоров, Игорь Бощенко, Сергей

Алферов. В 8-й главе содержится интереснейший комментарий на тему необходимости и актуальности опричнины известного криминолога Владимира Овчинского.

*Максим
Калашников,
Виталий
Аверьянов*

Глава 1

Виталий Аверьянов

**Шизо-консерватизм
и плутократия**

На крючке, но не чекистском

В спорах о путях модернизации сегодня как будто сам собой всплывает вопрос об опричной русской идее. Хотя некоторые по давно внушенной привычке видят в ней лишь эвфемизм бесчеловечности и крови, на деле в опричнине сказался творческий поиск выхода из тупиков.

Сейчас Россия снова в тупике, в патовой ситуации. Одна половина головы заявляет стремление к развитию, к выходу из равновесия как удела отставших и сдавшихся на

милость победоносным акулам внешнего мира. Другое полушарие боится перемен и мертвой хваткой цепляется за пусть мелкое и неприглядное, но осязаемое наследство РФ 1991–2010 годов, наследство тех, кто согласен прочно сидеть на внешнем — не чекистском! — крючке и не суесться под глобальным клиентом. (Прошу не понимать все это банально-упрощенно: я не имею в виду под полушариями двух первых лиц в государстве. Эта граница проходит как-то по-другому.)

Правящему истеблишменту свойствен консерватизм самого последнего, самого подлого образца

из тех, какие можно себе представить. Это консерватизм для себя, охранительство того, что удалось урвать, самоподдержание застойных процессов в «элите», которые длятся де-факто с брежневских времен. Этот консерватизм замешан на неверии не столько даже в свою страну, сколько в самих себя. Может быть, в неэстетичности его и объяснение самой раздвоенности — надо же ведь как-то эту неприглядность прикрывать.

Последняя попытка приукрасить его — назвав «модернизационным» — лишь усугубляет впечатление. «Единая Россия» — классическая

партия «боярского царства», молчаливики мирской злобы, конвертировавшие свое терпение в земные блага, которые говорят и пишут лишь по поручению, а думают – «в бороду» и «в стол». Массовка «Единой России» враждебно-безразлично слушает речи тех, кому дана власть вещать о модернизации, инновациях, программах развития, сильной России, выходе в великие державы, преодолении коррупции и т. п.

В ноябрьском, 2009 года, манифесте «ЕР» под названием «Россия: сохраним и приумножим!», где было заявлено о консервативной модернизации, хорошо

просматривается одна из излюбленных мыслей кремлевских идеологов. На протяжении веков в России цена человеческой жизни, — скорбят они, — была почти ничтожна, великие успехи и победы часто доставались очень дорого. Убойный аргумент — который, на взгляд этих идеологов, способен оправдать все что угодно, любые нынешние неудачи и поражения.

Что скрывается за этим аргументом? За ним скрываются «человеческая жизнь», неприкосновенность самих квази-бояр, а заодно в скрытом виде неприкосновенность их кланов, собственности и устоев. Все можно

поменять в стране, но только не элитарный «застойный процесс». «Победить коррупцию, — провозглашают единокоры, — можно, лишь изменив социально-экономическую ситуацию и качество государственного управления. Это нельзя сделать за один день, но это нужно делать каждый день». Сиречь нужно не побеждать коррупцию, а бороться с ней перманентно, «консервировать» ее — классическая мечта бюрократии. В этом, в сущности, и заключен весь официальный «российский консерватизм».

Не считая комичной кампанейщины по веерному

сооружению ФОКов и пропаганде
здорового образа жизни, они,
разглагольствуя о жестокостях
прошлого, а значит и намекая на
собственную гуманность, не
расшифровали, как собираются
поддерживать человеческий
потенциал. Партия агрессивных
квази-бояр тайно кровожадна —
сберегать и преумножать народ в
действительности она не намерена.
Ведь у элитариев уже вошло в
половицу, что «с народцем нам не
повезло», а потому
предпочтительнее те, кто лишен
«иждивенческих» комплексов, кто
подешевле в труде, поговорчивее в
коррупционных схемах и менее

склонен ко всяким традиционно
русским политическим
неожиданностям, вроде той же
опричнины — предпочтительнее
гастарбайтеры, иммигранты,
прописавшиеся в РФ этнические
кланы, склонные к данническим
отношениям и к «земляческой»
тактике выживания в среде
пассивного и несолидарного
большинства.

Итак, подведем первоначальный
итог. Консерватизм для себя
означает:

- Коррупцию как потребление
стабильности всей системы.
- Неприкосновенность
политического и кланового статус-

КВО.

— Игру в неофеодальную олигархическую «удельность», т. е. сговор частей и меньшинств против самой возможности предъявления целей целого, национальных интересов большинства.

— Как следствие из всего предыдущего: бесконечную имитацию созидательного и производительного начала (партия «конкретных дел», как они сами себя именуют).

Знающие историю люди не усомнятся: ситуация похожа на княжеско-боярский олигархат XVI века, в борьбе с которым царская власть выработала модель

самодержавия. Достигнуто это было через опричнину.

По мнению многих, опричные принципы и модели срабатывали в России после Иоанна Грозного еще не раз, причем в критические моменты. Не наступает ли вновь такой момент?

Под эгидой Плутона

Модернизационный консерватизм, который был принят на съезде нашей боярской партии в прошлом году, шизофреничен как короткое замыкание. В ее манифесте заявлена «идеология стабильности и развития», т. е. одна часть этой

идеологемы блокирует другую. Эта идеологема и все «находки» спичрайтеров партии мало согласуются и с консерватизмом, и с модернизацией, поскольку за медоточивой риторикой просматривается осторожное желание, как бы не наплевать в лицо ненавистному прошлому и как бы не накликать неведомое будущее. За официозной шизофренией скрывается нечто более страшное, чем болезнь — бессилие. Именно бессилие и безволие, воплощенные в нынешней системе, блокируют как развитие, так и самовоспроизводство национальной идентичности (т. е. подлинный консерватизм). Развития

в этой системе не происходит, но и национальное лицо размывается, деградирует.

Формула шизо-идеологии, если смыть с нее мощный слой макияжа, в сущности проста: ни консерватизма, ни модернизации! – что отражается в более приличной формуле умеренности и аккуратности, обозначенной в том же манифесте, – продвижение вперед «без застоев и революций». Ирония в том, что нынешний застойный процесс в элите был закреплен русской «оранжевой» революцией 1991–1993 годов. Застой и революция не антиподы РФ, а ее базовые столпы. Ельцин скрестил революцию с

застоем, а Путин подморозил этот противоестественный союз, сплотив государство, крупный бизнес и верхушку криминала вокруг олигархической узурпации. В современной России, признанной недавно страной-лидером по числу долларовых миллиардеров в Европе, ни самодержавия, ни опричнины даже в остаточном виде не осталось, все средства и соки страны откачены в пользу горстки миллиардеров — триада Фурсова усечена до монады без примесей — «олигархичнейшей олигархии» или плутократии. Плутон, римский бог ада и мертвецов, что любопытно, по совместительству был также богом

преступного мира и земного богатства. Отсюда и глубинный смысл понятия «плутократия» – власть мертвечины, мертвого золота над живыми душами, понукание государством со стороны преступников, имеющих несправедливые богатства.

У нашей топ-элиты есть только один шанс «инновационного прорыва» на локальном участке – если они убедят крупный международный капитал, внешние центры силы в том, что часть инновационного бизнеса (международного) имеет смысл разместить в России. Ведь инновационные технологии и мозги

легко переводятся из одной географической точки в другую. Это не тяжелая индустрия, требующая долгой наладки производства и его вращающихся корнями в почву. И база, и мозги могут быть мгновенно переброшены, — туда, куда велят *Большие деньги*.

Похоже, кого-то из золотых, «плутократических» акул глобального мира уже убедили. И такой инновационный кластер в РФ под исполнительным руководством, к примеру Чубайса, вероятно, подготовят к запуску. Главное — не дать «соскочить» России (и «шизо-консерваторам» вместе с ней). Кто знает, что она станет вытворять,

избавившись от крючка?

Почему он не динамический?

В «Русской доктрине» и следующих за ней книгах мы говорили, конечно, про другое инновационное развитие. Мы имели в виду не шизофренический консерватизм, галлюцинирующий темой модернизации, а консерватизм динамический. В динамическом консерватизме, в отличие от модернизационного, нет оксюморона.

Консерватизмом он является

потому, что, будучи способен к
быстрому обмену между
полушариями национального
мозга, в этом круговороте смыслов
и действий удерживает целое.
Динамический он потому, что
учится жить в состоянии
неустойчивого равновесия,
упреждая реакции внешней
среды. Стать динамическими
консерваторами — значит, оставаясь
русскими и опираясь на Россию,
превратиться в виртуозов
неустойчивости, нестабильности, не
подчиняющихся хаосу, не
зараженных его вирусами, а
владеющих им. Такие «динаконы»,
агенты социальной негэнтропии,

чувствующие себя в
быстроменяющихся условиях как
рыба в воде, сами отчасти похожи на
исчадий хаоса (в смысле своей
вооруженности и скорости
действий). Это играющие на
опережение активные иммунные
элементы, сбрасывающие хаос ниже
пороговых барьеров социальной
системы, туда, где ему место, – не
обороняющиеся, но непрерывно
атакующие, согласно правилу
А. В. Суворова, когда «голова хвост
не ждет», когда инициатива
захватывается. Переход,
трансфигурация для них – привычное
состояние, а не что-то критическое
или временное. Вот уж где

действительно не остается места ни для застоя («динаконы» постоянно взрывают энтропию), ни для революции (понимаемой как прорыв хаоса и авария в системе — такие сбои «динаконами» вычисляются и заранее устраняются).

Именно в перехвате инициативы, на мой взгляд, состоит **глубинный смысл и русской опричнины.**

Теоретическое отступление

Динамический консерватизм не занимается шарлатанскими фокусами и подменами субъекта развития и объекта устойчивости, — устойчива в нем сама субъектность,

а не абстрактное развитие.

Развитию недостаточно быть обновляющим. Новизна новизне рознь, обновление ради самого обновления не есть благо. Чтобы обновиться, необходимо сначала найти то, на что можно твердо опереться. Иначе самообновление смоем самое себя, превратив субъекта развития в бог знает что, в мокрое место.

Развитию недостаточно быть устойчивым, ибо главное в нем – его направленность. Устойчивым и необратимым может быть и болезнь, и разложение. Развитие должно начинаться с видения, во-первых, собственных целей и, во-

вторых, перспектив, т. е. целей, осложненных трудностями их достижения.

Как пел по поводу двух этих подмен Башлачев:

Хорошие парни, но с ними не по пути.

Нет смысла идти, если главное — не упасть...

(...)

Смотри — от нас остались черные дыры!

Нас больше нет, есть только черные дыры...

Устойчивым, самовоспроизводящимся должно быть не развитие, а то, что развивается. Если же процесс

развития становится
самодовлеющим, это значит, что за
ним прячут транснационального
бафомета (идеологи «устойчивого
развития») или кровожадного
общечеловеческого молоха
(либеральные консерваторы).
Динамический консерватизм
противоположен обоим этим
упрощениям, вновь прописывающим
России рецепты «зависимого
развития»: имитационным
программам Юргенса и К и
иллюзорной эволюции без скачков
через соблюдения правил
«цивилизованного мира» Иноземцева
и К. Сегодня, в 2010 году, читать
такие проповеди уже не смешно.

Режим безнадежно устарел вместе со своим интеллектуальным интерфейсом. Стране вновь нужна опричина, т. е. реализация очищения нашего больного общества от «черных дыр» и ходящих, чтобы не упасть, «хороших парней» с их «конкретными делами».

В. Ю. Сурков в интервью «Ведомостям» как будто опровергает устарелость режима, демонстрируя понимание того, что для подлинной модернизации нужна не предлагаемая юргенсами предварительная политическая модернизация (читай — либерализация № 2), а, напротив, утверждение авторитарной модели:

«Консолидированная власть в России – это инструмент модернизации. И смею вас уверить, он единственный». При этом Сурков признал, что авторитарно-дирижистские методы на данный момент и так задействованы «на пределе» возможностей нынешней системы. Так это или нет, но Сурковым де-факто признана та самая патовая ситуация – к гиперлибералам повернуться лицом нельзя, потому что тогда не будет модернизации, но и укрепить авторитарную модель нельзя, потому что система, либеральная по сути, этого не выдержит.

Для реальной технической и

инфраструктурной модернизации России, повторим мы, нужна модернизация по-русски, или новая опричнина, нужно перетряхнуть сложившуюся систему и стать консерваторами не для себя, а консерваторами для Бога и народа, консерваторами для будущих поколений. Нужно, как сказал бы царь Иоанн, **«перебрать людишек»**. Потребуются новые люди и в науке, и в управлении, и в обеспечении безопасности. Нужен новый социальный порядок: когда в чести тот, кто служит.

Как страшно для шизо-консерваторов! Ведь это означает разрыв с уютным «миром

стабильности», отказ от демонстративного гуманизма. Но идеологема «стабильного развития» изначально придумана не для России, это идеологема не годится для донора, а только для глобального вампира. И заявленная партией тех кто «себе на уме» гуманность по отношению к «элитарным людишкам» есть лишь риторическое прикрытие для незатруднительной жизнедеятельности коллективного вампира.

Означает ли это, что напрашивающаяся опричнина (стряхнуть вампирический морок со страны!) – крайняя, вынужденная мера? Отчасти да. Отчасти нет.

Поскольку опричнину можно ввести позже, а можно и раньше, не дотягивая до последнего предела, до крайности, которые так часты в истории России. Но чем дольше будет коллапсировать «квазибоярская модель», тем более жестокой и разрушительной в социальном плане окажется новая опричнина.

Глава 2

Максим

Калашников У

последней черты?

На пороге новых 30-

х...

Глупое «выборопоклонство»

Не одни мы видим признаки заката проекта «постсоветская Россия-91». Видят его даже в либеральном стане. И даже предлагают свои «рецепты», суть коих – в возвращении к «ельцинским нормам», к «свободе 90-х». Мол, всеобщие свободные выборы решат все проблемы, аки палочка волшебника. Чтобы убедиться в этом, достаточно почитать нашумевший доклад Института современного развития (ИНСОР) об образе будущего для России.

Но это – лукавство. Деградация РФ зашла так далеко, что либеральная демократия – даже с наисвободнейшими выборами – ничего не решит.

Начнем с того, что либеральная представительная демократия (разделение властей, парламентаризм, свобода прессы и т. д.) может существовать лишь в условиях богатого общества. Что это за общество? Оно должно обладать мощным средним классом, сложной, диверсифицированной экономикой с преобладанием наукоемкой, развитой промышленности над сырьевым сектором. В этом обществе должен доминировать сложный,

высокопроизводительный,
высококвалифицированный труд.
Здесь должен быть минимальный
разрыв между верхними и нижними
стратами общества (маленький
коэффициент Джини). В этом
обществе должны быть не только
мощные индустрия с наукой, но и
сильные механизмы
перераспределения и
финансирования социальных
систем, — а последние нерыночны по
природе своей. В таком социуме
основная масса людей должна
обладать солидными доходами,
возможностью платить изрядные
налоги.

Нет ничего более далекого от

нынешних РФ и Украины, чем вот эта картина. Чудовищное имущественно-доходное расслоение, у 1 % населения – все, у 99 % – по сути, ничего. Десятки миллионов людей, занятых исключительно физическим выживанием. Им нет времени думать и читать, вникать во что-то и думать логически. Варваризованная, сырьевая экономика с минимумом сложного труда. Невозможность повысить реальные зарплаты в условиях открытости экономики РФ – ибо для этого нужен протекционизм, новые пятилетки развития, неоиндустриализация, нелиберальная финансовая

политика. Ничего подобного в РФ нет и близко. Наконец, есть десятки миллионов совершенно люмпенизированных, неквалифицированных, неконкурентоспособных людей с завышенными потребительскими ожиданиями. Эти люди практически утратили навыки сложного, логически-системные мышления, принимая только самые простые лозунги и примитивные образы.

Смута – вторая серия

Нужно четко уяснить себе: соединение свободных выборов с таким имущественным расслоением

и таким деградировавшим социумом (с сырьевой экономикой) — это вторая серия смуты.

Можно спрогнозировать последствия свободных выборов «после Путина». Подавляющее большинство людей проголосует за перераспределение богатства, за расправы над сверхбогачами «новой России», за массированные социальные программы. То есть, массы сами вознесут к власти нового Диктатора. Ибо обеспечить перераспределение богатства и социальные программы можно будет только силовым путем. У него просто не будет другого выхода, чтобы удовлетворить чаяния

избирателей.

Прозападные либералы говорят о том, что нужно приватизировать государственные компании. Но это не решит проблемы: приватизируемую собственность купит все тот же «платиновый 1 %» населения. Собственность просто перераспределится среди тех, кто богат. Проблема имущественного расслоения общества не решится, по-прежнему сверхкрупные собственники станут откачивать деньги на Запад.

В условиях «демократии» по образцу 90-х та же публика, что правит нами сегодня, сохранит власть. Ибо деньги и собственность

останутся у них же. Они продолжают править, покупая суды, скупая СМИ и политиков, стравливая между собой своих оппонентов, тайно убивая слишком упрямых. И это при том, что запаса прочности 90-х уже нет – страна во всех смыслах опасно изношена и недоинвестирована.

Для спасения всех ветвей русского народа потребуется сверхусилие, мобилизация. А это – неизбежная диктатура переходного периода. И никакие свободные выборы президента, депутатов парламентов и губернаторов ничего не решат.

Представьте себе свободно избранного президента РФ «после

Путина». Зажатый в тиски страшными проблемами, раздираемый на части кланами и партиями, вынужденный решать внешне взаимоисключающие задачи, окруженный тотальной коррупцией и саботажем старой «элиты», такой демократический президент неминуемо введет чрезвычайку, особый порядок управления. Такая диктатура возможна лишь в двух вариантах. Либо это будет тирания ради сохранения богатств *одного «латинового» процента* (1 %) населения РФ по типу латиноамериканской хунты. Либо – диктатура антиолигархическая, нацеленная на развитие и

перераспределение богатств.

Диктатура выживания

Условие нашего национального выживания — новая индустриализация. Это понимают даже самые вменяемые из либералов (г-н Владислав Иноземцев в частности).

Но сама по себе новая индустриализация потребует такого, что не приведи Боже. Даже если эта индустриализация будет чисто капиталистической. (Придется снижать налоги для инвесторов почти до нуля, обеспечивать низкие заработки трудящихся ради лучшей

конкурентоспособности, давить
стачечное движение — см. примеры
Индонезии, Китая, Малайзии и
других неоиндустриальных стран,
столь любимых г-ном
Иноземцевым.) Кстати, опыт новых
индустриальных стран показывает:
их успехи не связаны с демократией,
эти режимы в основном —
авторитарные.

В нашем же случае
индустриализация — в отличие от
сталинской — потребует скачка через
целый технологический уклад. Из
четвертого — в шестой. Такова
страшная плата за 20 лет
постсоветских развала и безделья. С
чем это сравнить? С тем, как если бы

Петру Первому пришлось строить не парусники, а сразу пароходы и аэропланы. Или Сталину – не Магнитку с Днепрогэсом, а ядерные реакторы и космические корабли. С ходу.

Такая рывковая неоиндустриализация потребует жесточайшей мобилизации. Придется закрывать целые отрасли бизнеса и экономики (в силу применения прорывных технологий), вводить экономический национализм, кардинально перестраивать финансовую систему, давить коррупцию и т. д. Против индустриализации объективно восстанут сильные группы

сопротивления, каковые начнут активную игру на ее подрыв.

Надо пояснять, что все это значит?

Но и это еще не все.

В условиях разрухи

Скоро мы столкнемся с настоящей разрухой.

Наверное, уже не надо говорить о степени износа основных фондов и инфраструктуры, об устаревании промышленного оборудования. О страшной демографической яме (ничтожное число молодежи) и о кадровом кризисе. Все это расписано на все лады сотни, если не тысячи

раз. Но самое страшное – это кризис в нефтегазодобыче, а шире – во всем топливно-энергетическом комплексе РФ (ТЭК). Усилиями наших «демократов» двух волн (ельцинской и путинской) экономика Росфедерации превратилась в сырьевую, полностью зависимую от нефтедолларов.

Поэтому приближающийся развал ТЭК, падение добычи углеводородов будет означать экономический, социальный и политический крах бело-сине-красного государства.

Сегодня ТЭК РФ уверенно шествует к обвалу. Он исчерпан. Высосан. До смерти заезжен. В него

для спасения нужно вкладывать средств порядка 2 триллионов долларов (до 2030 года). Про электроэнергетику, где безбожно срываются вводы новых мощностей, тогда как работа над «умными сетями» застопорилась с 1991 года, уже не говорим.

Все это умножается на огромный, некомпетентный, вороватый госаппарат.

После первых же свободных выборов мы столкнемся со смертельными угрозами национальному существованию. И потому мы обречены на чрезвычайку, хотим ли того или нет. Есть сила исторических обстоятельств, не

считающаяся с нашими желаниями и эмоциями.

Поэтому мы не верим в свободные выборы как в панацею. Скорее они будут первыми после ухода нынешнего режима и последними на долгое-долгое время. Жить дальше придется в условиях чрезвычайного положения. Причем произойдет это на фоне того, что чрезвычайка возникнет и в некоторых странах Запада.

К этому нужно готовиться. Сняв розовые очки и набравшись мужества.

Куда идти?

Кризис целеполагания очевиден. Всем ясно, что наши либерально-прозападно-рыночные «реформы» (провинциальный фридманизм/гайдаризм плюс колониальный монетаризм) завели нас в полную трясину. Это было ясно еще в 1998 году. Попытки после катастрофы 1998 года построить сырьевой авторитаризм (авторитаризм деградации и неразвития, авторитаризм для защиты итогов грабежа 90-х) тоже провалились. Две идиотские попытки, тем не менее, оставили нас без современной промышленности, с опустошенным человеческим капиталом, с разрушенными наукой и

образованием, с уполовиненной страной и невероятным физическим износом всего и вся.

А дальше-то делать что? Куда двигаться, кроме как в белых простынях — да на кладбище?

Для нас ответ очевиден: двигаться — в следующую эпоху, в Третий проект, в Нейромир. Да и на Западе сейчас явно вызревает проект некапиталистического будущего, причем в двух вариантах: условно неокommунистического («Дух времени» Питера Джозефа, Жака Фреско и Роксаны Медоуз) и кастово-рабовладельческого, со всевластием элиты (проявляется по косвенным признакам).

Но основной массе населения РФ, Украины и Белоруссии сие неясно. Массы мечутся, точно напуганные пожаром звери. Они не видят выхода из горящего леса, задыхаясь в дыму. И никакие свободные выборы проблему нового целеполагания автоматически не разрешат. Общество совершенно точно расколется на отряды с совершенно разными целями, чаще всего – противоположными.

Очень хотелось бы, чтобы в результате новой Смуты власть оказалась у творческого авангарда – у творцов, изобретателей, инженеров, ученых, смыслократов, у креативного класса, а не у новейшей касты

«нетократов», культивирующих деградацию остальной части социума. Но даже если победит креативный класс, это не отменяет вынужденного введения диктатуры развития. Ибо здоровые силы общества неминуемо столкнутся с силами мракобесия: неолибералами прозападного типа и дремучими ультранационалистами, носителями построения утопий в рамках «русистанов» на обломках РФ, а может — и Украины. И тогда первые свободные выборы после падения сырьевой клептократии действительно окажутся последними как минимум на двадцать лет вперед.

Нельзя молчать об этом. К этому

нужно сознательно готовиться.

Отрезанные пути

Путь индустриализации европейского, капиталистического типа (любимый конек В. Иноземцева) нам также наглухо перекрыт. Прежде всего потому, что индустриализацию для самих себя мы вести не можем: недостаточно емок внутренний рынок. Это СССР был автаркией с населением почти в 280 миллионов душ, и его промышленность могла работать на внутреннем потреблении. РФ – это 140 миллионов (а будет еще меньше) нищего, во многом больного и

спившегося населения.

Новая индустриализация в РФ сегодня должна работать прежде всего на внешние рынки, производя товары, конкурирующие с индийскими, китайскими, бразильскими. Но это уже невозможно. Места на привычных рынках привычных товаров заняты.

Китайцы, индусы, бразильцы (индонезийцы, малазийцы, турки и т. д.) гонят товары качественнее и дешевле, чем может дать РФ. Тем паче, что у них промышленность уже развернута, и она — на новом оборудовании, а в РФ все только-только предстоит разворачивать, теряя годы.

Заманить сюда иностранного инвестора? Но для этого придется полностью освободить его от налогов, а зарплаты русских рабочих сделать ниже зарплат азиатских пролетариев. Заодно каким-то образом смягчив русский климат. Иначе какой смысл иностранному (да и российскому) инвестору ставить здесь заводы-фабрики? В Китае полно уже недогруженных мощностей, рабочая сила обученная и покорная — налицо, да и климат — теплый. Сами понимаете, что попытка заманить сюда частные капиталы «по Иноземцеву» как минимум потребует антирабочей диктатуры, насильственного

снижения стоимости рабочей силы – полного свертывания бесплатного образования, пенсионной системы, введения полной платности медицины и т. д. с неизбежным подавлением политических свобод. И то – с провальным результатом в области собственно индустриализации. Плазменные телевизоры русского производства все равно окажутся и неконкурентоспособными, и никому не нужными.

Но допустим, европейская капиндустриализация пошла. Давайте вспомним, как сегодняшняя богатая Европа строила свою индустриальную мощь. Непосильный

труд рабочих по 10–12 часов в сутки. Нищенские зарплаты. Смерть от профессиональных заболеваний в 40–50 лет. Ужасающие картины лондонского дна. Периодические восстания рабочих в Париже с артиллерийской пальбой по трудовому народу. До 1870-х годов – никаких механизмов социальной защиты. Нужно ли говорить, какими политическими методами нашим антипутинцам-либералам (если они победят) придется вести такую индустриализацию?

Это будет тоже диктатура. С лишением права голоса всех, кто не платит налоги (минус основная масса рабочих, женщин, стариков). С

подавлением забастовок войсками. С созданием государства — комитета крупных собственников. Со всевластием тайной политической полиции. С эскадронами смерти, частными пыточными подвалами и отстрелом беспризорников. В сущности, многие реалии сегодняшних «новых индустриальных стран», по пути коих предлагают пойти Иноземцев — Явлинский — Титов, напоминают именно такой мир. Никаких «европейских стандартов» для основной массы людей и никаких свободных выборов тут не будет и близко!

Наши записные демократы-неолибералы, воюя с путинщиной,

предлагают нам завтрашнюю «чуму» вместо сегодняшней «холеры». И они покончат со свободными выборами. Только их диктатура будет диктатурой, ведущей к смерти нации.

Они уже были у власти

В сущности, если бы День гнева 20.03.2010 г. вдруг кончился уходом Путина, кто пришел бы к власти вместо него? Чубайсы, волошины, татьяны ельцины/ дьяченко. Деятели 90-х с небольшими добавлениями. Ибо у красной и патриотической части оппозиции попросту нет своих управленческих команд.

Иными словами, произошла бы

смена шила на мыло.

А что могут принести деятели 90-х в наши дни? В отличие от многих, кто выходит на демонстрации протеста сегодня, мне в 90-е годы было от 24 до 34 лет от роду. Я знаю, что такое власть гайдароидов-чубайсоидов — полная деградация страны и ее беспардонный грабеж при комедии «свободных выборов». Суды, выносящие приговоры за взятки. Свободная пресса, которая вроде не зависит от формальной власти, но которая отражает всего одну точку зрения. Точку зрения олигархов и ополоумевших прозападников, ругающих правительство только за

одно: что оно недостаточно радикально ведет идиотские «реформы» и не так быстро ложится под США. Пресса, которой наплевать на интересы большинства граждан. В этой свободной прессе можно было публиковать самые громкие расследования с самыми убийственными документами — только воры и коррупционеры все равно оставались при власти. В этой «свободе» на выборах в 90-е голоса считали тоже «как надо».

Возвращение к власти деятелей из 90-х вернет к жизни и все это. Но теперь — помноженное на страшный износ РФ. Мы быстро увидим, как вчерашние бичеватели «путинской

диктатуры» сами превратятся в полицейский режим. В диктатуру компрадорской, прозападной квазибуржуазии. Скорее всего, такие победители Путина просто отдадут остатки страны под внешнее управление, каковое успешно продолжит сокращение лишнего населения на сырьевом придатке. Только и всего. Сегодня деграданты подняли лозунги «возвращения демократии» только для одного: чтобы на плечах протестующих масс прорваться к власти. А дальше фиговый листочек «демократии» будет отброшен прочь.

Они нам предложат «священное право частной собственности»,

жестoko защищая то, что награбили самым незаконным образом в 90-е. Смысл их деятельности все равно сведется к сохранению чудовищного неравенства. А такое расслоение, как мы уже говорили в самом начале, автоматически уничтожает и демократию, и свободные выборы.

Придя к власти, эти деятели начнут жестoko подавлять нынешних наивных оппозиционеров, надеющихся мирным путем создать Советы. Право силы заменит право взятки.

Нам, великодержавникам патриотического и красного толков, разумным русским националистам и неосоветским патриотам, нужно

блокироваться против этих тварей уже сегодня.

То и дело слышишь: «Да зачем нам ваша диктатура? Сегодня нужна децентрализация. Отдайте ресурсы в регионы, они используют их с большим толком». И примерно в том же духе. Ну разве непонятно, что если государство (как институт) в 1991 году создавали уголовники; если это государство соткано из коррупции; если двадцать лет шел отбор в госаппарат исключительно клептократов — то, что изменит передача бюджетных ресурсов из Москвы в регионы? Вместо одного главного центра воровкратии в Москве возникнет тьма центров

разворовывания средств на местах. В регионах что, не такие же чинуши сидят, что ли? Пилят и откатывают в регионах не хуже, чем в Белокаменной. Дай больше ресурсов – и воровать будут масштабнее.

Передать львиную долю денег на места (чего с 90-х советуют американские «советнички») – обеспечить быстрый упадок общенациональных систем. Какие регионы станут финансировать стратегические силы сдерживания и атомный комплекс? Вооруженные силы вообще? Сеть железных дорог? Фундаментальную науку? Систему высшего образования мирового уровня? Если посчитать все сферы

такого рода, то увидишь: передача большинства налоговых сборов в регионы приведет к быстрому развалу страны и ее деградации. В такой системе сверхдоходы от углеводородов затопят Западную Сибирь, тогда как депрессивная русская глубинка окажется и вовсе нищей.

Создание национал-либерастического «этнически чистого» государства — далеко не панацея.

Хочу привести отрывок из материала Сергея Игнатова и Игоря Вотанина «Время серых» («Завтра», № 23, 2010 г.).

«...Полная безнадега и с

националистами. Не о “практиках” из РОДа и ДПНИ мы ведем речь – мы говорим здесь о тех, кто занят разработкой “политического национализма”, намечает “маршруты” “прихода к власти” и, соответственно, постоянно толкает какие-то модные лозунги. “Даешь русское национальное государство!”, – например. Говорят, такова главная заявленная националистами цель.

Мы, собственно, не враги “русского национального государства”. Возможно, сам лозунг звучит и не слишком плохо, но нас волнует практическая сторона дела. РФ окружает четырнадцать

государств, которые не боятся заявлять себя национальными, а правящие в них группировки позиционируют себя как явно националистические. За почти двадцать лет, в течение которых российская многонационалия делит с ними постсоветский хартлэнд, было время посмотреть по сторонам и изучить вопрос.

Возьмем, например, вотчину победившего национализма, т. н. Украину. И что же мы наблюдаем? Мы наблюдаем точно такое же ублюдочное, безмерно коррумпированное олигархическое государство, как и то, что разместилося на пространствах,

подчиненных “дорогим россиянам”. Ну, нет в нем, конечно, такого углеводородного шика, как в Газоспасаемой, — по причине отсутствия углеводородов. Все поскромнее... Но это — вопрос меры. А если отвлечься от меры, то все выглядит очень похожим. Бережет ли это государство родную “плоть и кровь”, питает ли оно пиетет к “родной” нации, что, казалось бы, прописано ему по статусу? Да это государство относится к своим гражданам — в равной степени “свидомым” и не очень — как к недочеловекам.

“Националистическое государство” Украина является чемпионом по

экспорту женского мяса в бордели Европы, Росфедерации, Средиземноморья и Ближнего Востока, а вымирание и деградация человеческого материала там идет с таким свистом, что даже изобретатели глобальной россиянской морилки для русских – бывалые, вроде, люди – и те находятся в легком замешательстве. И никак пламенный национализм древних укров этим скорбным процессам не мешает. Можно, конечно, сказать, что на Украине построен “неправильный национализм”, но попробуйте убедить кого-нибудь в том, что здесь “построят” правильный. Вам от этой

мысли не смешно?

Совершенно очевидно, что национализм как политический дискурс в России мертв, еще даже не состоявшись в виде какой-либо осязаемой практики. Что произойдет на этих многострадальных пространствах, если — давайте вообразим невозможное — “русские националисты” вдруг придут к власти? Да ничего существенного не произойдет! Ну, предположим, будет признано физическое существование русского народа, сменятся кое-какие вывески, “российское” заменят на “русское”. Но это все лирика для впечатлительных романтиков. Что изменится по существу?

Новоиспеченные “русские во власти” перестанут строить начатую “россиянами” “трубу”? Перестанут “сидеть на потоках”? Направят свои углеводородные дивиденды в пенсионный фонд? “Русские” чиновники с коловратом вместо портрета Медведева перестанут брать взятки? Смешные фантазии, не правда ли?

С победой “национализма” в “националистическое движение” потянутся те самые мордовороты, которые сегодня крепят в регионах “вертикаль”, “мочат” уличных националистов в СИЗО и водят их в суды с мешками на голове. Потянется тот самый культурно-исторический

тип, который правит современной Россией. Точно так же циничные либералы гнезда ЕБНова в свое время сбросили с “демократической платформы” стихийных борцов за народовластие, а их самих оттеснили в сторону еще более прагматичные (хотя когда-то казалось — куда уж более-то?!) “серые пиджаки” из КПССовских перевертышей и крепких (анти)советских хозяйственников. Да с началом “националистической революции” в националисты перейдет все ЕдРо! Они скажут: “Мы давно националистам сочувствовали, вели, так сказать, подпольную борьбу, крепили под видом 'вертикали'

движение сопротивления, и вот, наконец, мы победили!” Владимир Владимирович может повторить, что они с Дмитрием Анатольевичем тоже националисты — “в хорошем смысле слова”, разумеется. Не удивимся, если в “русское движение” рванут даже либеральные топ-менеджеры.

Короче говоря, с “победой национализма” целый культурно-исторический тип, сформированный “перестройкой” и двадцатью годами “ельцинизма” и “путинеска”, продолжит жить и радовать нас своими культурно-историческими особенностями столь же неизменно, как и до ее “одержания”. Он лишь

сменит вывески. Все эти люди, которые позиционировали себя то коммунистами и комсомольцами, то представителями “демократической платформы”, то либералами, то государственниками, то консерваторами, — они ведь никогда не были ни первыми, ни вторыми, ни третьими, ни четвертыми-пятыми. Они — токсичный плод нашей непомерно тяжелой истории. И даже если господа националисты (предположим, “искренние националисты”) убедят их в очередной раз сменить вывеску, те лучше от этого не станут и от своих привычек не откажутся. От смены вывесок сумма наличных слагаемых

не изменится — вы получите тот же продукт, только в новой упаковке. Странно, что этого не понимают националисты, рыдающие о вымирающем и угнетенном русском народе...»

Поэтому такой «русский» либерал-сепаратизм придется давить решительно и беспощадно. Да, никто не призывает сохранить нынешнюю систему, где Москва отсасывает большинство денег и потом их проворовывает. Да, нужно новой опричниной подавить воровство и навсегда разделить налоговые сборы, распределив налоговые поступления поровну между столицей, регионом и самоуправлением (исключая рентные

доходы от недр). Да, нужно переносить столицу из Москвы, построив новый город-футурополис в Сибири, близ Новосибирска. Да, нужно оставить безнадежное московское болото, где слишком сильны клановость, столичная спесь и коррупция. Но централизованность страны – трогать не смей!

Альтернатива тоже жестка

Альтернативой всему этому неолиберальному мороку может быть только индустриализация на новых технологических принципах. Заменяющая отсутствующие массы молодых и трудоспособных ресурсо–

и трудосберегающими технологиями Шестого уклада. С построением общества на самом широком самоуправлении (новая Советская власть, непрерывная демократия по нейросоцу Бощенко). С закрытием целых видов старого бизнеса из-за применения революционных технологий. С созданием нового общественного строя. С многоукладной-многоярусной экономикой.

Одна из самых болезненных проблем для спасения страны – повышение доли накопления в ВВП. При сокращении доли потребления. Справиться с этим делом может лишь диктатура.

РФ — проеденная, проворованная страна. Из нее двадцать лет выжимали все соки, слишком мало вкладывая в инфраструктуру и основные фонды. РФ чрезвычайно мало тратила средств на новое оборудование, на обновление транспорта, дорог, мостов, трубопроводов, энергомощностей, электросетей и т. д. Зато очень много — на роскошь, на яхты богачей, на скупку лондонской недвижимости. РФ выкидывала сотни миллиардов долларов на потребление, но слишком мало инвестировала в науку и технологии. Несметные бабки ушли на стада импортных «тачек», а

не на современные предприятия. Деньги, украденные из бюджета и утаенные от государства, просто утекали и утекают из страны без всякой пользы для ее развития. Вот уже и нефтегазовый сектор зашатался.

Доля накопления в ВВП РФ (по разным оценкам) – 18–24 %. Этого катастрофически мало. Нужно – 35–40 %. Еще недавно, в 1990-м, советская РФ (РСФСР) тратила на накопление 45 % ВВП. Именно благодаря советской запасливости «постсовку» удалось проехать так долго. Именно на советском запасе прочности делали свои личные состояния россияне

миллиардеры. (Все это верно и для Украины.)

Теперь перед Росфедерацией встанет неприятная дилемма. Либо — резко повышать долю накопления в ВВП, инвестировать в производительную сферу и сокращать потребление, либо — свалиться в разряд «конченных стран», навсегда отстать от остального мира и развалиться.

Причем сокращать потребление придется всем — и богатым, и не очень богатым. А это очень болезненно. Никакие свободные выборы здесь не помогут.

Но давайте будем честными с самими собой. Для построения

такого общества нам придется пройти сквозь диктатуру развития и по сути... новую опричнину. Ибо нам придется мобилизовать скудные ресурсы разоренной страны, беспощадно расправляться с ворами и отбирать у них награбленное. Мы будем вынуждены давить сопротивление деградантов и коррупционеров, выстраивая для этого параллельный контур управления и сплачивая авангард общества. Придется охотиться за бежавшими из РФ ворами за границей, применять к ним самые жестокие меры и т. д. Придется осуществлять нелиберальную финансовую политику, во многом

используя наработки и СССР, и Германии 1930-х годов.

Только так можно решить неразрешимую в нынешней системе проблему: освободить производителя от налоговой удавки и дать ему развиваться, при этом НАРАСТИВ расходы бюджета для борьбы с кризисом и сохранив социальные гарантии.

Только так можно будет осуществлять политику народосбережения и повышения рождаемости у славян — одновременно со стимуляцией экономического роста. Ибо в неолиберально-рыночной экономике это — взаимоисключающие цели.

Только поддержка крупных проектов развития и сложной промышленности государством позволит развиваться малому и среднему бизнесу (МСБ), даст ему заказы и рынок сбыта. Ибо отдельно развивать МСБ – невозможно. Да и доступные кредиты для МСБ требуют построения «тоталитарной» (а по сути – суверенной, проектной, имеющей долгую ликвидность) банковской системы.

Но есть и еще одна проблема. Крайне тяжелая...

Бремя массы дегрантов

Дело в том, что двадцатилетняя

бомбардировка сознания
дебилизирующими СМИ,
ублюдочной поп-культурой, а также
разрушение советского образования
породили в РФ массы безвольного
электората.

Он не умеет думать логически.
Он не в силах связать в своих мозгах
одно с другим. Он не знает, что такое
накопление и потребление в ВВП,
что такое основные фонды и
производительность труда. Это для
него «загруз» и «слишком много
букаф». Электоральное быдло
завидует богатым и мечтает только
об одном: потреблять так же, как
богатые. В мозгах быдла уже нет
понятий, знакомых среднему

человеку советского типа: о производительных силах, о базисе и надстройке, о роли научно-технического прогресса в жизни страны. У быдла поломана этика труда: ему хочется только отрываться и отдыхать. Все время. Без перерыва на труд. При этом быдло, желая получать минимум 2 тысячи долларов в месяц, необразованно и неквалифицированно. Оно не годится ни в инженеры, ни в рабочие. И его много: уже миллионы новых граждан подросли в условиях массовой дебилизации и слома трудовой этики. Дай им право голоса — и это стадо проголосует за тех, кто посулит им сладкую жизнь. Любой

ценой. Ценой окончательного проедания нефтегазового комплекса. Ценой развала страны.

К этой группе примыкают нищие, изголодавшиеся. Им просто хочется сразу купить все, что рекламируется в СМИ. Сразу, не ожидая подъема и не прикладывая к этому каких-то усилий. Им наплевать на то, что таким образом деньги уйдут на поддержку чужих экономик, а не на развитие своей. Они просто не понимают этого: жизнь в условиях двух десятилетий бедности и борьбы за физическое выживание привела многих к атрофии интеллектуальных способностей.

Свободные выборы в данном

случае расколют общество: на тех, кто не научился думать и думает о будущем, и на апатичных потребителей, готовых потреблять любой ценой. А деградантов немало — как минимум 30 миллионов. И тогда во весь рост станет выбор: либо развиваться и накапливать, либо пойти на поводу у люмпенов и окончательно загнуться.

Все это — страшная проблема. Не решим ее — погибнем.

Но все это — как минимум двадцатилетняя диктатура. Не надо обманываться. Двадцать лет мобилизации и борьбы с десятилетиями «реформаторской» разрухи.

Будущее сейчас – всего лишь борьба диктатур разных видов. Тот, кто об этом молчит, поступает подло. Нам придется выбирать между диктатурами регресса и диктатурой Третьего проекта. Причем на фоне установления своих вариантов диктатур на Западе и Востоке. Мир входит в «новые 1930-е годы». Вы можете кричать: «Не хочу!», «Хочу демократии!» – но это мало волнует Госпожу Историю.

Вопрос лишь в том, какой должна быть русская диктатура развития. Наше мнение – в форме новой опричнины.

Не вторая вертикаль – а

все-таки опричнина

Примечательно, что идея опричности (особости, параллельности) под другими именами пробивает дорогу по многим линиям.

Недавно опричный принцип всплыл при организации знаменитого «Града инноваций» в Сколково. Кремлевская «Кремниевая долина» с разрешения властей делается территорией, где отменены все налоги (и НДС в том числе), оставлены лишь обязательные страховые взносы в 14 %. При том, что остальные предприятия остальной части страны будут

платить 32 %. Также в Сколково будут действовать независимые от местных властей и подчиняющиеся напрямую головной структуре специальные подразделения органов МВД, ФМС, ФНС, МЧС, Роспотребнадзора.

То есть недвусмысленно признано: и имеющаяся налоговая система, и имеющийся госаппарат в РФ – смертельно опасны для инновационного развития. И что нужно менять и то и другое, для начала используя Сколково как опытный полигон.

Но вот получится ли? Особый вкус ситуации придает то, что в «Стратегии-2020» черным по белому

написано: налоговая система РФ в основном должна остаться прежней. То есть враждебной и промышленности, и наукоемкому бизнесу.

* * *

Другой, более ранний пример – нашумевший доклад «Модернизация России как построение нового государства», где авторы предложили президенту создать еще одну вертикаль власти в стране: модернизационную. Президентскую – в дополнение к премьерской «вертикали». Его в начале 2010 г.

представили в Институте современного развития (ИНСОР).

Авторы доклада – депутат Госдумы Илья Пономарев, президент Института национальной стратегии (ИНС) Михаил Ремизов, генеральный директор ИНС Роман Карев, руководитель аппарата подкомитета по технологическому развитию комитета ГД по информационной политике, информационным технологиям и связи Константин Бакулев. Суть их предложений: невозможно говорить об инновационном развитии страны без ее модернизации. Нельзя внедрять инновации в стране, где разрушаются важнейшие системы социализации:

средняя и высшая школа, армия, наука, культура, правоохранительная система, социальное обеспечение. Где разлагается государственный аппарат. Где распадается и дичает само общество, где правит бал тотальная коррупция, где разрушается промышленность. Общество постмодерна должно быть уничтожено, необходимо **снова создать модерн**. То есть решить проблему общественной среды, способной к воспроизводству, внедрению и использованию технологий. Необходимо побороть последствия демодернизации, идущей от Горбачева и по нынешнюю пору. По сути дела —

создать новое государство и новую элиту, консолидировать распавшееся общество на здоровых началах.

По мнению авторов доклада, нынешние государство и правящий истеблишмент складывались как мародерские, как структуры для утилизации и «распила» советского наследства. Они не могут измениться сами. Поэтому необходимо создать президентскую вертикаль модернизации — параллельную структуру власти. Она должна состоять из чрезвычайных органов управления для решения неотложных проблем (таких, как беспризорность, организованная преступность и т. д.) и «стратегических штабов» по

разработке перспективных программ (новая образовательная модель, концепция военного строительства, альтернативная урбанизация и т. д.). То есть перед нами – предложение создать модернизационную «чрезвычайку».

Идея эта не нова. Еще в 2003 году ее высказал автор этих строк в книгах «Вперед, в СССР-2» и «Оседлай молнию!». Только там речь шла не о параллельной вертикали власти в прежнем государстве, а о создании теневого, параллельного государства. Ядра новой государственности. Как говорим мы теперь – о «новой опричнине».

На мой взгляд, создание не

такого «опричного государства-параллели» (работающего тайно, а не явно), а второй вертикали власти в старом государстве (и в нынешних условиях) приведет к катастрофе. Не спасет РФ, а ускорит ее агонию. Почему?

Во-первых, для проведения такого курса необходимо четкое видение будущего РФ, причем будущего опережающего, а не догоняющего развития. Плюс это национальная мобилизация на основе идеи, а не голого экономического прагматизма. А что мы имеем в РФ? Господствует некий либеральный агностицизм по Фридриху Хайеку, страх «элиты»

перед проектированием будущего, ее настроения «все как-то само собой сложится», обожествление «невидимой руки рынка». Государство должно где-то в сторонке стоять, только помогать неким процессам.

Соответственно в Послании Д. Медведева 2009 года мы видим пять ключевых направлений, которые — чистая «догонялка», а не опережающее развитие. Это повторение практики 1970–1980-х годов (копируем Запад), что обрекает нас на отставание и поражение в мировой конкуренции.

Во-вторых, экономика развития нелиберальна по своей сути: она

проектна, она несет в себе очень сильное волевое начало. Там так называемый либерально-рыночный сектор – только пристройка. А в РФ мы видим типичную неолиберально-монетаристскую «элиту». У нее мозги четко запрограммированы на застой. И мы не видим из президентского Послания: решится ли вообще проблема выдвижения новой элиты.

В этих условиях создать вторую вертикаль власти в РФ в рамках одного и того же криминально-сырьевого государства – это запрограммированные: перенапряжение власти, борьба двух вертикалей за ресурсы,

взаимоисключающие политические решения (неогорбачевщина). В итоге – дезорганизация, саботаж. Хаос усугубляется страшной коррупцией. Закономерным итогом такой политики становятся развал, череда техногенных катастроф, подъем регионального сепаратизма (см. пример СССР 1986–1991 гг.).

По моему мнению, вместо модернизационной вертикали нужна фактически новая опричнина. Параллельное опричное государство, вернее – параллельный контур управления развитием страны. Ибо старое государство коррупционно, антиинновационно, неиндустриально и т. д.

Государственный аппарат всегда нацелен на сохранение статус-кво. А развитие – всегда нестабильность, разрушение старого. Поэтому в дополнение к государству должно существовать нечто, отвечающее за развитие. Исторические аналоги этого «нечто» с той или иной степенью успешности и соответствия:

- опричнина Ивана Грозного;
- потешные полки и гвардия Петра Великого;
- сталинский «орден новых меченосцев» в замысле Сталина, но, к сожалению, не воплощенный в жизнь;
- организация СС в Германии;

– корпус стражей исламской революции в Иране;

– постмасонство, Закрытая сеть, которая стоит за спиной государства в США.

Все это структуры, существующие параллельно с государством и отвечающие за развитие, и заставляющие государство идти вперед.

В нынешних русских условиях «новая опричнина» потребует:

– четкого плана будущего страны «опережающего», а не «догоняющего» характера (с догоняюще-импортозамещающими дополнениями), планов новых Пятилеток развития как

совокупности мегапроектов-
локомотивов развития РФ;

— диктаторской власти,
опирающейся не на гнилой и
вороватый бюрократический аппарат,
а на новый класс делократов,
«самураев развития», на сильное
местное самоуправление
(демократическая диктатура
развития).

Такая власть должна иметь свою
вооруженную силу (зародыш будущей
русской армии). Эта гвардия должна
защитить властителя от попыток сил
реакции и деградации устроить
государственный переворот (или
региональный сепаратистский путч).
Она же призвана подавлять

сопротивление старой
коррупционно-сырьевой «элиты». Тем паче что развитие РФ потребует принести в жертву и «раскулачить» изрядную часть высшего чиновничества и олигархата.

Вместе с гвардией в рамках «нео-опричнины» необходима особая спецслужба, контуры коей обрисованы в работе М. Калашникова «Чекисты Пятой империи». Ее миссия — «разграждение» саботажа на пути продвижения нужных инноваций, борьба с коррупцией, изъятие нагребленного, выведенного из экономического оборота, уведенного за рубеж. (Отнять — но не делить, а

рационально инвестировать!)

Новая опричнина должна иметь четкое представление о том, что она превосходит старое государство в эволюционном плане так же, как сапиенс — питекантропа. Это — диктатура честных, умных и компетентных над вороватыми, тупыми и неумелыми. Господство наукоемких отраслей над сырьевыми и «первопередельными». Гегемония дальновидных людей с живым воображением над косными и инертными. Опричнина призвана господствовать над старым государством, очищая его от скверны и направляя в нужную сторону. Выполняется сталинский завет:

прежде всего — идеология, планы развития и кадры высшего качества.

В составе новой опричнины должны работать:

- мозговые тресты высочайшего уровня, специальные комиссии по решению неотложных задач и стратегических проблем;

- системы предсказаний, прогнозов, моделирования последствий предполагаемых действий;

- передовые организационные технологии и организационное оружие;

- служба подбора, подготовки и расстановки кадров — с отбором исключительно честных людей (с

ПОМОЩЬЮ
ПСИХОТЕХНОЛОГИЙ);

НОВЕЙШИХ

— тесно связанная с этим
система образования;

— свой «параллельный» бюджет
развития, инвестиционные и
венчурные фонды, суверенная
кредитно-финансовая система
(зародыш новой национальной
банковской системы);

— собственные институты
опережающего развития,
смыкающиеся со старым
государством (например, Агентство
передовых разработок при
президенте РФ и принимаемые
государством стратегические
программы развития типа Атомного

проекта старых времен).

Наконец, опричнине
необходимы новые территории –
очаги инновационного роста,
опытные модели развития. То есть
закрытые города, наукограды,
технополисы вокруг
исследовательских университетов и
футурополисы, предложенные мной в
открытом письме Президенту
Д. Медведеву. Это – новая,
расширяющаяся страна.

Цель новой опричнины –
«пересборка» страны, создание и
сверхновой России, и сверхнового
русского народа. Ее идеология:
инновационное, социальное и
национальное развитие, прорыв в

эпоху «за капитализмом» в ее русском варианте. Сбережение и возвышение нашего народа. Воссоединение русской цивилизации в рамках федеративного Русского союза (РФ + Приднестровье + Белоруссия + Украина как минимум). Создание привлекательной модели качественной и богатой жизни граждан. Сопроцветание и соразвитие с народами — цивилизационными союзниками русских. Сотворчество и сверхнационализм по «Русской доктрине». Опричнина преобразует страну и постепенно включает в нее всю РФ, после этого переставая быть опричниной.

Таким образом, нужна все-таки полноценная опричнина, а не «модернизационная вертикаль». Ибо она чревата вторым изданием горбачевщины. А две вертикали власти в рамках **одного** государства — это хаос, конфликты между обоими «вертикалями» и развал.

Нет! Нужно именно нечто над государством и вне его.

Глава 3

Андрей Фурсов.

Опричинина в русской истории – воспоминание о будущем или кто создаст IV Рим?

— Скоро подует
восточный ветер,
Уотсон. — Не думаю, Холмс.
Очень тепло. — Эх, старик,
Уотсон. В этом

переменчивом веке только
вы не меняетесь. Да, скоро
поднимется такой
восточный ветер, какой
еще никогда не дул на
Англию. Холодный, колючий
ветер, Уотсон, и, может,
многие из нас погибнут от
его ледяного дыхания. Но
все же он будет ниспослан
богом, и когда буря
утихнет, страна под
солнечным небом станет
чище, лучше, сильнее.

А. Конан-Дойл.
Его прощальный
поклон

*И от ветра с Востока
пригнулись стога, Жмется
к скалам отара. Ось земную
мы сдвинули без рычага,
Изменив направление удара.*

*В. Высоцкий. Мы
вращаем землю*

Опричнина – ключевое событие русской истории последних пяти веков. Именно она заложила фундамент той уникальной формы власти – автосубъектной, – которая мутировала, слабела, возрождалась, менялась и почти при каждой серьезной смене не только оставалась самой собой, но и

приобретала все более чистую, свободную от собственности и «классовых привесков» (В. В. Крылов) форму – *la plus ça change, la plus c'est la même chose* («чем больше меняется, тем больше остается собой»). Более того, опричнина стала не только фундаментом, но одновременно и эмбрионом этой власти, которой суждено было развиваться по схеме **«преемственность через разрыв»**.

Наконец, опричнина подарила русской истории один из ее главных (неглавных больше) принципов – опричный, который, отрицая княже-боярский принцип, оттолкнувшись от него, породил принцип

самодержавный и таким образом оформил и, если угодно, замкнул триаду, придав, как это ни парадоксально, обоим принципам самостоятельный характер и заставив их жить собственной жизнью. И в этой собственной жизни каждого принципа именно опричный связывает самодержавно-национальный («народный») и олигархический (княже-боярский) принципы и в известном смысле снимает (в гегелевском, диалектическом, смысле) противоречия между ними.

Опричнина, как и ее создатель Иван Грозный, – оболганное явление нашей истории, порой сознательно,

порой от непонимания. Оболганное как большими мастерами науки и литературы (например, на первых страницах замечательного романа А. К. Толстого «Князь Серебряный» мы сталкиваемся с некими мерзавцами, коими оказываются опричники. Конечно же, среди опричников, как в любой «чрезвычайке», хватало «биологических подонков человечества» (И. Солоневич), но суть-то явления ускользнула от «второго Толстого». Как ускользнула она и от мелкой шантрапы от тех же науки и литературы, а теперь еще и кино (достаточно вспомнить фильм «Царь»)).

В докладе я хочу остановиться на нескольких вопросах:

1) опричнина как историческое явление, его корни — они столь же необычны, как сама опричнина;

2) фактическая сторона дела — очень кратко, основные вехи;

3) суть опричнины, ее причины, последствия — кратко-, средне- и долгосрочные;

4) опричный принцип русской истории в противовес олигархическому и самодержавному, с одной стороны, и институциональному, с другой;

5) реализация опричного принципа в русской истории;

6) «грозненские» (Иван IV,

Сталин) и «питерская» (Петр I) версии опричнины;

7) нужна ли и возможна ли в России сегодня (или завтра) новая опричнина (нео-опричнина) или, точнее, нужно ли и возможно ли возвращение опричного принципа в той или иной форме, и если да, то какова может быть цена.

Истоки опричнины – издалека долго...

Причины, породившие опричнину, уходят в XIV–XV века, в ордынскую эпоху – «Крот Истории роет медленно» (К. Маркс). Превращение русских князей в улусников Золотой Орды принципиально изменило конфликты в среде русской знати, их вектор. Если в домонгольскую эпоху они по своей логике мало чем отличались от западноевропейских, то под владычеством Орды они стали иными. Поскольку княжества боролись за место под «ордынским

солнцем» (или под «ордынским зонтиком») и от этого зависела судьба не только князя, но и бояр, последние, чтобы взять верх над соперниками, т. е. другими княжествами, должны были поддерживать своего князя, а не бороться с ним, не раскачивать лодку. В результате побеждали те княжества, в которых отношения князя и боярства приобретали характер симбиоза, превращаясь в княже-боярский «комбайн», штуку вполне олигархическую.

Больше и быстрее всех в создании «комбайна» преуспела Москва, и это стало залогом ее побед. Именно настырные

московские бояре в 1359–1363 годах, когда ярлык на правление был отдан Ордой суздальскому князю Дмитрию Константиновичу, постоянно ездили в Сарай и не нытьем, так катаньем (и взятками, конечно) выторговали-выклянчили у хана и его «турз-мурз» ярлык для своего князя.

*«Московский и татарский воин»,
гравюра из книги Сигизмунда Герберштейна
«Записки о Московии» (изд. 1556 г.)*

Именно московские бояре во главе с И. Всеволожским в 1432 году окончательно добились у Улу Мухаммеда ярлыка Василию II, а затем, сохраняя «комбайн» во время «великой замятни», уходили вместе со своим князем в Коломну (1433 год), Вологду (1446 год), Тверь (1446 год), а не оставались в Москве с победителями — Юрием Дмитриевичем и Дмитрием Юрьевичем (Шемякой). Московским боярам нужна была победа, но только «одна на всех», и они, бояре, готовы были не стоять за ценой,

поскольку знали: их сила — в князе, а сила князя — в них, поскольку нет у него иной опоры, кроме них.

Разумеется, все это не исключало конфликтов между князем и боярами. Так, в 1379 году в Москве был казнен боярин, сын последнего московского тысяцкого И. В. Вельяминов — то была первая публичная казнь в Москве и, что символично, первым казненным был боярин. Были и другие случаи. И тем не менее до конца XV века, до тех пор, пока была Орда, княже-боярский «комбайн» работал.

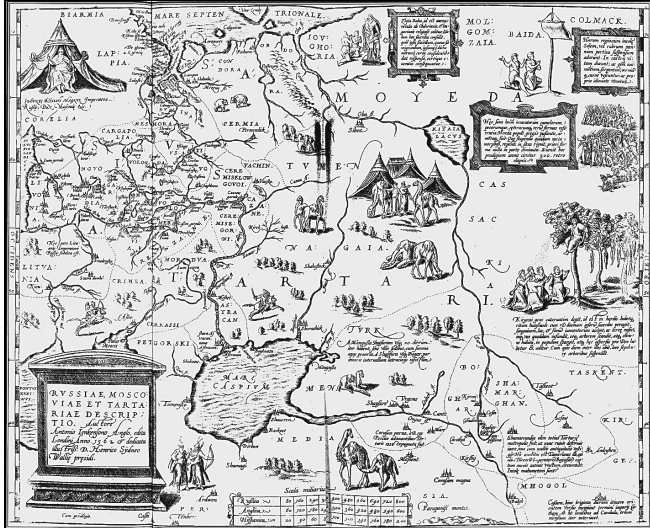

*Гастальди Дж. (Giacomo Gastaldi)
 «Карта Московии» (ок. 1550 г.) из книги
 «Описание Московии Джакомо Гаистальди,
 пьемонтца, космографа в Венеции» (изд.
 1550(51) года, Венеция. Автор: Джакомо
 Гаисталди, Сигизмунд Герберштейн.
 Издатель: Джованни Батиста Педрезано.
 Гравер: Джакомо Гаистальди)*

Все изменилось на рубеже XV–XVI веков, когда совпали «уход» Орды, присоединение Москвой огромного массива новгородских земель и женитьба Ивана III на Софье Палеолог. Наличие Орды цементировало княже-боярский «комбайн» перед лицом хана. Теперь, с исчезновением Орды, сам великий князь становился «ханом» (православным), намечая, пока пунктиром, отделение от боярства. При этом внешнее, формальное отделение обгоняло внутреннее, содержательное. Дело в том, что новая (вторая) супруга Ивана III Софья Палеолог сделала все, чтобы установить при московском

великокняжеском дворе новые порядки. При Иване III это не очень-то удалось: хотя Софья и попыталась завести при дворе новый пышный и строгий церемониал по византийскому образцу, отношения князя и бояр в целом оставались «по старине», патриархально-домашними. Однако с вокняжением в 1505 году Василия III все изменилось — новый князь, потомок не только Рюриковичей, но уже и Палеологов, повел себя с боярами как самодержец: практически перестал советоваться с ними, открыто наказывал несогласных (и урезание языка было одним из наиболее мягких наказаний). Так византийская

форма обрамила автосубъектное, наведенное Ордой, содержание, и на эту-то форму и «ловятся» историки, не замечая содержание и разглагольствуя о «византийском влиянии».

Энтони Дженкинсон (Anthony Jenkinson)
«Карта России, Московии и Татари» (1562 г.)

Однако наиболее важным фактором подрыва княже-боярского «комбайна», заложенной под него бомбой замедленного действия был

массив новгородских земель, прихваченный Москвой в 1470-е годы. Этот массив позволил московскому князю начать в невиданном доселе масштабе раздавать земли в качестве поместий, т. е. реально развивать поместную систему. И хотя первый русский помещик (Бориско Ворков) упоминается еще в 1328 г., реальное развитие поместной системы стартовало в конце XV века. Получали поместные земли в массе своей «дети боярские» (т. е. дворяне). Впрочем, поместьями наделялись и представители боярских родов, однако, прежде всего, поместья были средством существования массы

мелкого и среднего служилого люда. В результате появился огромный слой, который численно превосходил князей и бояр, слой, чье обладание вещественной субстанцией полностью зависело от великого князя (после 1547 года – царя). Последний был единственным, кто мог оградить их от произвола богатых и знатных. Ну а великий князь получил, наконец, иную, чем боярство, социальную опору, что объективно улучшало его властную позицию внутри княже-боярского «комбайна».

MOSCOVIÆ
MAXIMI AM
PLISSIMI
QVE DVCA
TVS

chorographica descriptio
Authore Antonio Iankovino
Anglo

Энтони Дженкинсон, Герард де Йоде
(*Anthony Jenkinson, Gerard de Jode*)

Основные противоречия внутри господствующих групп — между князем и боярством, между боярством и дворянством — наметились уже на рубеже XV–XVI веков. Однако в первое тридцатилетие XVI века они не приобрели острого характера, оставались латентными — эти десятилетия были относительно спокойным временем в русской истории: экономический подъем, отсутствие крупномасштабных эпидемий, в целом удачная внешнеполитическая ситуация (за

исключением поражения при Кропивне в 1514 году и «крымского смерча» «в исполнении» Мухаммед-Гирея в 1521 году). В целом Московия неспешно «переваривала» то, что проглотила при Иване III.

Ситуация изменилась к 1550-м годам: процесс «переваривания» закончился, наследие ордынско-удельной эпохи, прежде всего земельный фонд, было «проедено»; бояре, привыкшие к вольнице 1530–1540-х годов, причем к вольнице в отношениях как с малолетним, а затем юным великим князем, так и с «детьми боярскими», потихоньку борзели. Противоречия в обществе по поводу доступа к общественному

пирогу различных слоев господствующего класса, их доли в нем (а в России это доступ только через власть) стали обостряться. При этом конкуренция внутри господствующего класса (как между верхами, с одной стороны, и средними и нижними слоями, с другой, так и между наиболее знатными кланами) усиливалась на фоне обострения противоречий между господствующим классом в целом и населением. Такая ситуация сама по себе требовала консолидации господствующих групп, их замирения. Не случайно собор 1549 года – фактически первый земский собор – был назван

Собором примирения, главной задачей которого прекратить боярские злоупотребления властью по отношению к детям боярским.

«Карта Московии» (1549 г.) из книги Сигизмунда Герберштейна «Записки о Московии» (изд. 1556 г.)

Задачи

консолидации

господствующих групп (одна из серьезнейших задач практически для всех структур русской власти) в рамках централизации власти решали (или пытались решить) реформы «Избранной рады». Однако если первый этап реформ (первая половина 1550-х годов) способствовал некоторой стабилизации социальной ситуации, то на втором этапе стало очевидно, что какие-то группы должны были вынести на себе основное бремя реформ и по всему выходило, что это прежде всего крестьянство и в значительной степени низы и средние слои господствующего класса. И это при том, что по

«приговору о службе» 1556 года весь господствующий класс, т. е. не только помещики, но и вотчинники, становился военно-служилым, проще говоря, ставился под жесткий контроль центральной власти. Все это вело к новому обострению противоречий, которые в условиях сложной внешнеполитической ситуации становилось прямой и явной угрозой центральной власти, центроверху. Разрешить эти противоречия или хотя бы максимально смягчить, равно как и двигаться дальше по пути укрепления центроверха, персонификатору последнего без конфликта с боярством было невозможно.

Конфликт назревал, первые ходы в нем сделал царь.

В 1562 году новая духовная грамота несколько отодвинула Боярскую думу (направление удара — власть); затем было издано новое уложение, запрещающее княжатам продавать и менять старинные родовые земли (направление удара — собственность). К тому же Иван IV объявил решение о пересмотре сделок по княжеским вотчинам аж с 1533 года. То была «черная метка», причем весьма адресная: был четко очерчен первый круг князей, на которых распространялся пересмотр. Так сказать, цели определены, задачи ясны, за работу, товарищи.

В этом «круге первом» оказались представители главнейших родов/кланов суздальской знати — князя Шуйские, Ярославские, Стародубские и Ростовские. По сути, царь «вырыл топор» социальной войны с многочисленной и могущественной знатью: 265 представителей четырех кланов служили в составе Государева двора, 119 проходили службу по особым привилегированным спискам и 17 сидели в Боярской думе в качестве бояр и окольничих. Теперь ситуация могла разрешиться только по-ленински: «кто — кого». А вот у царя в предстоящей схватке не было никаких институциональных средств

борьбы. Напротив, все существующие институты защищали московский старый порядок — княже-боярский, работали против царя, жестко привязывали его к боярству в рамках «комбайна» ордынских времен. Вот эту связь, цепь и предстояло разорвать, уничтожив «комбайн», а царя — в качестве элемента этого «комбайна» — освободить, превратив в единодержца.

Но как это сделать? Особенно если учесть, что даже первые шаги царя вызвали ответную реакцию — в Литву бежит и начинает там антигрозненскую пропаганду бывший друг царя Андрей Курбский; духовенство и Боярская дума требуют

прекратить гонения на знать (жертвами репрессий пали Репнин и Кашин – князья из рода Оболенских и Овчинин). Ситуация предельно обострилась к концу 1564 года.

Теоретически у царя было два очевидных варианта большой властной игры. Один – опереться в противостоянии с боярством на дворянство в целом как класс. Но, во-первых, дворянство само по себе в грозненское время не было классом, оно станет таковым только во второй половине XVIII века, особенно «трудами» Петра III и Екатерины II, и потому-то немецкая самозванка на русском троне сможет опереться на него в противостоянии и вельможам,

и гвардии, разрешив таким образом «казус Анны Иоанновны» (с вельможами-«затейниками»-олигархами против гвардии или с гвардией против вельмож); дворянство как класс еще предстояло создать, а на это не было времени — целой жизни не хватило бы. Во-вторых, «создание дворянства» потребовало бы наделения его некими правами, а в условиях неоформленности, бытия-в-себе, в неразвитом состоянии центральной власти это было крайне рискованно. В-третьих, это был путь медленный и эволюционный, на который не только не было времени, но который мог быть насильственно прерван.

Другой вариант – выкидывать белый флаг, растворяться в княже-боярстве, в олигархической централизации, что означало опасность для государства, лично царя и даже династии (достаточно вспомнить события марта 1553 года). Но был третий вариант, неочевидный, на первый взгляд просто немыслимый, и он-то и был реализован – Насиб Талеп назвал бы это «черным лебедем».

Третий вариант – предпринять нечто нестандартное и чрезвычайное. Выражаясь шахматным языком, Иван (а он играл в шахматы и, по одной из версий, умер во время шахматной партии)

должен был найти неожиданное продолжение, ошеломив им противника. Царь нашел решение (и слово, которое — «нам не дано предугадать, как слово наше отзовется»; тютчевское «слово» меняем на «дело»), которое заложило основу особой власти в форме самодержавия и определило ход русской истории на несколько веков. Словорешение называлось «опричнина». Необычная форма — княже-боярский «комбайн» — вызвала к жизни и необычное, чрезвычайное средство ее устранения, выковала своего могильщика.

Опричнина – как много в этом слове...

3 декабря 1564 г., помолившись в Успенском соборе и картинно (царь был большой лицедей) простившись с митрополитом Афанасием, членами Боярской думы, служилыми людьми, царь с семьей и ближними людьми «погрузился» в санный поезд и под охраной нескольких сот вооруженных людей отправился на богомолье, увозя к удивлению провожающих, государственную казну и наиболее почитаемые иконы. Миновав Коломенское и Троицкий монастырь, он обосновался в

Александровой слободе, которая, по сути, была естественной крепостью.

Из Александровой слободы царь отправил письмо митрополиту, в котором предъявлял обвинения в адрес боярства и духовенства, говорил о том, что налагает на обидчиков опалу и отказывается от трона, поскольку не может править (казнить и миловать) по своему уразумению. Отречение от царства и одновременно опала — в этом есть определенное противоречие: налагать опалу на высшие чины может только царь, а он-то как раз и отказывается от этой «функции».

*Великий князь Иоанн IV Васильевич
(миниатюра из Царского титулярника 1672 г.)*

В то же время царские гонцы распространили в столице письма (по сути – прокламации), в которых от имени царя говорилось, что опалы налагаются только на бояр и что на посадский люд гнева нет. Таким образом, царь натравливал посадский люд на бояр, используя, выражаясь марксистским языком, классовые противоречия и находясь, используя уже другой язык, в режиме активного выжидания. Выжидание это далось царю нелегко: он знал, что играет ва-банк и что может проиграть – всего за один месяц, за

декабрь 34-летний царь постарел на несколько лет, ссутулился, облысел. Но паузу выдержал, не сморгнул. Сморгнула противоположная сторона, хорошо помнившая июньский бунт 1547 года (когда толпа рвала боярина Глинского) и справедливо опасавшаяся народного бунта.

5 января 1565 года депутация, состоявшая из «высокопоставленных лиц», била Ивану челом сменить гнев на милость, возвратиться на царство и править страной, как ему хочется. Условием возвращения Иван выдвинул признание государевой воли единственным источником власти и закона. Царь становился над

верхушкой господствующего класса и ее институтами, и бояре согласились. По сути, это была революция внутри господствующего класса, ломавшая двухсотлетние княже-боярские устои. Однако царь не был наивным человеком, он прекрасно понимал то, что в начале XX века сформулирует Ленин: грош цена революции, не способной себя защитить. Ну а лучшая защита — нападение. Средство социального защитонападения Иван Грозный изобрел сам — то была опричнина.

Объявив о возвращении, царь в то же время поставил депутацию в известность, что частью страны будет управлять сам, с помощью

своих людей; в этой части не будет Боярской думы, приказов и т. п. Царь решил «учинить на своем государстве себе опришнину», т. е. выделить особый удел, в котором заводились новые порядки, новая администрация, новая господствующая группа, а точнее, господствующая группа нового типа — опричники.

*«Вооруженные всадники московиты»,
гравюра из книги Сигизмунда Герберштейна
«Записки о Московии» (изд. 1556 г.)*

В начале XX века Ленин сказал: дайте мне организацию профессиональных революционеров, и я переверну Россию — и перевернул, создав новую властную, а затем и социальную систему. Перевернул, правда, с помощью исторических обстоятельств, этой организацией не только не созданных, но и непредвиденных, а главным образом с помощью немецкого Генштаба и банкиров Уолл-стрита. Перефразируя Ленина, Иван IV мог бы сказать: дайте мне организацию особого типа, и я переверну Русь — и перевернул, создав новую властную, а затем социальную систему (самодержавие).

Но сделал это без иностранной помощи, чем отличается от двух «антихристов» русской истории — Петра I и Ленина.

Иван Грозный разделил страну на две части: опричнину и земщину. В земщине продолжали править Боярская дума и приказы — но это на бумаге, по сути и ее контролировали опричники, лишь формально ограниченные опричной зоной. В последней же опричники хозяйничали и по сути, и по форме. Опричный корпус в разное время достигал численности от 1 до 5 тыс. человек; отбирал в него сам царь. В корпусе служили представители всех слоев господствующего класса —

князья, бояре, дети боярские (дворяне). Вступление в опричники снимало «ранговые» различия. Это усиливалось тем фактом, что вступая в опричнину, человек должен был отречься от родных и друзей, обязывался служить царю и искоренять крамолу, кусая врагов царя, подобно псам, и выметая измену из страны (отсюда знак опричника – собачья голова и метла).

По сути, опричнина была первой в русской истории чрезвычайной комиссией (ЧК), организацией, поставившей чрезвычайный принцип над институциональным. Они потом не раз еще явятся в русской истории. Гвардия Петра I, ЧК большевиков:

«быль царей и явь большевиков», «бред разведок, ужас чрезвычайек» — так об этом напишет Максимилиан Волошин в стихотворении «Северовосток». Но первой стала опричнина, а изобретателем и генеральным/гениальным конструктором был Иван Грозный, крупнейший из авторов русских властных инновационных проектов.

По форме организации опричнина отчасти копировала церковную, точнее — монастырскую. Опричную «братию» возглавлял игумен (сам царь), были в ней пономарь, келарь, рядовые монахи. Была общая трапеза. Верхние одежды были грубыми — нищенскими или

монашескими, в руках опричника — посох. Но трапеза была не аскетической, а обильной, изысканной, под грубой верхней одеждой скрывалась одежда из тонкого сукна на собольем или как минимум куньем меху и шитая золотом; на поясе под одеждой висел длинный нож. Перед нами эдакий светский орден мече(ноже)носцев, имитирующий церковный; полтора века спустя в виде «всепьянейшего и всешутейшего собора» Петр I доведет до конца эту имитационную, «опускающую» церковь как институт логику.

MOSCOVITA SIVE MOSCUS
militaris.

CLXXII.

Ein Moscovitter.

Ein Moscoviter saturret arth/
Also gerüstet zu der fahrt/

Mit seinem Bogn zum Streit vnd Krieg/
Sein Sinn vnd Muth steht ihm zum Sieg.

*«Московит в военном наряде», гравюра
из книги Сигизмунда Герберштейна «Записки о
Московии» (изд. 1556 г.)*

Иван Грозный дал четкое название придуманному им чрезвычайному органу, «властному гиперболоиду» — «опричина». Обычно упоминают только одно значение этого слова: «опричь» — значит «кроме». Однако есть еще три значения, и все они работают на новую форму, т. е. адекватно характеризуют ее содержание. Второе значение «опричины» — так называли крестьян одной социальной категории, вместе записавшихся в монастырь (опричина как — по форме —

монастырская братия). Третье значение — вдовья доля: когда погибал или умирал боярин (дворянин) и некому было служить (нет ни детей, ни племянников или есть только дочери), большая часть владений отписывалась в казну, а часть — «опричина» — оставлялась вдове. Большой любитель поюродствовать (и «черного» юмора) царь со вкусом применил «вдовью» интерпретацию к своему новому уделу. Наконец, четвертое значение — «опричиной» называли изысканное, самое вкусное блюдо, которое подавалось для лакомства после того, как основная часть гостей отбивала и за столом оставались хозяин и

самые дорогие гости – «лучшие люди». Это значение опричнины как нельзя лучше характеризует несоответствие скромной формы и разгульного содержания опричнины.

Седов Григорий Семенович «Иван

ЧК под названием «опричнина», по мысли царя, должна была сломить сопротивление знати. Но сопротивление чему? Какое сопротивление стремился упредить царь? Сопротивление тому, что составляет главное по сути в опричнине — так называемый «земельный террор». Именно он был «основной операцией», которую должен был обеспечить и прикрыть физический террор, творимый опричниками. Последний был важен, особенно в самом начале, чтобы запугать, как говаривал уорреновский Вилли Старк, «чтобы их внуки в этот

день описались, сами не зная почему». Но физический террор, масштабы которого сильно преувеличены, не был ни единственным, ни тем более главным в опричнине. Главным было «перебрать людишек» и их земли; иными словами, осуществить обещанный пересмотр княжеских сделок по земле, совершенных после 1533 года, т. е. после того, как со смертью Василия III ослабла государева узда на шее боярства. Конкретно речь шла о том, чтобы снять князя или боярина с насиженных мест, даже если это его вотчина, и переселить в другое место, выделив ему там землю —

практика вполне ордынская. Но дело было не столько в собственности, в подрыве экономических позиций, хотя и в этом тоже, а во власти: «земельный террор» рвал связь князей с их детьми боярскими, у них «переменялся двор», и их позиции слабели. Недаром одной из любимых фраз Ивана Грозного была «перебрать людишек». О том, к каким результатам привел «перебор» — чуть позже, а сейчас — кратко — об основных событиях опричнины.

Moscouita cum armis equestribus

Der Moscouiten reuter mit seyn kriebs Waffnen

«Всадник московит с вооружением»,
гравюра из книги Сигизмунда Герберштейна

Уже в 1565 году состоялись первые казни. В 1566 году возник конфликт 300 земцев – участников Собора 1566 года с царем (челобитная об отмене опричнины). В 1567 году – новые репрессии. В 1568 году вспыхнул конфликт царя с митрополитом Филиппом. В следующем году был уничтожен последний удельный князь Владимир Старицкий с семьей. В 1570 году был разгромлен Новгород и проведено дело «о новгородской измене» в Москве. За этим последовал второй тур «московского дела» – арест, казни и уничтожение полутора

десятка опричников, включая
Вяземского, Черкасского,
Басмановых.

За время опричнины было
пролито немало крови – особенно по
сравнению с правлением Василия III.
Однако по сравнению с тем, что
творили современники Грозного
царя в Западной Европе – Карл IX во
Франции во время религиозных войн
(Варфоломеевская ночь и другие
погромы), Генрих VIII и Елизавета I в
Англии, герцог Альба по приказам
испанского Филиппа II в
Нидерландах – действия Ивана IV
выглядят весьма и весьма умеренно.
О злодействах западных королей и
королев критики Ивана IV, как

западные, так и отечественные, почему-то не вспоминают, а ведь все познается в сравнении. Позиция западных пропагандистов разных веков понятна: им нужно очернить Россию, русских и их царя и обелить себя — одним из качеств западной цивилизации является фантастическая самоапология, изощренное самооправдание, умение табуизировать неприятные темы (инквизиция, религиозный террор, колониализм и др.). Менее понятна позиция местных автофобов, раздувающих до вселенских масштабов то, что не идет ни в какое сравнение с социальными преступлениями западных верхов и

не выходит за рамки статистической («аристотелевской») нормы. Я уже не говорю о том, что становление центральной власти повсюду в Европе во время кризиса «длинного XVI века» (1453–1648 годы) протекало с кровью, и русские «потоки» были, пожалуй, одними из самых малых. Тем более что длилась опричнина всего семь лет, а затем, в 1572 году была отменена.

Стоп. Откуда мы знаем, что она была отменена? И если была – то в каком смысле? Прояснение этого вопроса позволяет лучше понять ее причины, суть и результаты опричнины.

1572 год – куда подевался «гиперболоид инженера Грозного»?

Впервые предположение об отмене опричнины высказал – без каких-либо доказательств – большой выдумщик по части русской истории Карамзин в 1825 году. Тезис был принят. В 1925 году были опубликованы мемуары Штадена – немца, жившего в России во времена опричнины. Штаден, представивший себя в мемуарах опричником, заявлял, что опричнина была отменена в 1572 году.

Я согласен с Д. Альшицем, что

Штадену верить нельзя. Опричником он не был, жил в земщине и сбывал награбленное опричниками. Барыга, враль, не имевший доступа к серьезной информации. Действительно, за упоминание слова «опричина» с 1572 году били кнутом – и что?

Какие еще аргументы приводятся в пользу того, что царь разочаровался в опричнине и потому отменил ее. Таких аргументов два, и их убедительно опроверг Д. Альшиц.

Первый аргумент – «битва на Молодех» 1572 году, когда русские, правда, дорогой ценой, нанесли сокрушительное поражение крымцам в 45 км от Москвы. Попутно замечу,

что эта битва, значение которой историки, прежде всего либеральные, преуменьшают (а то и вовсе не упоминают эту битву), как минимум не менее важна, чем Куликовская — потерпи русские поражение, и пришлось бы платить дань крымскому ханству.

Некоторые историки, не приводя конкретных аргументов, утверждают по поводу битвы «на Молодех»: опричники-де показали, что могут мордовать только мирное население, что они «молодца против овца, а супротив молодца — сами овца»; поэтому якобы не надеясь на своих «крошечников», царь перед битвой «разбавил» войско земскими

полками, они-то, под командованием
Воротынского, и выиграли сражение.
Все это, однако, досужие домыслы.
**Во-первых, представление о низкой
боеспособности опричного войска
ни на чем не основано.** Во-вторых,
в битве опричные полки под
командованием Хворостинина
показали себя как минимум не хуже
земцев. В-третьих, что касается
объединенного земско-опричного
войска, то оно было создано не
потому, что царь сомневался в
боеспособности опричников, а по
совсем другой причине – именно
потому, что полагался, прежде всего,
на опричников. Дело в том, что в
1568 г. был раскрыт заговор под

руководством боярина Федорова. Заговорщики планировали силами земских полков перебить опричные, захватить Ивана Грозного и выдать его полякам. Вот после раскрытия заговора и было решено создать общее опрично-земское войско, в котором опричный сегмент выполнял функцию коллективного «политкомиссара».

Второй аргумент: в 1571 году царь начал казни опричников, это якобы означает, что он разочаровался в опричнине и на следующий год отменил ее. Начать с того, что опричников казнили не за то, что они опричники, а в каждом случае была своя конкретная причина. Это

первое. Второе заключается в том, что казни решали проблемы отношений внутри опричного корпуса, были, если пользоваться терминологией Мао Цзэдуна, «исправлением стиля»: репрессии проводили не земцы, а сами же опричники – Малюта Скуратов и Василий Грязной, т. е. одна часть ЧК с одобрения царя устранила другую часть. И, наконец, самое главное: после так называемой «отмены опричнины» опричники заполнили Государев двор, опричное правительство стало называться «дворовым», функционировало оно до самой смерти царя, а точнее, не просто функционировало, а

проводило прежнюю политику; правда, физического террора поубавилось (в нем уже не было нужды — воля противников была сломлена, к тому же Борис Годунов усовершенствовал унаследованный от своего тестя Малюты Скуратова «политический сыск», и во многих случаях достаточно было профилактических акций в режиме активного противодействия), а вот механизм земельных перераспределений опричного типа продолжал действовать. Государев двор, «накачанный» опричниной, стал главным органом власти, изменив свое положение по отношению к Боярской думе. Без

опричнины такого изменения в положении и роли «президентской администрации» XVI века и помыслить себе нельзя.

Большая государственная печать Царя
Иоанна IV Васильевича. Лицевая сторона.
1577 г. (по А.Б. Лониеру)

Так что же изменилось? Лишь «знаки и возглавья» (М. Волошин), т. е. изменилось — исчезло — слово. Но не дело по своей сути. Дело изменилось по форме: **опричнина из ЧК превратилась в регулярную организацию**, в — худо-бедно — институт. Рискнет ли кто-нибудь сказать, что когда в начале 1920-х годов ЧК переименовали в ГПУ, ее отменили? Конечно же нет, она стала постоянно действующим институтом.

К 1572 году опричнина выполнила свою чрезвычайную функцию «страха и ужаса», подмяла существовавшие до нее органы власти, во многом обесценила их,

«укатала-уездила» опричную территорию, подготовив ее к новой жизни.

В этом смысле — «следствие окончено: забудьте» — опричнина была отменена, но не она растворилась в окружающем мире, а в значительной степени растворила его в себе. Как показали события правления Федора Иоанновича и Смуты, растворили недостаточно, чтобы превратить шествие новой власти в триумфальное. Но как показало все правление Михаила Романова и уже первые (до 1649) годы правления Алексея Романова, растворили достаточно, чтобы сделать процесс изменений властно-

необратимым. В 1649 году Соборным уложением правнук любимой жены Грозного царя Анастасии Захарьиной-Юрьевой полностью восстановил самодержавие, спроектированное прабабкиным мужем.

Опричнина исчерпала себя не в том смысле, что разочаровала царя, а в том, что за семилетку решила поставленные чрезвычайные задачи и была институционализирована в виде старого по форме, но совершенно нового Государева двора — «чрезвычайки» по определению не вечны. Можно сказать, что и царь, и боярство (правда, последнее не по своей воле) нырнули в котел с

кипящей водой, только царь, в отличие от героя ершовского «Конька-горбунка», в котле не сварился, а вынырнул «добрым молодцем» (не в прямом смысле слова, в прямом он вынырнул облезшим стариком, разве что не Хоттабычем; впрочем, некоторые властно-магические качества благодаря новой технологии власти приобрел), а вот коллективный боярин — «бух в котел и там сварился». Я не злорадствую — иллюстрирую. Тем более что у бояр была своя правда, но то не была системная правда русской истории — столкновение правд всегда трагично.

Опричнина: цели и результаты

Итак, отмены бывают разные, и отмена отмене – рознь. Здесь возникает вопрос о социальной природе, целях и результатах опричнины. Поэтому среди историков нет единодушия. С. М. Соловьев, автор знаменитой «Истории государства российского» видел в опричнине форму борьбы государственного строя с боярским, который воспринимается если не антигосударственным, то негосударственным. В. О. Ключевский вообще не считал

опричнину чем-то закономерным и целенаправленным, а видел в ней проявление страха царя, его паранойи. С. Ф. Платонов «ничтоже сумняшеся» квалифицировал опричнину как средство пресечения княже-боярского сепаратизма. Н. А. Рожков результаты опричнины усматривал в землевладельческом и политическом перевороте. М. Н. Покровский — вполне в духе своего подхода — трактовал опричнину как средство перехода от феодализма к торговому капитализму и от вотчины — к прогрессивному мелкопоместному хозяйству. Советские историки в своей массе рассматривали опричнину сквозь

классовую (а часто — вульгарно-классовую капитало-центричную) призму, трактуя самодержавие как классовый орган дворянства и подчеркивая его антибоярскую направленность, причем главной сферой борьбы объявлялась собственность, землевладение.

Рассмотрим некоторые точки зрения. Начнем с Платонова, с якобы стремления княжат и бояр к сепаратизму. Подобный подход, на мой взгляд, неправомерно переносит на русскую почву западноевропейские реалии — на средневековом Западе феодальная знать действительно имела сепаратистские устремления. Однако

на Руси ситуация была иной, и дело даже не в той общей причине, что у нас феодализма не было. Причина вполне конкретна: Русь практически не знала примогенетуры (первородства), т. е. наследования старшим сыном **всей** земли, как это было на Западе. В результате на Западе имела место концентрация из поколения в поколение земли в одних руках — и чем древнее род, тем, как правило, больше у него земли, отсюда — формирование крупных земельных массивов, способных к экономическому обособлению, а следовательно, к властному сепаратизму.

На Руси свою долю наследства

прежде всего землю получали все сыновья – принципа примогенетуры-первородства не было. В результате возникала парадоксальная (с западной точки зрения) ситуация: чем древнее княжеский или боярский род, тем меньше вотчины у его представителей. К середине XV века уделы даже удельных князей, не говоря о боярском землевладении, раздробились-измельчали до того, что во многих случаях приблизились по своим размерам к вотчинам обычных служилых людей. В следующем веке эта тенденция сохранилась.

Пример. В роду князей Оболенских в XVI веке

насчитывалось около 100 мужчин; площадь княжества — 30 тыс. га. В среднем на душу выходит 300 га — я согласен с теми, кто считает, что с 300 га по-княжески не проживешь, 300 га — это владения служилого человека. А раз так, то чем древнее и знатнее княжеский и боярский род, тем больше, в отличие от западноевропейских «маркизов карабасов» и прочих «синих бород», он зависит от поместий, от централизации, заинтересован в ней. Русские князья и бояре в массе своей выступали за централизацию. Вопрос — за какую. Централизация может быть едино(само)державной, а может — княже-боярской,

олигархической. Но об этом выборе «русского витезя на распутье» — позже. Итак, схема Платонова не срабатывает.

«Страх и паранойя царя», «политический маскарад» — докладывает Ключевский. Однако все в опричнине — и тщательность подготовки, и выверенность действий, а главное, четкая продуманность географии опричнины — опровергает такой подход, демонстрирует его непродуманность, легковесность. Какие земли отошли в опричнину? Самые важные в военно-стратегическом и хозяйственном отношении. Прежде всего это земли,

прилегающие к западной границе Руси — шла Ливонская война. В опричнину включили районы добычи соли, зона на севере (Архангельск, Холмогоры). Опричное Среднее Поволжье рассекало волжскую торговлю и ставило ее под опричный контроль. Средневожское купечество весьма выиграло от такого хода, именно в опричнину были заложены здесь основы богатства тех слоев, второе поколение которых придет в 1612 году спасти Москву и восстанавливать самодержавие, причем не только по религиозно-патриотическим, но и по экономическим резонам. Упрощая,

можно сказать, что опричная зона в Среднем Поволжье стала вложением властного капитала, непрямым следствием чего стало второе земское ополчение, ополчение Минина и Пожарского.

Москва тоже была разделена на земскую и опричную части таким образом, чтобы из опричной части легко было попасть в опричный же Можайск и двигаться в сторону опричного приграничья — царь страховался и было от чего. Иваном двигала не паранойя, а расчет, пусть во многом и основанный на страхе. Ключевский противоречит себе, когда сам же утверждает: Иван «бил, чтобы не быть битым».

В советской историографии – две линии, отражающие две проблемы, с которыми столкнулись советские историки. Когда стало выясняться, что опричнина была не только по боярству, но и по другим социальным группам, которые не противостояли централизации (здесь та же логика, что и у С. Ф. Платонова), была сделана попытка разделить опричнину на два этапа: антикняжеский и антибоярский. Но как в таком случае объяснить, что жертвами опричнины стала и часть дворянства, т. е. слоя, явно заинтересованного в централизации? К тому же, как мы помним, князья и бояре тоже были

сторонниками централизации. То есть опричный каток прошелся по всем группам, заинтересованным в централизации. Парадокс? Увидим позже.

Второй момент. Длительное время советские историки трактовали опричнину как борьбу за передел земельной собственности; цель борьбы — изменить соотношение крупной и мелкой земельной собственности. Однако А. А. Зимин убедительно показал, что опричнина не подорвала социально-экономические («материальные») основы могущества знати, число княжеско-боярских владений в XVII веке

осталось практически прежним, тем более что шел процесс «конвергенции» вотчины и поместья. И если судить об опричнине с этой точки зрения, то она, конечно же, своей функции не выполнила, не лишила князей и бояр их собственности — дополнительный аргумент для тех, кто считает, что опричнина провалилась и царь, разочаровавшись в ней, упразднил ее.

Оттолкнувшись от вывода А. Зимина, другой советский историк, В. Кобрин заключил: поскольку опричнина не изменила тенденций в развитии земледелия, земельной собственности (напомню, что советские историки в подходе к

данному вопросу концентрировались прежде всего на отношениях земельной собственности), то и борьба дворянства в союзе с царем против боярства — миф, тем более что от опричнины досталось не только боярству, но и дворянству.

Логично? На первый, поверхностный взгляд — да. Но только в том случае, если подходить к опричнине с узкоклассовых позиций. Однако, во-первых, «классы» в докапиталистических обществах совсем не то, что при капитализме; во-вторых, кроме собственности есть власть, и именно она играет решающую роль в русской истории. Я уже не говорю о том, что

вся русская история — это история постепенного освобождения власти от собственности, реализация воли к «чистой власти».

Не могу не согласиться с Д. Альшицем, который считает, что, во-первых, конфликт между царем и дворянством, с одной стороны, и боярством, с другой — не миф, но объект этого конфликта — не собственность. Во-вторых, все — и царь, и бояре, и дворяне — были сторонниками централизации, а значит удары по всем этим группам могут иметь какую-то логику, но иную, нежели узко, если не сказать вульгарно, классовая. Тот факт, что некие группы дружно выступают за

централизацию, не исключает возможности различий между ними — вплоть до острейших, антагонистических. И касались они вопроса: за какую централизацию — едино/самодержавную или олигархическую? в чьих интересах — центроверха или верхних слоев господствующего класса? каким способом — центроверх будет консолидировать господствующий класс? центроверх будет отражать, выражать или представлять интересы господствующего класса? И многое другое, а среди этого прочего — главное: как сможет центроверх обеспечить доступ тех или иных групп к «общественному пирогу»,

т. е. к совокупному общественному продукту вообще и прибавочному продукту в частности.

В XVI веке вопрос «кто – кого» по поводу русской централизации, вопрос о том, какой тип, вариант централизации победит, более конкретно – удастся опричнина или нет, решила специфика русского хозяйства, исследованная Л. Миловым и историками его школы.

Главная черта, характеристика русского аграрного хозяйства – то, что на Руси в силу суровости ее природно-климатических и природно-производственных условий создавался (и создается) небольшой

по своему объему совокупный общественный (а следовательно и прибавочный) продукт — это так и само по себе, и особенно по сравнению с Западной Европой, и тем более с Восточной и Южной Азией. В таких условиях средним и тем более нижним слоям господствующего класса прибавочный продукт может достаться только в том случае, если центральная власть, помимо прочего, будет ограничивать аппетиты верхов — как эксплуататорские в отношении угнетенных групп (чтобы сохранялась какая-то часть прибавочного продукта для неверхних групп господствующего

класса), так и перераспределительные по отношению к средним и низшим группам все того же господствующего класса. Только сильная центральная власть могла ограничить аппетиты «олигархов».

Из-за незначительного объема прибавочного продукта олигархизация власти в России ведет к тому, что средней и нижней частям господствующего класса мало что достается (а эксплуатируемые низы вообще лишаются части необходимого продукта). Поэтому в самодержавной централизации, в индивидуальном самодержавии, в деолигархизации власти были

заинтересованы середина и низы господствующего класса, т. е. его основная часть. Она-то и поддержала царя в его опричном курсе: только грозненское самодержавие могло решить проблемы «детей боярских» в их борьбе с «отцами». Так, русское хозяйство сработало на опричнину и на самодержавный вектор развития.

Итак, борьба дворянства и боярства – не миф, но главный объект борьбы – не собственность, а власть, поскольку только власть на Руси регулировала (регулирует) доступ к вещественной субстанции, к общественному продукту.

Самодержавие – это особый строй власти (и собственности), при

котором господствующий класс консолидируется вокруг центральной власти, причем консолидируется до такой степени, что само функционирование его в качестве господствующего класса возможно лишь через посредство автосубъектной власти, как ее функция. И достигнута эта консолидация была с помощью опричнины, которая и была эмбрионом самодержавия. Встав на ноги, самодержавие реализовало крепостничество как средство и форму гарантии получения своей доли прибавочного продукта именно серединой и «низовкой» господствующего слоя.

Крепостничество — продукт самодержавия, но закрепостителем выступил не Иван Грозный, а Борис Годунов. Однако обратной, если угодно, темной стороной обеспечения этих гарантий стала нивелирующая тотализация, функционализация, если угодно — демократизация господствующего класса. Это та цена, которую пришлось уплатить массовым слоям господствующего класса за доступ к минимуму прибавочного продукта. В условиях небольшого объема прибавочного продукта только едиnodержавная власть могла обеспечить доступ к нему всех слоев господствующего класса, но

средством и ценой был нивелирующий надзаконный контроль над этим классом и требование от его представителей абсолютной лояльности. Главное — лояльность; нелоялен — значит непривластен, а потому лишаешься земли, а следовательно, прежнего объема прибавочного продукта. Здесь становится понятно, почему опричнина проехала катком и по части дворянства и вообще по сторонникам централизации.

Логика новой самодержавной власти, а следовательно, и опричнины заключалась в нивелировке господствующего класса в целом перед лицом царской власти.

Еще с доопричных времен, с 1556 года («урavnительное землемерие» Адашева), вотчинники обязаны были служить — власть нивелировала **служебное** различие поместья и вотчины. В социальном персонаже опричника нивелировались **любые** различия между представителями господствующего слоя — сами опричники могли помнить, что одни из них — князья, а другие — худородные, «взятые от гноища». А вот с точки зрения опричнины как ЧК, с точки зрения власти, это не имело никакого значения.

Организуящим принципом опричнины была лояльность этой ЧК как новой форме власти. Нельзя не

согласиться с теми, кто считает: главное в опричнине не то, что страна рассекалась по горизонтали, а в том, что власть рассекалась по вертикали, причем само существование верхнего, чрезвычайного сегмента обесценивало нижний. Именно этот верхний сегмент обеспечивал царю необходимую, критическую массу власти-насилия для разрыва княжебоярского «комбайна». Если когда-то внеположенная Руси масса Орды обеспечила великим князьям власть и в то же время сплотила их с боярством, то теперь внеположенная «остальной», земской Руси масса опричной «чрезвычайки» эту связь

рвала — с ордынским наследием
рвали с помощью новых,
обусловленных этим же наследием и
его плодами («комбайном»)
способом: не будь княже-боярства,
не понадобилась бы опричина.
Опричниной Грозный царь
ответил не только Киевской эпохе
в лице ее реликта Новгорода, но и
Орде.

В то же время это был ответ на
давление Запада — экономическое,
военно-политическое и, что не менее
важно, духовное. Но это отдельная
тема, над которой интересно
работает замечательный историк
И. Я. Фроянов.

Формально внешне опричина,

т. е. рождение новой власти, нового строя, выглядела как возвращение к удельной старине: опричина воздвигалась, надстраивалась над остальной, земской Русью для решения задач, которые из-за слабости общественных сил и институтов, из-за низкого уровня совокупного общественного продукта и связанных с этим медленных темпов общественного развития, из-за создания и консервации в ордынскую эпоху особой властной формы — княже-боярского «комбайна» — могли быть решены только в режиме «чрезвычайки», как в плане организации, так и в плане времени.

Опричнина до конца «дотерла» удельную систему, устранив даже ее следы; окончательно «переварила» Новгород и в значительной степени поставила под контроль церковь. Произошло это рывком — преемственность через разрыв. Еще раз повторю: терапевтически-эволюционная возможность существовала лишь в теории; в конкретной исторической практике действовать можно было только хирургически. Иначе, в лучшем случае, Россия превращалась бы в нечто польшеподобное, олигархическое с перспективой войны всех против всех — так оно и произошло в Смуту, однако

грозненский самодержавный каркас не позволил распасться обществу, получившему бифуркационный толчок в самодержавном направлении. В худшем случае Россия просто перестала бы существовать. С учетом этой перспективы и следует оценивать достижения и неудачи опричнины как исторического явления.

Впрочем, опричнина – не только конкретное историческое явление, она еще и один из принципов русской власти, иными словами, опричнина нетождественна себе в единственном пространстве истории – во времени.

Опричный принцип власти

Следует различать опричнину в узком смысле слова, как конкретное историческое явление, и опричнину в широком смысле — как чрезвычайную организацию и как принцип власти. Опричина в широком смысле есть чрезвычайная комиссия (организация, орган, корпус), ориентированная на решение внеинституциональным, но легальным способом (или на грани легального и внелегального, нередко — тайным способом) важнейших задач перераспределения власти и

собственности;
внеинституциональность и
секретность обеспечивают
стремительность решения задачи; по
выполнении своей миссии ЧК
(опричнина) либо
институционализируется, либо
распускается.

В своем функционировании
русские опричнины воспроизводили
черты организаций орденового типа
и тайных обществ, не случайно они
обрушивались на уже существующие
орденские и конспиро-структуры —
«боливару» русской истории не
снести двоих, тем более что такие
структуры часто имели
олигархическую ориентацию, а еще

чаще направлялись из-за рубежа (показателен запрет в России в 1822 году тайных организаций и масонских лож, а в 1922 году – решение о несовместимости членства в коммунистической партии и масонских организациях). В то же время ни одна опричнина не превратилась в орден в связи с тем, что была чрезвычайным органом власти. Впрочем, это не означает принципиальной невозможности развития событий в таком направлении в определенной ситуации – например, в условиях волнового резонанса внутреннего и внешнего кризисов, ставящих под угрозу существование легальной

власти, в ситуацию длительной борьбы с институционализированным криминалом и т. п.

Опричнина в общеисторическом смысле есть социальное (организационное) оружие, исправляющее и направляющее в определенный момент ход истории в определенном направлении. Этот момент — точка бифуркации, когда развитие системы зависит не от силы толчка (он может быть слабым), но в направленности и достаточно небольшого усилия, чтобы двинуть систему в некоем направлении, с которого она по инерции уже не сойдет. Поэтому достаточно относительно небольшой (несколько

тысяч, а порой и сотен человек) группы, чтобы изменить вектор истории — при одном условии: **группа должна действовать в миг-вечность точки бифуркации.** Последняя есть пространство и время опричнины, где эти измерения сжаты почти в сингулярную точку, и достаточно слегка изменить направление удара, чтобы изменить ось истории.

Опричный принцип власти возник как преодоление олигархического и, в свою очередь, породил самодержавный, после чего все принципы зажили собственной жизнью, вступая в непростые отношения друг с другом и

сформировав своеобразную триаду или, если угодно, треугольник — самую устойчивую фигуру.

Опричнина как принцип представляет собой комплекс чрезвычайных мер и реализующих их органов и лиц, параллельный контур управления, надстраивающийся над уже существующим и охватывающий его, превращая свой внутренний объект для перемалывания и переваривания, в источник своего развития. Как уже говорилось, задача «чрезвычайки» — решение внеинституциональным, быстрым и в то же время легитимным способом таких задач, которые иначе решены быть не могут. В России причинами

бытия опричного принципа являются: недостаточная степень развития и сформированности социальных сил, слабость институтов, нередко – их заточенность «на прошлое»; эти причины, в свою очередь, обусловлены медленными темпами русского развития, детерминированными незначительным объемом прибавочного продукта и – в случае с грозненской опричниной – консервирующим влиянием Орды и ее наследия, которое потребовало для его преодоления социальной хирургии. По завершении своих функций «чрезвычайка»

превращается в регулярный институт и КАК БЫ отменяется без реальной отмены – она институционализируется (опричнина – Государев двор, ЧК – ГПУ).

В русской истории опричнина ситуационно, на краткий миг компенсирует не только слабость институтов и организованных социальных сил, но вообще отсутствие очень важной и имеющейся у многих, если не большинства индоевропейских народов сословия (Варны, слоя) воинов (кшатриев). Служилые люди хороши многим, но в целом ряде ситуаций они не могут заменить профессиональных военных как

слой. Служилые – служат, но бывают ситуации, когда надо сражаться, что предполагает не только профессиональную выучку, но дисциплину, определенный тип мышления, поведения и субъектности. Я уже не говорю о влиянии военно-аристократической группы на гражданскую жизнь и культуру в частности. Показательно, что русские одерживали победу в войнах отечественных, народных, когда военно-служилым становился весь народ (поэтому проваливались все попытки оккупировать Россию), но проигрывали такие войны (или одерживали исключительно тяжелые победы с большими потерями), в

которых народ не был задействован и которые должно выигрывать силами военного сословия.

Итак, «чрезвычайка» есть временная и чрезвычайная русская компенсация отсутствия профессионального военного сословия; дворянство – служилое, по сути, сословие.

Сила опричного принципа и специфика обусловленной им технологии власти таковы, что он может быть реализован и без создания «чрезвычайки». В определенных условиях для решения чрезвычайных задач могут использоваться существующие организации и институты, которые в

таком случае начинают действовать неинституциональным образом и в иных, чем исходно «заложенные» в них, целях, т. е. **функционально** превращаются в «чрезвычайку», **содержательно** оставаясь регулярными институтами.

Необходимо особо подчеркнуть, что опричнина направлена на создание новых форм, которые подчиняют старые, используя их в качестве фундамента для создания новых систем. Не случайно результатом первой опричнины было Московское самодержавие, второй – Петровско-Петербургское, третьей – СССР, советский коммунизм. Опричный принцип созидателен по

определению. Поэтому, например, керенщина или горбачевщина не могут считаться формами реализации этого принципа, поскольку их целью — сознательно или стихийно-объективно — было разрушение, управленческий хаос; к тому же и у Керенского, и у Горбачева были кукловоды — как внутри страны, так и за рубежом; опричнина же по определению не марионеточное явление.

Чрезвычайный (опричный) контур власти был мерой, направленной против встроенную в русскую власть с княже-боярских времен и постоянно присутствующую в ней тенденцию к

олигархии, против олигархического принципа. Весьма показательно, что даже в XVIII – первой половине XIX века в начале правления каждого монарха вельможи каждый раз пытались протолкнуть олигархический проект, ограничивающий самодержавие, превращающий его в олигархическое самодержавие. В СССР торжество олигархии называлось «возвращением к ленинским нормам власти».

Наиболее отчетливо стремление олигархизировать самодержавие проявилось в попытках вельмож ограничить центральную власть при воцарении Екатерины II и

Александра I. Ну а декабристы своим собором из 120 навечно назначенных бояр и подавно под видом республики стремились реализовать олигархическое самодержавие, в котором тотально-самодержавная, по сути, бюстительная власть должна была надстроиться вполне опричным образом над системой разделения властей. По этому поводу, перефразируя Троцкого, можно сказать: «без царя, а правительство — боярско-самодержавное». В самом конце XIX века власть в России просто олигархизировалась: «Единодержавие мало-помалу обращалось в олигархию, увы! не достойных, а более бесстыдных», —

писал в своих воспоминаниях о
позднем самодержавии
Н. Е. Врангель. То же самое
произошло с поздним коммунизмом:
власть в СССР в 1960–1970-е годы —
это олигархия, т. е. произошло то, с
чем упорно боролся Сталин.

И вот что показательное:
олигархизация власти в России,
торжество олигархического
принципа, объективно
ослабляющего центральную
власть, всегда были на руку
западным противникам России, и
они работали на развитие именно
этого принципа как прямым
(ослабление России финансово-
экономическими, военно-

политическими и информационно-психологическими средствами, последние – от идейно-религиозной диверсии под названием «церковная реформа XVII века» до «художеств» времен «холодной войны»), так и косвенным (способствование развитию в России альтернативных форм власти – масоны, революционеры и т. п.). Существует прямая положительная корреляция между уровнем интегрированности России в мировую капиталистическую систему и степенью мощи олигархического принципа. Неслучайно наибольшую силу он набирал в послереформенной России и

послекоммунистической РФ, да и в СССР он набирал силу прямо пропорционально экономической и культурно-психологической интеграции страны, ее верхов в капиталистическую систему.

Замечу еще раз: олигархический принцип встроен в автосубъектную власть. У нас это наследие княже-боярского «комбайна», от которого никуда не деться, это выстрел из ордынского прошлого Руси, стрела, расщепить которую влет призван опричный принцип — выстрел из будущего. Столкновение двух принципов породило самодержавие и, соответственно, самодержавный принцип, который, как уже

говорилося, начал жить
самостоятельной жизнью, замкнув
«триаду».

Много опричнин, хороших и разных?

Исторически первой опричниной была опричина Ивана Грозного. Вторая опричина – петровская гвардия. «Бархатной» формой реализации опричного принципа были «Редакционные комиссии», готовившие отмену крепостного состояния, и «Верховная распорядительная комиссия» Лорис-Меликова. Наконец, третья опричина – это большевики, XX век. Здесь, однако, ситуация далеко не проста. Организацией квазиопричного типа

была ленинская партия профессиональных революционеров. Придя к власти с иностранной помощью, она довольно быстро выродилась в «ленинскую гвардию», особенно после того, как в 1923 году растаяли последние надежды на мировую революцию, ради которой брали власть в октябре 1917 года и курочили страну в 1918 году, провоцировав Гражданскую войну, и гигантские счета в иностранных банках из мир-революционной собственности превратились в личную. «Гвардия», олигархический характер которой признавал сам Ленин, в 1920-е годы повела страну если не к разрушению, то к

окончательному превращению в придаток Запада. Именно с этой выродившейся, в значительной степени связанной с фининтерном («правые глобалисты»), и сильной как фактор мирового масштаба («левые глобалисты» – Коминтерн), уже не красной и немолодой (во всех смыслах) «гвардией» пришлось столкнуться Сталину в ходе создания сильного советского государства.

К этому столкновению Сталин подошел творчески: он полностью использовал опричный принцип, не создавая при этом свою опричнину – последнее было невозможно. В то же время существующие институты и структуры были ориентированы на

«гвардию Ильича», по крайней мере, так они задумывались и конструировались. Вот эти уже существующие структуры Сталин сумел заставить выполнять чрезвычайные, внеинституциональные функции, работать в качестве его опричнины, т. е. чрезвычайного органа, ориентированного на цели, прямо противоположные исходным — «и лучше выдумать не мог». Сталин заставил регулярные структуры работать в чрезвычайном, т. е. несвойственном их природе (содержанию), функциям и целям режиме, рекомбинируя и сталкивая их. Он не всегда побеждал, ему

приходилось отступать и кружить, «сживая врага со света», его жизнь часто висела на волоске, особенно в 1936–1938 годах. Однако в конечном счете он выиграл, обогатив опричный принцип нестандартным применением.

Опричнина Сталина – это **опричнина без опричнины**, функциональная опричнина. Успеху сталинской *Игры* в немалой степени способствовало то, что в молодом советском обществе институты еще не до конца оформились и их можно было на какое-то время «перепрофилировать» или вообще использовать неинституциональным способом. Как только оформление

произошло – это случилось во время Великой Отечественной войны, пространство опричных игр стало сжиматься и в конечном счете сжалось до одной, отдельно взятой фигуры – вождя, а после его смерти началась олигархизация.

Русские опричнины были очень разными, каждая из них соответствовала своему времени. Так, опричина Ивана Грозного приняла форму монастырской, церковно-орденской организации. Петровская опричина в духе XVIII века была гвардией. Большевистская – в духе XX века – партией, правда, невиданного доселе «нового типа». Наконец, Сталин использовал

опричный принцип с опорой на властные структуры и спецслужбы. Однако суть, чрезвычайная и в то же время легальная, оставалась прежней, как и целевое назначение — подчинение существующих властных институтов новой форме, которая сначала явлена в виде «чрезвычайки», надстроенной над ними, рядоположенной им или перезагружающей их.

Опричнина представляет собой орган комплексного воздействия на социальный процесс, комплексный аппарат управления. Здесь задействованы властное измерение (энергия), собственническое (вещество), идейное (информация).

При этом от опричнины к опричнине роль и значение психоинформационного измерения возрастают. Если в опричнине Ивана Грозного оно играет минимальную роль, то в таковой Петра I оно на первом плане – культурный переворот, изменение психоисторического кода, правда, охватывающий только верхушку.

В ситуации применения опричного принципа Сталиным, так же как и в опричнине «профессиональных революционеров», психоинформационный аспект не только приобретал первостепенное значение, но его объектом

становились все слои населения.

И еще одно. Каждой последующей опрличнине приходилось иметь дело с обществом, находившимся в худшем социальном и социально-психологическом (психическом) состоянии, чем то, с которым имела дело предыдущая «чрезвычайка». Опрличнина Ивана имела дело с относительно здоровым обществом, груз его проблем накапливался в течение длительного времени, развитие шло медленным темпом, русское население было свободным. Наиболее острые противоречия концентрировались главным образом наверху социальной пирамиды.

Пользуясь пушкинскими метафорами, можно сказать: «море слегка разыгралось», «помутилось синее море».

Петр курочил все еще сильное, но уже не вполне здоровое русское общество — подгнило что-то в царстве русском. Этим чем-то были, во-первых, результаты раскола, надломившего русскую жизнь и вымостившую дорогу петровским преобразованиям и его «бесенятам»; во-вторых, крепостное, т. е. несвободное состояние части русских людей — тоже своего рода раскол; в-третьих, беспокойство «бунташного века» — «неспокойно синее море», «почернело».

Сталин разрабатывал опричный принцип в очень больном обществе — пореформенно-революционно-послереволюционной России, в России эпохи Смуты 1870–1920-х годов, когда декаданс верхов тесно перемешивался с разложением низов (Распутин в этом плане фигура квинтэссенциально символичная). Мало того, что в пореформенной России, давшей свободу силам гниения, распада, подмороженным Николаем I, шел процесс разложения старого, обгонявший процесс социальной организации, на все это наложились хаосогенные результаты революции и Гражданской войны («быль царей и явь большевиков». —

М. Волошин), стихия, развязавшая руки «биологическим подонкам человечества» (И. Солоневич) и планомерная деятельность по уничтожению России и русских интернационал-социалистами («замыслы неистовых хирургов / И размах мастеров». – М. Волошин). Ну а в довершение – отвратительный НЭП, добавивший к разложению старого режима еще более быстрое и отвратительное по форме разложение нового режима, НЭП, провалившийся уже в середине 1920-х годов и тащивший за собой в Тартар Истории, т. е. в сырьевое и «культурное» рабство у буржуинов, советскую страну. Плюс

сопротивление и вражеское окружение («...на море черная буря: / Так и вздулись сердитые волны, / Так и ходят, так воем и воют»). Иными словами, сталинская «опричнина» имела дело с очень больным — сверху донизу — обществом. И к тому же с неизмеримо более сложным обществом, чем в XVI или XVIII веках, неизмеримо более сложным и враждебным внешним миром и неизмеримо более сложными, почти неразрешимыми задачами на повестке дня.

Ясно, что больное общество лечить намного тяжелее, чем легко- и умеренно больное, тем более что

лекарей и средства для лечения надо извлекать из этого больного, взбаламученного общества, из «России, кровью умытою» и уже привыкшей к крови, с трудом понимающей иной язык и главное перешедшей от «горячей» Гражданской войны 1918–1922 годов к «холодной гражданке» 1920-х, которую будут усмирять встречным пожаром репрессий 1930-х годов и которая окончательно выдохнется во время Великой Отечественной войны. И то, что в таких условиях Сталин не создал свою опричнину, а использовал опричный принцип как кладенец-невидимку, является скорее плюсом, чем минусом. Впрочем,

каждое приобретение есть потеря и каждая потеря есть приобретение, как говорят наши заклятые «друзья» англосаксы.

Различия между тремя опричнинами не сводятся лишь к тому, что сталинская была скорее принципом, материализовавшимся в различных организациях, а таковые Ивана IV и Петра I – конкретными организациями-«чрезвычайками». Еще более важно и серьезно другое отличие – по содержанию, классовой и цивилизационной («национальной») направленности.

Опричнины Ивана и Иосифа Грозных («грозненская» версия опричнины) – это одно. Опричина

Петра I («питерская» версия) – другое. Различия следует искать в том, насколько эти варианты сплачивали страну, власть и народ в единое целое, как работали на развитие России как особого культурно-исторического типа (цивилизации).

«Грозненская» версия
опричнины в обоих своих вариантах носила ярко выраженный национальный характер, сплачивала верхи и низы в достижении единой цели, а в цивилизационном плане была выражением самобытного развития России, антизападной по направленности (в одном случае антифеодальной, в другой –

антикапиталистической); обе
опричнины представляли собой,
помимо прочего, диктатуру над
потребностями прежде всего
верхов.

«Питерская опричнина»
представляет собой жестокое
(«огнем и мечом», а точнее, дыбой и
топором) создание новой
господствующей группы, оторванной
от народа и противопоставленной
ему, социокультурно
ориентированной на Запад и
способной в силу этого к
беспощадной эксплуатации русского
населения как туземно-чужого. По
различным оценкам, за петровское
правление уровень эксплуатации

населения властью и господствующими группами вырос в 5–10 раз по сравнению с 1670–1680 годами и это при неизменном уровне создаваемого совокупного общественного продукта. Ясно, что речь идет просто об узаконенном грабеже, и неудивительно, что его результатом стало сокращение населения на 20–25 %, разорение целых социальных групп и погром экономики, от которого она оправилась только к середине XVIII века. К этому же времени относится окончательное социально-экономическое (но не социально-политическое) формирование нового — западоидного — дворянства,

дерущего с крепостных рабов три шкуры и не считающего их людьми.

Дело в том, что довольно скоро после оформления крепостничества в 1649 году стало ясно: московское самодержавие как форма неадекватна крепостнической системе, не может обеспечить ее реальное развитие, т. к. господа и крепостные относятся к одной культуре, у них одни и те же вера, ценности, язык, да и быт отличается не качественно. Для полномасштабной реализации крепостничества нужна была другая по форме и технологии власть, другая форма самодержавия – такая, где верхи и низы отличаются друг от

друга как два субэтнуса. Эту систему создал Петр на основе западных властных и гуманитарных технологий. Его «крошечники» — это уже не ордынская или московская технология власти, а западная, отлившаяся в форму гвардии. Без этой технологии, без гвардейско-армейской оккупации страны русские верхи не превратились бы в отдельный народ, русские крепостные не стали бы рабами екатерининских времен, а крепостное состояние так и осталось бы зачаточно-русским, относительно мягким.

Ну а формально реализации этой технологии внутри России

помогла внешняя военная ситуация – Северная война, с которой началось интенсивное и жестокое включение России по политической линии в мировую систему XVIII века, в отстоявшуюся за вторую половину XVII века «вестфальскую систему» и которой власть (а позднее историки) оправдывали петровские «реформы».

Формально – во-первых, потому что главные победы в войне были одержаны не новой армией и флотом, а старыми. Победу при Лесной, «мать полтавской виктории» одержали полки «старого строя», а главные морские победы над шведами одержал не парусный, а гребной флот.

Во-вторых, что еще более важно, эксплуатация продолжала нарастать и после того, как в войне произошел перелом (1708 году – битва у Лесной; 1709 году – Полтавская битва; 1714 году – Гангутский бой), и Россия медленно, но верно пошла к победному для нее финалу 1721 года. Еще в 1716 году Военный Устав был распространен на гражданскую службу; уже после окончания войны в соответствии с законом о поселении полков («Плакат», 1724 года) армейские полки (200 тыс. чел.) были размещены на вечные квартиры по губерниям и уездам для сбора подушной подати, контроля над населением (чтоб никто не

покидал местожительства без разрешения) и гражданской администрацией, выполнения полицейских функций (все это нельзя охарактеризовать иначе, как оккупацию собственной страны — Грозный оккупировал только часть, и то временно). Иными словами, не в войне дело, а в задаче резкого усиления социального контроля в целях увеличения и ужесточения эксплуатации. Причем до такой степени, что «птенцы гнезда Петрова» вынуждены были серьезно притормозить политику Петра буквально через несколько недель после его смерти (записки генерал-прокурора Ягужинского императрице

о неминуемой финансовой катастрофе из-за разорения крестьянства). Однако, как в случае с Иваном IV и Смутой начала XVII века, петровская опричнина набрала инерцию и, несмотря на вялотекущую «смуту наверху» в виде дворцовых переворотов, в елизаветинско-екатерининское правление из петровской опричнины откристаллизовалось петербургское самодержавие (правда, с привкусом и послевкусием дворяновласти, с которым пытались бороться Павел I и Николай I), если так можно выразиться, «самодержавие с дворянским лицом».

Логическим результатом

петровской опричнины и
имманентной чертой Петербургского
самодержавия, достигшей пика при
Екатерине II, стало полное рабство
крепостных и усиление в ее
правление в 3–4 раза эксплуатации
как частновладельческих, так и
крепостных крестьян. И это при
внешних и внутренних займах, из-за
которых госдолг к концу правления
«матушки» достиг 200 млн рублей, и
России удалось расхлебать эти
результаты правления Екатерины
только в николаевское время
благодаря реформе Е. Ф. Канкрин.

Таким образом, объективно
векторы «грозненских» и
«питерской» опричнин были

разными, именно поэтому я их и противопоставляю друг другу. Но различие не только в направленности, т. е. в перспективе, но и в ретроспективе. Чрезвычайные режимы Ивана и Иосифа Грозных вводились из схожих обстоятельств. К середине 1560-х годов, как и к концу 1920-х было проедено материальное наследие — «вещественная субстанция» — предыдущих эпох. В 1560-е годы был исчерпан земельный фонд, из которого дед и отец Ивана IV черпали землю для раздачи в качестве поместий. Исчерпан до такой степени, что Ермолай Еразм советовал царю перестать раздавать

детям боярским землю, а посадить их на «продовольственный паек» — этот «подход» будет реализован в сталинскую эпоху, когда различные ранги номенклатуры станут отличаться друг от друга объемом и качеством потребляемого.

В 1920-е годы было исчерпано наследие дореволюционной эпохи: промышленность развалилась, сельское хозяйство стагнировало, оба эти сектора не создавали друг другу условий для расширенного производства.

В 1564 и 1929 годы перед властью стоял нелегкий выбор: за счет кого предпринять новый рывок, кто станет главным источником

материальных средств для рывка и создания новой формы власти — верхи или низы? Ясно, что так или иначе, в той или иной степени — и те и другие. Но в какой степени? В каком соотношении? И какой будет ориентация рывка — государственно-национальная или олигархическая с оглядкой на Запад?

Иван Грозный и Сталин выбрали удар по верхам (впрочем, и низам досталось) и национально ориентированный курс. Земщина (боярские фамилии) против своей воли профинансировала опричнину. «Ленинская гвардия» — тоже против своей воли, но продлевая себе тем самым жизнь, — в значительной

степени профинансировала индустриализацию: награбленные в России с 1917 года миллионы фунтов, долларов, франков, марок, драгоценности, которые «гвардейцы Ильича» размещали в западных банках, сначала главным образом для целей мировой революции (т. е. мирового захвата власти), в топке которой планировалось сжечь Россию, затем главным образом для себя – страховка на всякий пожарный случай. С конца 1920-х годов и с ускорением после 1929 года деньги стали возвращаться в СССР: фонд «мировой революции»/личных сбережений верхушки «партии нового типа» заработал на

индустриализацию «одной, отдельно взятой страны» (именно этого больше всего не могут простить Сталину сродственники и потомки большевистской верхушки, отсюда — ненависть, здесь ее «логово», как сказал бы Глеб Жеглов). Возвращение стране награбленного совпало, естественно, и с властной атакой на владельцев капитала — исчерпание последних стало не только властным, но и жизненным финалом гвардейцев «большевистского кардинала» — победили сталинские «мушкетеры», эффективно охотившиеся за алмазными «подвесками» по всему миру.

Это то, что Гегель называл коварством Истории: награбленное было возвращено и позволило СССР в течение десяти лет выйти на второе место в мире по объему производства; те, кто готовил России место в топке мировых процессов, сами угодили в нее, а пепел был унесен ветром Истории, прямо на Рембо (в переводе Е. Витковского):

*Я плыл вдоль скучных рек,
забывши о штурвале:*

*Хозяева мои попали в плен
гурьбой —*

*Раздев их и распяв,
индейцы ликовали,*

Занявшись яростной,

прицельною стрельбой.

И действительно, бывшие хозяева страны, корежившие ее на потребу левых и правых глобализаторов с их прожекторами «мировых Венеций» и – фактически – мирового правительства и державшие русских за своего рода индейцев, попали в плен к власти, развернувшей социализм именно в сторону «индейцев», представители которых и занялись в чрезвычайном режиме прицельной стрельбой по ленинградцам в подвалах Лубянки. Как говорится, «ступай, отравленная сталь по назначению». И это

назначение совпало с задачей индустриализации России (СССР), не позволившей гитлеровскому Евросоюзу смять нас, т. е. с задачей общенациональной.

Питерская версия опричнины versus грозненские, или погоня за убегающим пространством

В отличие от грозненских опричнин, возникших на основе и в условиях истощения системой вещественной субстанции предыдущей эпохи, что ребром ставило вопрос перераспределения (кто исключает кого? кто отсекает кого от общественного «пирога»/продукта и в какой степени?) появлению «питерской» опричной

версии не предшествовало никакое
исчерпание вещественной
субстанции. Напротив, последнее
тридцатилетие «бунташного» XVII
века, не будучи спокойным, как и
весь век, и не идя ни в какое
сравнение, например, с
тридцатилетиями 1500–1530, 1825–
1855 или 1955–1985 годов, в целом
все же было нормальным. По
крайней мере, оно не ставило
вопросы о переделе власти и
собственности из-за нехватки
вещественной субстанции. Вопрос
был иным и возник на иной основе.

Выше уже говорилось о том, что
Московское самодержавие в силу его
патриархальности не могло

обеспечить такое функционирование крепостничества, которое было бы адекватно сути этой системы. Во-первых, оно не обладало достаточной «массой» насилия и социального контроля; достаточно заметить, что подавление казацко-крестьянской войны Степана Разина потребовало задействовать половину вооруженных сил страны в сорока крупных сражениях. «Бунташный век» — реакция на крепостничество — показал, что вставшему на ноги самодержавно-крепостническому строю нужна иная, уже не ордынско-московская, а западная технология власти, с помощью которой можно осуществить новое завоевание

страны (перезавоевание, оккупацию: «проходят петровцы — салют Батю»).

Восстановив в середине XVII века грозненское самодержавие и установив крепостничество, Московское самодержавие лишь зафиксировало некое состояние, но не смогло сколько-нибудь серьезно двинуть его дальше. Крепостные порядки мало продвигались, несмотря на их развитие вширь и вглубь; они не пускали сильных корней. Так, во второй половине XVII века после смерти старого хозяина новый брал с каждого крепостного личную клятву быть крепким наследнику, т. е. налицо личные

отношения. А ведь крепостное право предполагает автоматическую и безличную вечную службу семьи крепостных семье их владельца. Что-то, помимо нехватки насилия, мешало, сопротивлялось в XVII веке установлению такого порядка.

Во-вторых, и это имеет отношение к указанной помехе (я уже говорил об этом выше), крепостничество требовало не просто большего социального контроля, а резкого качественного усиления дистанции между господами и угнетенными, слома той патриархальной практики, отношений верхов и низов, которые существовали с киевских времен,

упрочились в ордынские и московские времена, получив дополнительный стимул во время Смуты и послесмутного восстановления, и в основе которых лежали общие, разделяемые верхами и низами язык, вера, ценности, тип культуры. Обеспечение такой дистанции требовало не только переворота-разлома в культуре, но создания новых властных институтов (старые, например, земские соборы, с середины XVII века затухали), новых, более адекватных задачам самодержавно-крепостнического строя и новой европейской эпохе господствующих групп.

Фундамент для увеличения

дистанции между верхами и низами объективно закладывали Алексей и Никон с помощью церковной реформы. Раскол был первым по-настоящему крупным, масштабным духовным (психоинформационным), социальным и организационным, короче, психоисторическим конфликтом, вызванным самодержавием в соответствии со своими внутренними и внешними (последние в данном случае были ложными, «навеянными» иезуитами простоватому, мягко говоря, Алексею) целями. Однако линия алексеевско-никоновского раскола не прошла четко между верхами и низами: сторонники старой веры

были во всех слоях. И все же представитель бездарной династии Романовых Алексей и Никон нанесли **первый мощный удар как по русской традиции, так и по единству населения.**

В известном смысле раскол может рассматриваться как генеральная репетиция по отношению к петровским реформам (ср. Просвещение и Французскую революцию, а также террор в России конца 1870-х и революцию 1905–1907 годов, с одной стороны, и октябрьскую революцию 1917 года, с другой). И все же задачу дистанцирования никоновская психоинформационная акция не

решила, поэтому-то Аввакум, возражая тем, кто видел в Никоне Антихриста, говорил: «Дело-то его и ныне уже делают, только последний-ет черт не бывал еще». То есть Антихриста пока нет, но он явится. Он и явился — в виде мальчика с кошачьими усами и непропорционально маленькой головой на жердеобразном бесплечем теле.

Таким образом, не истончение вещественной субстанции прошлой эпохи, а ее передел в целях создания новых форм социального контроля, потребовавших, в свою очередь, создания новых властных институтов, независимых как от

низов, так и от верхов, и самое главное, новых господствующих групп, оторванных и автономных от низов, отделенных от них в плане культуры и способных жестоко эксплуатировать их — эдаких психоинформационных киборгов, «чужих» и «хищников» в одном флаконе, но таких киборгов. Эта задача была решена Петром с помощью его опричнины, развернувшейся после перелома в войне со шведами. Как и все в России, включая все опричнины, петровская полностью всех своих целей не достигла — Россия вязкая страна. «В этой стране, вязкой как грязь, ты можешь стать толстой, ты

можешь пропасть», – пелось в одной из песен группы «Наутилус Помпилиус». Задолго до «наутилусов» Победоносцев заметил, что Россия – тяжелая страна: ни революция, ни контрреволюция здесь до конца не доходят. А потому, добавлю я, результаты первой и второй внешне здесь часто похожи. Так же, кстати, и с опричинами: **конкретно-исторические** различия между ними не стоит абсолютизировать; главные различия носят, как сказал бы М. Вебер, «идеально-типологический», векторный характер.

Как я уже сказал, всех целей петровская опричина не достигла.

Произошло это по нескольким причинам. Во-первых, Петр «на тысячу рванул как на пятьсот — и спекся» (В. Высоцкий). Я имею в виду то, что петровская опричнина быстро проела то, что создавалось в течение десятилетий до нее, проела, помимо прочего, из-за фантастического воровства «птенцов-кукушат гнезда Петрова», масштабы которого несопоставимы с таковыми грозненских опричнин (и это еще одно различие между двумя типами русских опричнин, связанное, кстати, с их направленностью и вопросом о соотношении контроля со стороны Центра над верхами и низами).

Результат – истощение страны и курс на отмену «чрезвычайки». Во-вторых, главным образом пассивное сопротивление населения, помноженное на необъятные пространства, которые с трудом поддавались «неоинституционализации» (читай, например, «Старые годы в селе Плодомасове» Лескова). В-третьих, стремление монархов все более опираться на дворянство в целом, чтобы ослабить хватку чрезвычайки-опричгвардии на горле монархии. А такая опора предполагает уступки дворянству, вплоть до очень существенных при Екатерине II, которая, будучи муже/цареубийцей и,

по сути, самозванкой на троне, вынуждена была допустить элементы дворяновласти. Эти элементы не усиливали самодержавие непосредственно, но усиливали крепостничество, т. е. то направление во внутренне противоречивой опричнине Петра I, которое было направлено на создание господствующих групп нового типа. Усилили до того, что самодержавию в лице Павла I и особенно Николая I пришлось вступить в борьбу с этой тенденцией и ее персонификаторами. Эти два царя, перефразируя Блока, могли бы сказать:

Петр, «дай нам руку, помоги в

немой борьбе» с тем джином русской истории, которого ты полусознательно выпустил, если не из бутылки своей опричнины, то с ее помощью. Но Петр помочь уже не мог — Россия начала медленно загнивать, Николаю I удалось лишь подморозить ее, а реформы Александра II спасали самодержавие путем институционализации гнили и распада.

Вернемся, однако, к результатам петровской опричнины. Не достигнув всех целей, они, как и опричина Ивана Грозного, оказались сильны своей инерцией (в том числе и потому, что измотали население и, заставив его бороться за

выживание, заблокировали
возможность эффективного
сопротивления) и привели уже в
екатерининское время к главной из
поставленных целей: создали новую
господствующую группу
квазизападного типа, способную
жестоко эксплуатировать
крепостных, относительно
эффективно контролировать
огромную территорию и защищать ее
от внешнего врага как свою зону.

Достижению целей петровской
опричнины способствовал еще один
мощный фактор, который в начале
XVIII века сработал на питерскую
версию опричнины так же, как в
середине XVI века – на опричнину

Ивана IV. Этот фактор – русское сельское хозяйство с его невеликим продуктом, следствием чего является господство экстенсивного типа развития над интенсивным. Компенсируя слабые возможности интенсификации, развития вглубь, русское хозяйство развивалось вширь – путем экспансии. Это прежде всего монастырская колонизация XIV–XV веков, ну а в XVI века русский человек перевалил за Камень (Урал) и начал осваивать Сибирь. Русофобы квалифицируют русскую экспансию как имперскую, якобы свидетельствующую об агрессивности и политическом экспансионизме России и русских.

На самом деле экспансия носила, во-первых, хозяйственный характер; во-вторых, народный (помимо прочего, в XVII веке народ, наиболее активные его элементы побежали сначала от самодержавия, а затем от никонианства). И только в-третьих можно говорить о политическом характере экспансии, обусловленном прежде всего тем, что власть гналась за растекавшимся народом, бежала за ним, стремясь откристаллизировать эту жидкость, «подморозить» и в таком виде поставить под контроль. Но в основе всего, повторяю, — специфика русского хозяйства с его малым продуктом. Отсюда — экстенсив, постоянное расширение русского

пространства. Закончился в конце XIX века экстенсив, и шарахнули революции начала XX века, а затем возник советский коммунизм — попытка (впервые в таком масштабе в русской истории!) превратить русское экстенсивное развитие в интенсивное.

Во второй половине XVII века в процессе освоения русскими евразийского пространства произошел качественный скачок, к которому Московское самодержавие не было готово и которому оно не было адекватно. Оно не поспевало за стремительно растекавшимся по стремительно расширяющемуся русскому пространству населением,

не годилось для выполнения этой задачи. Не только внутренние факторы, но и внешние – территориальный рост, сопровождающийся увеличением внешних угроз, делали его неадекватным новым задачам, задачам новой эпохи. А эпоха эта характеризовалась превращением Московской Руси в то, что Ф. Бродель называл «мир-экономикой», а И. Валлерстайн – мир-системой. В XVII веке Московское царство стремительно превращалось в мир-систему, которая просуществует до середины XIX века и пиком развития которой станет николаевская эпоха. После Крымской

войны Россия станет превращаться в элемент мировой системы, однако сталинский национал-большевизм вырвет ее оттуда и превратит в мировую антикапиталистическую систему, пиком развития которой станет брежневская эпоха.

Ключевский называет третий период русской истории великорусским, датируя его серединой XV – началом XVII века (я бы прибавил полстолетия). Главной чертой этого периода историк считал растекание главной массы русского населения из Верхневолжской области на юг и восток по донскому чернозему. Н. П. Огановский именует этот период московским, доводит его

с середины XV до конца XVII века (я бы убавил полстолетия) и подчеркивает колонизацию Поволжья и Прикамья. По сути оба историка говорят о стремительном растекании русского населения во все концы — власть не поспевала за ним. «Текущий элемент русской истории» — так характеризовал русский народ Ключевский. Власть, иными словами, не поспевала за мир-системой, она была патриархально-московской, а нужна была российская, «мир-системная» («имперская»).

Более того, с 1620-х годов, считает Ключевский, начался новый период русской истории —

всероссийский, продлившийся до середины XIX века. Н. П. Огановский называет этот период имперско-дворянским, правда, связывает его не с XVII, а с XVIII – серединой XIX века Оба историка говорят о втором колонизационном поясе (Новороссия, Нижнее Поволжье), о распространении русского народа по всей равнине от Балтийского и Белого морей до Черного и Каспийского, о проникновении за Камень (Урал) и Каспий, о присоединении к России Малороссии, Белоруссии, а в XVIII веке Новороссии. Середина XVII века – (вос)становление самодержавия приходится на переход от

великорусского (московского)
периода аграрно-исторического
развития русского народа к
всероссийскому (имперски-
дворянскому; мир-системному).
Народ и хозяйство совершили этот
переход, а Московское самодержавие
— нет, не смогло, потому что было
«заточено» под предыдущий период,
решало и решило в тяжелейших
условиях его задачи. А затем —
пятьдесят лет пробуксовки.

То есть «пространственно»,
количественно русское пространство
и русский продукт увеличились (без
качественного увеличения
последнего), а власть и ее формы
остались прежними, что, помимо

логики развития крепостничества, еще более обостряло необходимость передела «вещественной субстанции» (при том, что она вовсе не была истощена, исчерпана) в пользу верхов, способных по-новому организовать, темпорализовать расширившееся пространство. А это, в свою очередь, требовало чрезвычайного, опричного создания для этого новых органов и слоев. Иными словами, упрощая, можно сказать, что **питерская опричнина была ответом на вызов пространства, а грозненская – на вызов времени**, и это многое, хотя и не все, объясняет в них.

С учетом опыта питерского типа

опричнины становится ясно, что не стоит испытывать иллюзий по поводу опричнины вообще: смотря какая опричина — грозненская или питерская. Впрочем, не стоит питать иллюзий и по поводу грозненских опричнин. Начать с того, что в рядах опричнины немало тех, кому любо насилье, кто использует ее в своих целях, а то и просто «биологических подонков человечества», и чем менее здорово общество, тем в большей степени. У опричнины, по крайней мере у ее части, пусть небольшой, всегда есть соблазн и риск превратиться в эскадроны смерти — и вот эту часть надо отстреливать как бешеных собак.

Будучи крайним средством, опричнина использует крайние меры и крайних людей, и чем тяжелее общественная ситуация, которую должна скорректировать опричнина, тем острее край. С учетом этого, забегая вперед, можно предположить, что неоопричнина XXI века, если она возникнет, будет самым горьким лекарством, расплатой за беспредел постсоветского периода, и ударит она, как это всегда бывает в истории, не только по виноватым. Заменяя в фразе Мартина Лютера слово «истина» на слово «опричнина» можно сказать: «Дух “опричнины” болезнетворен. Ибо “опричнина” не

лестна. И он повергает в болезнь не просто того или иного человека, но весь мир. И уж такова наша мудрость, чтобы все озлить, онедужить, осложнить, а не обереечь, опосредовать и оправдать». Опричина — болезненное, смертельное средство лечения смертельной болезни. Но спрашивать нужно не с опричников, они сами — боль, а с тех, кто запустил болезнь или даже культивировал ее.

И еще одно: опричина никогда не достигает своих целей до конца. Один из парадоксов опричины заключается в том, что без нее невозможен рывок из тупика

посредством выхода в новое социальное измерение. Однако «чрезвычайка» не может быть вечной, а цена и побочные результаты часто таковы, что нужно их убирать, ликвидировать (часто вместе с опричниками). А в этом «оттепельном» процессе, как правило, вылезает то, с чем боролась опричнина, вылезает и начинает жить своей жизнью, жизнью полной ненависти к данному строю и породившей его опричнине. Ненавистью и жаждой реванша. С учетом этого по поводу опричной деятельности можно сказать словами Галича: «Ты ж советский, ты ж чистый, как кристалл / Начал делать,

так уж делай, чтоб не встал».

Завтра была опричнина?

Русская история демонстрирует с хрустальной ясностью: субъектом исторически судьбоносных рывков в развитии страны являются не массы, не институты и не отдельные личности, а чрезвычайные комиссии, «чрезвычайки», первой среди которых была опричнина Ивана Грозного. Именно чрезвычайный субъект, «профессиональные чрезвычайщики» «заводят» массы, организуют и направляют их. Ленин четко зафиксировал это в своем «учении» о «партии нового типа». Но что такое «партия нового типа»? Это тоже «чрезвычайка» с

антисистемной направленностью — не более, но и не менее. Ленин на антисистемный лад рационализировал то, что уже дважды осуществлялось в России самой властью и на что современная Ленину власть-импотент уже не была способна.

Именно опричнина делает в русской истории грязную работу, вычищая грязь и гниль, сгоняя русских Емель с печи и, подобно швейковскому капралу, напоминая им: «Помните, скоты, что вы люди».

Сегодня РФ находится в провале и в тупике (провальном тупике). Видны ли какие-нибудь силы, способные вывести ее из этого

тупика? Нет. Институты? Нет. Ситуация похожа на таковые 1560-х и 1920-х годов. Откуда пришло решение в те дальние годы? Из раскола верхушки – часть ее во главе с первым лицом (царем, генсеком) использовала внеинституциональные средства, жестко поставив другую часть под контроль и на службу национальному/имперскому (национально-имперскому) целому, выступив по отношению к этому целому в качестве особой, чрезвычайной организации, почти ордена («корпорации»).

А что вызвало раскол? То, что было проедено наследие, вещественная субстанция

предшествующей эпохи, предшествующей системы и встал вопрос о переделе общественного «пирога». И опять мы оказываемся в ситуации, аналогичной, если не тождественной 1560-м и 1920-м годам: в середине ближайшего десятилетия, эдак в канун столетия Октябрьской революции будет почти полностью проедено советское наследие: промышленность, сельское хозяйство, ЖКХ, коммуникации – все придет в негодность, поскольку последние десятилетия ничего нового не создавалось, проедалось старое – и оно же проедалось обхаивалось (как не вспомнить поговорку: едят и гадят в одном и

том же месте только свиньи). Как только это произойдет, встанет вопрос: кто будет основным источником «накопления» для движения в будущее – население или коррумпированные чиновники и «бизнесмены». Власти придется выбирать, и любой выбор – тяжелый и опасный.

С населения и так уже почти нечего взять, к тому же доведенное до отчаяния, оно может взбунтоваться – терять нечего, а тупо зомбирующие телепередачи, достигнув точки асимптотического насыщения, станут работать контрпродуктивно.

Коррумпированные чиновники и

«бизнес» — часть самой власти, связанная с криминалом и иностранным капиталом — тоже опасно. Тем более что общество носит криминальный характер (во многих его сегментах криминализация становится формой социальной организации), психически нездорово и любые резкие действия могут привести к непредсказуемым последствиям. А без резких действий — крышка.

Время паллиативов прошло; «приглашение» внешнего правления или торговля территориями маловероятны и, главное, не решат проблему. Правда, возможна попытка создания на территории РФ неких

особых зон, отделенных от «остальной» территории и связанных с глобальным миром, его центрами в значительно большей степени, чем со своей страной. По сути это анклавные глобального мира. Кенити Омаэ называет их регион-экономиками, или регион-государствами. Регион-экономика — естественная деловая единица «глобальной информационной экономики», которая представляет собой территориально обособленный комплекс, решающий свои проблемы путем привлечения глобальных ресурсов и встраивания себя в глобальные товарные цепи.

Регион-экономика — это

единица производства и потребления с численностью населения не менее 5 млн чел. (иначе не будет обеспечен привлекательный рынок для потребительских товаров) и не более 20 млн, чтобы обеспечить единство граждан как потребителей. Во всем мире, считает Омаэ, идет рост таких единиц. Это Силиконовая долина в США, районы СютOKEN и Кансай в Японии, Баден-Вюртемберг в Германии, Лангедок – Руссийон – Каталония (Франция – Испания) и др.

Необходимо отметить, что все указанные регион-экономики возникают не посреди моря бедности и разрухи, а как

органичный авангард промышленно развитых экономик. Возникновение таких регионов в бедных странах поставит задачу эффективной изоляции/сегрегации их от бедноты, вплоть до возведения стен а-la средневековые города. Подобные «неосредневековые города» уже появились – например, Альфавиль в Бразилии. Огромный город-регион, отделенный мощными укреплениями от мира бедноты описан К. Бенедиктовым в романе «Битва за Асгард». В России «асгарды» не пройдут – по той же причине, по которой здесь не прошли феодализм и капитализм. Перефразируя фразу Тютчева о России, что она – Ахилл, у

которого пятка везде, можно сказать, что русские «асгарды» будут сплошными пятками, хотя просуществовать какое-то время «под знаменем» инноваций — пока не будут «распилены» инновационные средства — могут. Короче, куда ни кинь, всюду клин, а ситуация запущена и усиливается мировым кризисом.

Можно ли прекратить бесконечность тупика с помощью опричнины, применением «опричного принципа»? Русская история показывает, что можно. Но все зависит от того, кто, как и в «блоке» с каким принципом станет применять. Если опричный принцип

соединится с олигархическим, мы получим второе издание питерской версии. Пользуясь терминологией XX века, это будет даже не правоавторитарный, а правототалитарный режим, а еще точнее, тоталитарно-анархический, что-то вроде описанного О. Маркеевым в романе «Неучтенный фактор». Скажу прямо: у правой диктатуры в постсоветской России шансы невелики. Своих сил продержаться у нее мало, значит понадобятся «чужие штыки» и внешнее управление. Оккупация России чужаками всегда кончалась плохо для чужаков и коллаборационистов.

Если же опричный принцип блокируется с самодержавно-национальным, то результатом будет левая диктатура, и этот вариант намного более вероятен, хотя бы потому, что в России власть всегда важнее собственности, и в этом плане с точки зрения русской истории, как пореформенная Россия, так и постсоветская РФ, суть социально-экономические извращения (не потому ли в обеих так много и половых извращенцев — *abyssus abyssum invocat*, «бездна бездну призывает»).

Вполне возможен раскол верхушки и столкновение двух типов опричнины — «грозненского» и

«питерского», и это будет новация в развитии опричного принципа. За первым будет стоять схема нации-корпорации и империи, за вторым — «регион-государства» («рынка-государства»), условно говоря «Четвертый Рим» против «Асгарда». При этом при прочих равных большие шансы на победу имеет та опричнина, которая успешнее сыграет на мировой арене, используя противоречия возможных недругов и создав сеть международных союзов. Год назад, выступая в Гаване на конгрессе по глобальным проблемам, я сказал, что нациям-корпорациям (или государствам, избравшим этот путь,

автоматически предполагающий левую диктатуру) в борьбе с неоимпериализмом, транснациональными корпорациями и корпорациями-государствами необходим союз — нечто вроде V Интернационала. Помимо прочего, это заставит буржуинов распылять силы.

Впрочем, не исключена еще одна новация-выверт русской истории: синтез «грозненской» и «питерской» версий опричнины, хотя здесь сразу же возникает много проблем. Но нам не привыкать: Россия страна и проблемная, и экспериментальная, здесь часто работает принцип «не жалко никого:

ни тебя, ни себя, ни его» (слова из песни в фильме «Бумер»).

Победа «левой опричнины» — это только начало тяжелого пути, который можно охарактеризовать фразой ненавистника России, Черчилля: кровь, пот и слезы. Новая опричнина будет разворачиваться в обществе намного более разложившемся и криминализованном, чем сталинская. И это несомненно наложит свой отпечаток на неоопричнину — здесь не надо питать иллюзий.

Далее. Нынешняя Россия — это обнажившиеся пласты-дефекты сразу нескольких эпох русской истории,

концы и начала в бардаке последних десятилетий спутались между собой — «все смешалось в диком танце» (Н. Заболоцкий). РФ — футуроархаическое общество: рядом с виртуальным миром XXI века существуют материальные реалии XVIII–XIX веков, не говоря уже о сосуществовании различных типов русского человека различных эпох. Тут тебе и пугачевский «тулупчик заячий», и мундир генерала Скобелева, и буденовки и кожанки — чекистов и люберов, и малиновые пиджаки «новых русских». Как заметил уже цитировавшийся мной О. Маркеев, «бронепоезд очередной российской революции лбом таранит

рубежи двадцать первого века, а хвостовые вагоны еще болтаются на стыках века девятнадцатого». Социально-экономическая неоднородность страны, отражающая нерешенность проблем сразу нескольких стадияльно различных экономических укладов — т. е. нерешенность в прошлом, «приехавшая» в будущее — все это тоже проблемы, которые надо будет решать, причем быстро и одновременно, преодолевая при этом сопротивление бенефакторов предыдущей эпохи, криминала и пассивность населения. Ну и, естественно, сопротивления внешних сил.

На пороге нового мира: русская неоопричнина против мировой «чрезвычайки»

У проблемы опричнины, русской «чрезвычайки» и связанных с ними потрясений есть международный аспект, что неудивительно: русская история — часть европейской, евразийской и мировой. Есть некая эмпирическая регулярность, как сказал бы Н. Д. Кондадьев, в соотношении наших опричнин и смутореволюций, с одной стороны, и мировых смут и войн, с другой. Исторически

опричнины в России становились либо преддверием мировых смут, либо их элементом.

Так, наши опричина и Смута начала XVII века были элементом Большой Смуты, кризиса «длинного XVI века» (1453–1648 годы). И вот что интересно: наша восточноевропейская смута, закончившаяся в 1618–1619 годах (поход Владислава на Москву, Деулинский мир, возвращение Филарета из польского плена и фактическое занятие им царского трона) оказалась прологом западноевропейской Тридцатилетней войны (в 1618–1648 годах). Именно эта война не позволила Западу взять

ослабленную смутой Россию голыми руками.

Аналогичным образом обстояли дела после петровской «смуты сверху». Несмотря на победу в Северной войне, Россия, укатанная внешней войной и внутренним войной-погромом, была слаба в 1720–1730-е годы. Однако войны, которые вели европейцы за разные «наследства», не позволили использовать эту слабость. И к середине 1750-х годов, к Семилетней войне Россия пришла в себя и сломала хребет Фридриху II. В XX веке русская революция и новая русская опричнина стали преддверием и элементом новой

Тридцатилетней войны (1914–1945 годы) – теперь уже не европейской, а мировой.

Размышления о войнах – не самое приятное занятие, но абсолютно необходимое. И не только в общем плане (*si vis pacem para bellum* – «хочешь мира, готовься к войне»), но и вполне конкретном. Мы живем в предвоенную эпоху; мир вползает в кризис, которому нет аналогов. Предвоенность эта, однако, формальная. По сути мы уже живем в военную эпоху: глобализация, «кладезь бездны» для которой разверзлась с разрушением СССР, есть не что иное, как достижение военных целей мирными

(финансово-экономическими, психоинформационными) средствами. Впрочем, все это не исключает и обычных войн: натовская агрессия против Югославии, Ирака, Афганистана. И если поверить Киссинджеру, заявившему, что глобализация есть новое название американского империализма, то глобализация в сущностном плане есть империалистическая война нового типа. Или агрессивная война нового империализма. Сегодня есть фактор, способный резко обострить ситуацию — американо-китайское соперничество. Китай, по мнению ряда экспертов, по ВВП,

измеряемому по паритету покупательной способности (ППС), достиг 40 трлн долл. Это столько же, сколько у США, Евросоюза и Японии вместе взятых; еще 40 трлн приходится на «остальной» мир. Если учесть, что Китай начинает подтягивать свою военную массу к массе экономической, что позиции военных в руководстве КНР усиливаются, что все это происходит на фоне мирового кризиса, ремиссия в развитии которого не должна вводить в заблуждение, то можно говорить об изменении мировой политико-экономической ситуации. Чтобы не допустить ее развития в неблагоприятном для себя

направлении, США, как «тело», «клетка» закрытых наднациональных структур управления («мозг/дух», «ядро»), должны подсечь Китай, как это было сделано в 1914–1918 годах с Германией или как в 1985–1991 годах с СССР; попытка подсечь Россию в 1914 году провалилась – возник сталинский СССР; попытка в 1941–1945 годах, когда на СССР натравили Гитлера, тоже провалилась. В нынешней ситуации у США как ядра «совокупного Запада» теоретически не так много вариантов.

Вариант № 1. Попытаться решить китайскую проблему военным путем с помощью России: русский мужик в очередной раз

становится пушечным мясом для англосаксов, русское пространство — главным театром военных действий, как восточный фронт в двух мировых войнах XX века. Под такую задачу Россию могут принять/втянуть в НАТО, присвоив таким образом наш ядерный потенциал и необходимое для войны пространство.

Итогом такой войны может стать распад Китая, полный демонтаж России и, как это ни парадоксально, ликвидация мировой верхушкой американской империи — по методу ликвидации Британской империи американцами и «наднационалами» после победы над Гитлером.

Этот вариант маловероятен в

силу, мягко говоря, слабой боеспособности Российской армии. К тому же, вряд ли русские солдаты и офицеры захотят всерьез воевать с китайцами.

Вариант № 2. США создают с КНР кондоминиум, делят Россию, как это предлагает известный ненавистник России Зб. Бжезинский. В этом случае США, находящиеся не в лучшем состоянии (сегодня, конечно же, Америка переживает не 1960-е, 1920-е или 1870-е годы — худшие десятилетия в своей истории, но движется в их направлении), получают передышку. Но и Китай получит, причем не только передышку, но и колоссальные

ресурсы, что резко и, возможно, окончательно изменит мировую ситуацию в его пользу, и даже война не поможет. Расчет может быть на то, что во время «передышки» Китай взорвется изнутри или подавится куском России, но – «гладко было на бумаге». И где уверенность, что Россия позволит себя съесть. Конечно, есть такая поговорка: «Если ты выглядишь как еда, тебя обязательно съедят», но попытка съесть Россию – ядерную (до сих пор) державу – чревата. Чужеземные оккупационные режимы здесь не держатся, и даже Золотая Орда (Алтын Ордон) эксплуатировала Русь на дистанции, взимая дань, как это

сегодня делает Западная Орда (Баруун Ордон). Наконец, и это главное, на раздел России с США не пойдет Китай, для которого США намного опаснее и которым он скорее постарается противопоставить китайско-русский союз, и это далеко не худший вариант для России.

Вариант № 3. Мне он не представляется невероятным, напротив. США будут систематически сбивать дыхание Китаю (и заодно России – чтобы не рыпалась; о том, что Россия не должна это делать, понимая, кто в доме хозяин, откровенно говорят сегодня и Киссинджер, и Олбрайт и

многие другие) где только можно — на всей мировой доске игры в «го» (вэйци). При этом есть регионы, наиболее приспособленные для того, чтобы созданное там напряжение давило на Китай, Россию, Иран (правда, в случае последнего более вероятен военный удар), а если надо Индию — это район Афганистана — Пакистана, который в США все чаще объединяют в некое целое под названием «Афпак».

Создание напряженности, а если надо военного конфликта большой длительности силами «афпаковцев» (главным образом мусульман-суннитов), с распространением конфликта в

Центральную Азию и населенные мусульманами районы Китая, постоянной «воронки напряженности», всасывающей соседние регионы, затрудняющей экономическое развитие — вариант вполне возможный. В этот регион как в воронку возможно втягивание других регионов.

При этом необходимо отметить, что новая мировая (а точнее, всемирная) война, организованная по методу управляемого хаоса, не обязательно будет такой, как войны 1914–1918 и 1939–1945 годов; скорее всего, она будет иной — локально-точечной, ведущейся сразу в нескольких зонах мира. То есть нечто

похожее на Тридцатилетнюю войну XVII века – четыре последовавшие друг за другом локальных конфликта (фазы), растерзавшие Центральную Европу. Думаю, войны глобальной и постглобальной эпох типологически скорее всего будут напоминать Тридцатилетнюю XVII века – вход в капиталистическую систему (тогда) и выход из нее (сегодня) с необходимостью должны быть зеркальными.

Возможны и другие варианты, но ясно одно: мир вступает в **чрезвычайно опасную эпоху – в эпоху чрезвычайности.** Нам предстоит увидеть возникновение немалого числа «чрезвычайек» на

глобальном, государственном, региональном и локальном уровнях. XXI век, помимо прочего, станет веком схватки «чрезвычайек» новых и старых (впрочем, уже стал: война структур-невидимок уже идет), и в этой ситуации опричнина с ее опытом и традициями может стать необходимым, хотя и недостаточным условием и средством, с помощью которого можно будет проскочить кризис и вынырнуть в посткризисное будущее. Более того, пожалуй, только неоопричнина как орден-ядро формирующейся нации-корпорации способна довести до конца процесс этого формирования и стать оргоружием в борьбе.

По-видимому, Россия вступает в самое опасное, наиболее критическое десятилетие своей истории, ставкой которого является не просто существование РФ, а дальнейшее бытие России как особого культурно-исторического типа, русского народа. Национально ориентированная опричнина – лишь необходимое, но недостаточное условие побед. Как говорил толкиновский Гэндальф, повторяя («цитируя») фразу из шекспировского «Макбета»: «If we fail we fall, if we succeed we will fact another task» – «Если мы провалимся, мы пропали; если мы добьемся успеха, то столкнемся с новой задачей».

Одна из задач, которая объективно стоит перед страной, — формирование принципиально нового **типа** интеллектуального руководства. Нового — значит: адекватного новому миру, эпохе *Пересдачи Карт Истории*. Нынешняя ситуация чем-то напоминает таковую начала XX века, кануна Мировой войны, которая выявила полную неадекватность подавляющей части персонификаторов «открытой» политики новой эпохе. Сейчас эта неадекватность на порядок сильнее, а ситуация на порядок сложнее.

Разумеется, заявить задачу формирования нового типа

руководства значительно труднее, чем выполнить. Во-первых, с позднесоветских времен продолжается внутренний антиотбор. Во-вторых, с 1990-х годов он усилен целенаправленным действием *Западной Орды*, ее «баскаков» и агентуры, с одной стороны, и процессом социального разложения, с другой. В-третьих, во всем мире идет, как отметила в одном из своих выступлений М. А. Кочубей, процесс проседания интеллектуально-волевой «сетки» управленческих структур – это тенденция, которую Ш. Султанов в статье «Неизбежная война» («Завтра», 2010, № 4) обозначил как

быструю деградацию традиционного рационального мышления, которая наиболее отчетливо проявляется в научной и политической сферах. Речь идет о падении интеллектуального уровня и волевых качеств мировой верхушки, по крайней мере, ее «явного контура».

Сегодня трудно сказать, какой уровень — интеллектуальный или политический, какая сфера — научная или управленческая демонстрируют более высокие степень и скорость деградации, кто хуже? Как сказал бы Сталин, оба хуже. Но я прежде всего хочу сказать об интеллектуальной сфере, о задаче интеллектуалов — о создании интеллектуального оружия,

т. е. нового знания о мире и человеке.

Новое знание для четвертого Рима

В связи с этим напомним тезис Карла Полаanyi о зловещем интеллектуальном превосходстве вождей Третьего рейха над их противниками в качестве одной из главных причин побед. Но аналогичным образом можно сказать и о превосходстве советского руководства 1930–1940-х годов над их «оппонентами» из открытого мирового контура власти. Чтобы побеждать на мировой арене, необходимо «зловещее интеллектуальное превосходство над

противником» — новое знание. Практически всем серьезным попыткам борьбы на мировом уровне за власть и ресурсы, всем крупным революциям или приходу к власти новых политических сил и движений предшествовало создание этими силами или их предшественниками принципиально нового знания. Так было в случае с Французской революцией 1789–1799 годов, которой предшествовало создание нового знания, нового интеллектуального оружия (Просвещение, «Энциклопедия»), нацеленного прежде всего на верхушку тогдашнего французского общества (задача — перезагрузка

интеллектуально-мировоззренческой матрицы, серия психоударов), с коммунистическими революциями, которым предшествовала интеллектуально-теоретическая деятельность марксистов, с победой национал-социалистов в Германии и борьбой Третьего рейха за мировую гегемонию (создание нового знания о человеке и природе в 1920-е и особенно в 1930-е годы). Новое знание создает нового субъекта. Это вдвойне верно в информационную эпоху, когда новый субъект не может не появиться в виде информационного «сгустка» власте-знания, формирующего «под себя» энергию и материю (привет

Платону).

Необходимо отметить, что исходно новое знание создается не огромными организациями-монстрами, тем более что сегодня их время ушло, научные оргмонстры вымирают, корчась в конвульсиях бессодержательной и бесплодной активности и решая проблемы позавчерашнего дня в режиме группового околонаучного онанизма. Новое знание создается небольшими мотивированными группами людей с четкой целевой и ценностной установкой, креативным спецназом — это, опять же, подтверждается опытом интеллектуальной артподготовки практически всех

рукотворных исторических сдвигов, тем более – кризисов и революций.

Борьба за сохранение России в XXI веке (и далее) потребует создания нового корпуса знаний о современном мире. И если национально (цивилизационно) ориентированной неоопричнине суждено состояться, то этот корпус должен стать ее научно-интеллектуальным компонентом; более того, он должен обеспечить ей готовое и способное к саморазвитию знание, предваряя ее. Данное знание должно быть знанием не только и даже не столько о России, сколько о мире и о России как его элементе – многие наши поражения

обусловлены зацикленностью на себе, на своих особенностях, иными словами, на определенного рода интеллектуальной самопупковости и на незнании мировой ситуации; победы большевиков, а затем сталинцев были в огромной степени обусловлены тем, что они были игроками мирового уровня, их «повестка дня» была мировой.

Корпус знаний, о котором идет речь, необходим во всех ситуациях: и в ситуации победы, и в ситуации глобальной катастрофы, и, если не дай Бог, неоопричина не спасет и в этой катастрофе, Россия рухнет. В последнем случае значение и роль нового знания вообще возрастают на

порядки – оно станет необходимым для сохранения русскости, для создания сетевого русского мира в посткатастрофическом мире, наконец, для строительства нового русского властесоциума – Четвертого Рима. Кто сказал, что Четвертому Риму не бывать? Надо будет, создадим. «Мы рождены, чтоб сказку сделать былью».

Четвертый Рим, Новая Русь, Новая Гиперборея – важно не название, а суть. Суть проста: Россия возможна только как структура имперского («неоимперского» – применительно к новым обстоятельствам) типа. Более того, русские возможны только в

структуре такого типа. В отличие от Запада, где империи суть политические формы, в России то, что называют «империей», выполняло социальную функцию, было социальной тканью, разрыв которой приводил к значительно более тяжелым последствиям, чем крушение империй на Западе.

Да, русские несли на себе бремя империи, тянули имперскую лямку как в Российской империи, так и в «империи» Советской; в последнем случае русские (великороссы), белорусы (белороссы) и украинцы (малороссы), т. е. россы-русские перекачивали создаваемый ими продукт на окраины, кормя

Прибалтику, Кавказ, Среднюю Азию (это четко зафиксировано статистикой) и не получая за это никакой благодарности — помощь принималась как «должное» от старшего брата.

Но значит ли это, что русские — неимперский народ, что империя им противопоказана, что нужно забраться в узконациональную скорлупу (или несколько скорлуп), скукожив до них русское пространство, освоенное предками и представляющее их и наше наследие, часть русскости? Именно к этому призывают те, кто противопоставляет русских и империю, т. е. наднациональное

образование, образующей осью которого являются русские. По сути, в этих призывах мы имеем дело с проектом, закамуфлированным под национализм и навязываемый русским (в России никогда не было национализма в западном смысле слова, как не было и империи в западном смысле). Мы имеем дело с антирусской и антироссийской одновременно (два шара в лузу) стратагемой. Я согласен с теми, кто, как, например, В. И. Карпец, видит в этом исключительную опасность для России и русских.

Нация и империя не несовместимы так же, как совместимыми оказались свобода и

империя (у Пушкина), нация и большевизм (у Сталина). Не надо морочить себе голову и тем более позволять это делать по отношению к себе другим. Другое дело, что в рамках наднационального целого русские должны быть не абсолютными донорами, а создавая основную часть продукта, занимать место и играть роль в «империи», во всех ее структурах пропорционально своей доле в населении — этого не было ни в Петербургской империи, ни в СССР. Правда, в обеих структурах русские составляли около 50 % населения, но на сегодняшний день — 80 %. Это означает, что Четвертый Рим, если ему суждено

осуществиться, будет принципиально иным, чем Третий.

Строительство Четвертого Рима должно начинаться с создания нового знания — вначале было Слово. Это знание должно опираться на наследие предков всех эпох нашей истории — и на переосмысление этого опыта, включая опричнину. Сюда входит, прежде всего, инвентаризация катастроф и поражений — за одного битого двух небитых дают, четкое определение вечных и временных врагов России и русских с пониманием, что самый опасный враг всегда внутри.

Ну и разумеется осмысление победительного опыта — своего и

чужого.

И не надо морочить себе голову ложным реставрационизмом по поводу, например, Третьего Рима. Третий Рим разрушен. И парадоксальным образом его начал рушить уже второй Романов церковной реформой, позднее свой вклад внесли и другие цари. Большевики пытались на месте Третьего Рима возвести Третий интернационал, однако Сталин «перезагрузил матрицу» и попытался отстроить новый Третий Рим как социализм «в одной, отдельно взятой стране» – и отстроил, но всего на несколько десятков лет.

Одновременно с демонтажем-

ремонтажем Третьего Рима шли аналогичные «эксперименты» с русским народом. Так, первый демонтаж русского народа ударом по истинно русской вере и русскому социокультурному коду произвели Алексей с Никоном и Петр I, однако они лишь расшатали народ, но не сломали его. Тем более что в Петербургском самодержавии большую часть народа власть оставила «в покое», оставив его в социокультурной резервации традиционного мира.

Пореформенная Россия стала зоной быстрого разложения народа, значительная часть страны превратилась в «Растеряеву улицу»,

«трактирная цивилизация» стала теснить русскую. Кончилось все это революцией и широкомасштабным демонтажем русского народа в 1920-е — первой половине 1930-х годов. Затем торжество национал-большевистского курса над интернационал-социализмом и победа в Великой Отечественной войне не просто остановили этот процесс, но способствовали монтажу новой общности — советского народа на русской основе. Процесс этот так и не был завершен, ну а с конца 1980-х годов начинается (по нарастающей) активный демонтаж советского народа и, естественно, его русской основы — десоветизация стала

мощнейшим и продуманным ударом по основам русского культурно-исторического типа. Третий Рим как способ бытия русских исчерпан.

Я уже не говорю о дефектах в конструкции. Это алексеевско-никоновская реформа-диверсия, петровский погром, рабство крестьян эпохи Екатерины II, идейный бред прозападной интеллигенции, художества интернационал-социалистов в 1920-е годы, тупость и предательство совноменклатуры 1970–1980-х годов.

Реликты всех этих дефектов послегрозненской эпохи русской истории так до конца и не

вычищены, не стерты из русской истории — как не были стерты к середине XVI века многие дефекты-реликты киевской, владимирской и ордынско-удельной эпох, которые пришлось «кусать» и «выметать» опричнине. С конца 1920-х годов сталинский режим с опорой на опричный принцип решал проблемы, которые накопились за несколько столетий русской истории (и которые не смогли, не сумели решить ни Николай I, ни Александр III; последние при всех их качествах были неадекватны задаче решения этих проблем) и которые были созданы революцией и первым послереволюционным десятилетием.

Жестокость решения была обусловлена хронической запущенностью проблем, с одной стороны, и имманентной жестокостью, характерной для времени революций и гражданских войн. За 1930–1960-е годы был решен целый ряд проблем, однако далеко не все, к тому же появились новые. Под совокупным грузом этих проблем и при активных действиях блока «часть советской верхушки – часть мирового капиталистического класса – криминалитет» прогнулся и был демонтирован советский коммунизм, разрушен СССР. За последние двадцать лет в геометрической прогрессии вырос еще больший ком

проблем — терапевтически его не устранить.

К тому же на сегодняшний день далеко не все проблемы даже осознаны.

«Неосознанность происходящего», о которой любят рассуждать деятели Римского клуба, — одна из серьезнейших проблем современного мира, существующая как сама по себе, так и в качестве элемента сознательно реализуемой стратегии «управляемого хаоса». Вывод: сначала знать, потом делать. Сначала — новое знание, новая картина мира, отражающие русский интерес, потом — действие. Думать обо всем этом нужно сейчас — только так можно

сохраняться и побеждать в
меняющемся мире. Победам
физическим всегда предшествуют
победы метафизические; чтобы
выиграть историческое
противостояние, сначала надо
«сделать» противника в
метаистории, в сфере тонких
интеллектуальных и
психоинформационных
(психоисторических) струн.

Ориентированная на решение
общенациональных проблем, а не на
обогащение узкой группы
узаконенного воря, опричина
нового типа — это «материя», которая
порождается, помимо прочего,
«духом» нового знания и даже нового

чувствования, нового слышания
Музыки Истории. Как будет
называться новое знание? Не знаю.
Может быть, по крайней мере для
начала, «консервативно-
динамическим». Может – иначе. Но я
знаю точно, что оно должно быть
бескомпромиссным по отношению к
нам самим, не позволяющим пускать
слюни и сюсюкать по поводу особой
«русской духовности» и «загадок
русской души», а четко фиксировать
все слабые и неприятные стороны
нашей истории и нашего характера,
ставить диагноз, не забывая о
сильных сторонах и формируя
чувство победительности вопреки
всему. Это знание должно быть

ключом к секретам явных и тайных врагов России и русских в мире в целом и отдельно взятых странах – в Высоком Буржуинстве, Равнинном Королевстве, Снежном Царстве и Знойном Государстве, вскрывая их сильные и находя их слабые стороны. Оно должно быть убойным и работать в мировой борьбе по пехотному принципу «штык в горло с двумя проворотами». Или по снайперскому – «один выстрел – один труп». А еще лучше – два, не оставляя противнику шансов – ни одного. И тогда мы увидим Четвертый Рим с сияющей над ним руной Победы.

Глава 4

Виталий Аверьянов.

**Опричнина –
модернизация по-
русски**

*Как во тереме
живет
православный
Царь,
Православный
Царь Иван
Васильевич.
Он грозен,
батюшка, и*

*милостив,
Он за правду
милует, за
неправду вешает.*

Народная песня

*Глупцы только,
которые не знают
обстоятельств его
времени, свойств его
народа и великих его заслуг,
называют его тираном.*

Петр I

За что до сих пор ненавидят Иоанна Васильевича?

Иоанн Великий — вечно актуальный царь. Он и спустя 500 лет вызывает любовь и ненависть. Почему он вызывает любовь — вплоть до того, что некоторые горячо ратуют за его причисление к лику святых? (Сразу скажу, эту тему сегодня оставим в стороне как недостаточно актуальную — речь не о том, чтобы вступать в непродуктивный спор с канонизаторами или антиканонизаторами.) Многие интуитивно ощущают, что **Иоанн**

Грозный увенчал собою феномен «русского чуда» XV–XVI веков. Школьные факты истории говорят сами за себя: при нем произошел прорыв к Волге, открытие путей экспансии в Сибирь, на Восток. Его царствование было историческим мгновением, за которое территория и мощь Московского государства возросли кратно. Это был действительно великий царь, хотя сегодня, после ожесточенных и истеричных выпадов неолиберальной волны, это как будто вновь нужно доказывать.

К сожалению, немногие из наших историков смогли осилить сложность всего царствования

Иоанна Грозного, дробя его вслед за ненавистником царя Курбским на светлый и темный периоды. Одним из немногих исключений был К. Д. Кавелин, который в «Ответе «Москвитянину» (1847 год) первым обратил внимание на удивительную особенность: *«Все то, что защищали современники Иоанна, уничтожилось, исчезло; все то, что защищал Иоанн IV, развилось и осуществлено; его мысль так была живуча, что пережила не только его самого, но века, и с каждым возрастала и захватывала большие и большие места. <...> Нам осталось дело Иоанна; оно-то показывает, насколько он был выше своих*

противников» (Кавелин К. Д. Наш умственный строй. М., 1989. С. 92–93). На фоне большинства других наших историков XIX века мысль поразительно зрелая!

Почему Иоанн Грозный вызывает ненависть? Разрушил страну? Нет, такие обычно у потомков ненависти не вызывают, потому что в разрушенной стране некому справлять поминки по прошлому. Обидел народ? Народ в своем эпосе вспоминает о нем как о выразителе своих чаяний.

Ненависть к нему связана со страхом перед невероятно усилившейся Россией. Что означает Иоанн Грозный для внешних сил?

Жуткий феномен русской альтернативы, северо-восточной альтернативы Западу, соизмеримой с ним расово, соизмеримой с ним культурно, наконец, религиозно соизмеримой. Грозный царь стал одним из главных источников русофобии. В нем и его Руси – Запад увидел реинкарнацию проклятой Византии. Ярче всех это ошеломляющее чувство появления нового гиганта в Европе описал Карл Маркс: *«Изумленная Европа, в начале правления Ивана едва знавшая о существовании Московии, стиснутой между татарами и литовцами, была ошеломлена внезапным появлением на ее*

восточных границах огромной империи, и сам султан Баязид, перед которым Европа трепетала, впервые услышал высокомерную речь москвитя» (Маркс К. Разоблачение дипломатической истории XVIII века // Вопросы истории. 1989. № 4. С. 3). Это Маркс пишет про эпоху Иоанна III, деда «игумена всея Руси», которого тоже называли и Великим, и Грозным. Иоанна III многие интеллигенты вслед за классиками либеральной историографии противопоставляют (на мой взгляд, неоправданно) его опричному внуку. Но сказанное Марксом еще более справедливо по отношению к XVI веку, чем к XV.

Ганс Вайгель «Иван IV» (гравюра на

дереве, сер. – 2-я четв. XVI века)

Иоанн Грозный – сущностно русское явление, и он навсегда переплелся с русским духом, вошел в фундамент России как цивилизации. Ненависть к нему – явление не русское, оно родилось в сознании крамольников, перебежчиков, тех, кто поставил себя против России. Среди наших современников яд по отношению к Грозному источает профессор Нью-Йоркского университета Александр Янов, который увидел в его опричнине «самодержавную революцию», прообраз и источник как будущих русских революций, так и

самодержавия, одинаково ненавистных Янову. Останавливаться подробно на этом не буду, поскольку в свое время подробно разобрал его взгляды в своей книге (Аверьянов В. Природа русской экспансии. М., 2003).

Помимо Великого и Грозного (последнее наименование в понимании самого царя отсылало в первую очередь к образу Архангела Михаила, Канон которому он написал) встречаются и другие эпитеты. Любопытно, что эпитет «Мучитель», распространенный в антигрозненской пропаганде, остался чисто книжным, в народном эпосе не прижился. Но есть одно

прозвание, о котором почему-то никто не вспоминает. Оно звучит в русских исторических песнях и балладах — там царя Иоанна Васильевича называют **«Прозрителем»**. Не больше и не меньше как. Интересно почему? Может быть, как раз потому, что он в текущем усматривал вечное, а за тем, что происходит в данный момент, видел целое? И в том числе, как отмечено было Кавелиным, сумел начертать такие формы, которые утвердились и опередили свое время на несколько столетий?

Иван IV, парсуна, неизвестный автор, 2-я

Очевидно, что в эпосе народном дежурные и проходные идейки не оседают, отсеиваются, остаются только прочные смыслы. Дореволюционный исследователь фольклорных источников И. П. Сенигов, автор целой работы, посвященной образу Иоанна Грозного в народном сознании, отмечал: *«Первым в ряду московских государей, который пользовался большим расположением народа, чем кто-либо другой из них, является Иван Васильевич Грозный. <...> Кроме казней бояр, другою причиною популярности Ивана Грозного*

является то обстоятельство, что он не только знал русский народ, его мысли, чувства, нравы и обычаи, сочувствовал его тяжелому экономическому положению, но и верил в него, в основные начала велико-российского племени» (Сенигов И. П. Народное воззрение на деятельность Иоанна Грозного. СПб., 1892. С. 47).

Замысел, который показал первый русский монарх-помазанник, учредитель Московского царства и автор основных принципов самодержавия, был для его последователей, спустя век (первые Романовы), два века (Петр I), четыре века (Сталин) убедительным,

несомненным, подтвержденным русской жизнью. Это делает его главным родоначальником имперского строя России. И хотя реализация его замысла была временно свернута преемниками, перечеркнута Смутным временем, отбросившим страну в до-опричные времена, будущее все равно было за «жалованными вотчинами», за развитой им концепцией самодержавия как имперского центра в символическом и административном смысле, за идеологией государственного служения сверху донизу, впервые продемонстрированной в опричнине.

Одновременно, этот же замысел

стал источником ненависти и страха русофобов. Сегодня глухая и глумливая критика опричнины политически весьма актуальна. Она важна для нашей олигархобюрократической верхушки как профилактика того, что она называет «политическим экстремизмом». Главный смысл критики и царя, и опричнины — не допустить такой власти, которая бы решительно пресекала крамолу в элите. Более того, заклеив террор Грозного и его опричнину, связав его с террором Сталина в некотором клише «злодея на троне», им важно не допустить даже самой мысли о такой власти. Блокируя развитие, загноившаяся

система стремится заблокировать и сами воспоминания о хирургических решениях, способных положить ей конец.

Кто детей опричниной пугает?

Вслед за Александром Яновым, посмеявшимся назвать русское самодержавие «самоуничтожением России», в наше время тема опричнины зажгла творческое вдохновение новых «мастеров культуры». Самым на шумевшим обличением опричнины стал, конечно, фильм Павла Лунгина «Царь». Лунгин прямо, хотя и косноязычно, повторяет Янова, когда в одном из интервью поясняет замысел своего «Царя»: *«Грозный в силу своей личности такой*

невероятной – очень много было в нем силы, безумной – он как бы остановил тот естественный процесс развития и надломил что-то и не допустил Возрождения...»

Сейчас таким, как Янов или Лунгин, вольготно рассуждать о патогенности русской политики и цивилизации. Автор сценария фильма «Царь» писатель Алексей Иванов скромнее в своих претензиях. В своем интервью, комментируя выход лунгинского фильма, он пускается в довольно банальную проповедь о недопустимости обожествления власти, веры в царя как святого. Из этого интервью видно, что «Царь» работает на

укрепление базового стереотипа РФ о кровавом наследии России, в котором представления об Иоанне Грозном и Сталине, об опричнине и НКВД слипаются в образ опасности, постоянно возрождающейся в России, а потому подлежащей искоренению.

Несмотря на успех у консервативной части киноаудитории предыдущей картины Лунгина «Остров», следящие за его режиссурой критики не могли быть удивлены той русофобией и опрично-фобией, которую Лунгин щедро выдал в новом своем творении. Что касается святости и ее трактовки в фильме «Царь», то здесь

на ум приходит фраза из «Луна-парка»: «Русский человек в России может быть только клоуном». В сущности, через всю свою биографию этот обласканный на Западе режиссер воспроизводит одну и ту же тему **русской жизни как абсурдной клоунады**: столкновение жлоба с непризнанным гением («Такси-блюз»), конфликт тупого быдла с просветленным еврейским шалопаем («Луна-парк»), Россия как скопление трагикомических рыл, без единого человеческого лица («Свадьба»), глумливые шуточки по поводу убийства комиссарами Царской семьи («Бедные родственники») и т. д.

После фильма «Царь» по-другому должен смотреться уже и фильм «Остров», сделанный достаточно аккуратно и в силу этого производящий имитацию «духовного кино». Становится понятно, что и в «Острове» изображен не святой, а шут в его максимально приближенной к юродивому ипостаси. Но, как бы то ни было и ни «казалось», расстояние между шутком и юродивым — бездна.

Лунгин ни в «Острове», ни тем паче в «Царе» так и не поднялся до православного юродства (на которое был так богат XVI век). Да и не мог подняться. Святой у него предстает либо как интеллигент-

шестидесятник, по точному замечанию протоиерея Всеволода Чаплина, либо как клоун. Другим содержаниям просто не может найтись места в душе режиссера, им там не за что зацепиться.

Самым ярким образом клоунады Лунгина несомненно стал персонаж, исполненный Иваном Охлобыстиным. По-видимому, неслучайно после того как священник Охлобыстин сыграл расстригу, придворного шута-еретика, он был запрещен в служении Патриархом Московским.

Святой был изображен в «Царе» как клоун, царь — тоже как клоун. Клоуном, само собой разумеется, был

и шут Вассиан (впрочем, исторически недостоверный). В фильме показаны три шута, и при этом нет ни одного юродивого!

Фильм Лунгина несомненно представляет собой бледное и постыдное явление на фоне фундаментального «Ивана Грозного» Сергея Эйзенштейна. Та картина стала одним из великих исторических фильмов в мировом кинематографе. Эйзенштейн явил в ней сплав театра и новейших средств подачи материала, показал пути, по которым искусство кино может развиваться в будущем.

Разными в двух этих случаях были не только масштабы талантов.

Разными были и заказчики картин. Заказчик Эйзенштейна на встрече с ним и Черкасовым в Кремле раскритиковал вторую серию фильма, отдав должное первой. Его замечания вошли в постановление Оргбюро ЦК ВКП(б) О кинофильме «Большая жизнь» 1946 года: «Режиссер С. Эйзенштейн во второй серии фильма “Иван Грозный” обнаружил невежество в изображении исторических фактов, представив прогрессивное войско опричников Ивана Грозного в виде шайки дегенератов, наподобие американского Ку-Клукс-Клана, а Ивана Грозного, человека с сильной волей и характером, —

слабохарактерным и безвольным, чем-то вроде Гамлета».

Что касается «заказчика» фильма Лунгина, то по сути он не менее могуществен и тираничен, чем Сталин 40-х годов. Конечно, таковым заказчиком не может быть Церковь в силу явной слабости образа митрополита Филиппа. Неубедительность и бледность Филиппа в картине неорганично дополнена эпизодом с чудотворением. Этот эпизод, так сказать, внешне, искусственно «пришит». Заказчик фильма Лунгина — **современная плутократия, которая в глубине души страшится опричнины, не понимает и не**

**приемлет тех сил, которые
вызвали ее к жизни в XVI веке и
могут вызвать теперь.**

Что же касается конфликта
Иоанна Грозного и митрополита
Филиппа — этот сюжет в
историографии имеет весьма
неоднозначные оценки. Нельзя
считать доказанным, что сведенный
с митрополии и заточенный в
монастырь владыка был задушен по
приказу царя. Многие историки
склоняются к тому, что такого быть
не могло (тщательно составленные
царские синодики с поминовением
опальных имени митрополита не
содержат, а царь не имел
обыкновения лукавить перед Богом).

Первым попытался приписать царю вину в смерти святителя Патриарх Никон, автор церковного раскола XVII века. Никон, обладавший огромным влиянием на царя Алексея Михайловича, сначала заставил его принять участие в покаянной церемонии, связанной с канонизацией св. Филиппа. В лице царя Алексея власть должна была как будто покаяться за деяния Иоанна Грозного. В соответствии с этой церемонией и замыслом Патриарха было составлено и отредактировано и Житие Филиппа. Существуют сведения, что это Житие писалось на основании данных, предоставленных лицами, лжесвидетельствовавшими

против самого Филиппа на соборе 1568 года (История государства Российского: Жизнеописания. IX–XVI вв. М., 1996. С. 368). Многие из деталей этого Жития были заимствованы из более древних житий по принципу перенесения канонических сюжетных линий, некоторые из этих деталей были исторически недостоверны. Любопытно, что голова брата или племянника, которую целует после казни владыка Филипп, перекочевала в лунгинского «Царя» именно из этого странного Жития.

Митрополит Иоанн (Снычев) считал, что владыку погубили не царь с Малютой Скуратовым, а

новгородские заговорщики, видя в нем опасного свидетеля в «новгородском деле». Историк Ю. Е. Кондаков в своем исследовании приводит аргументы в пользу того, что канонизация митрополита Филиппа была непосредственно связана с наложением запрета на деяния Стоглавого собора: *«Филипп привлекал Никона тем, что не побоялся воспротивиться царю и напомнил ему о праве Церкви выносить приговор светским правителям. На Соборе 1666 года, где проходил суд над Никоном, Алексей Михайлович еще раз подтвердил, что историю*

конфликта Ивана IV и Филиппа ему преподнесли в неверном свете. На Соборе была зачтена грамота Никона Константинопольскому патриарху, в которой упоминалось, что Никон переносил из Соловецкого монастыря мощи Филиппа, несправедливо мучимого Иваном IV. Алексей Михайлович по этому поводу заявил:

“Для чего он, Никон, такое бесчестие и укоризну блаженные памяти великому государю царю и великому князю Ивану Васильевичу всея Руси написал” (последняя цитата приводится Кондаковым по книге: Каптерев Н. Ф. Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович.

М., 1996. Т. 2. С. 126).

Царь Алексей разочаровался в Никоне и в его антигрозненской авантюре. Это не значит, что святитель Филипп подлежит деканонизации. Об этом даже не может быть речи. Филипп мученик, но пострадал он, по всей видимости, не от опричнины, а от крамолы. Второе мученичество Филиппа – посмертное – связано с тем, что его использовали в политических играх, пытаясь подчинить государство церкви, столкнуть их (а такое может вести только к расколам страны и веры). На Руси святые не бывают противогосударственными, не бывают диссидентами, хотя

отношения их с властями всегда не безоблачны. **Попытка превратить Филиппа в святого диссидента была провокацией, провокацией и остается, и смысл ее прозрачен.**

Наряду с фильмом «Царь» другим примером борьбы с опричной идеей стала повесть Владимира Сорокина «День опричника», которой он, по мнению экспертов, ответил на роман Михаила Юрьева «Третья империя». Что касается Юрьева, то он построил нечто вроде утопии новой опричной России XXI века. Хотя сам Юрьев оговаривается, что не надо понимать этот термин буквально, тем не менее, у него есть глава, в которой он описывает новую

опричнину как служилый класс новой имперской России. Опричнина у Юрьева – это нечто вроде военного ордена, куда принимаются и мужчины, и женщины, дающие для этого специальные обеты, и проходящие школу экстремального эффективного воинского искусства. Сорокин в своей повести строит пародию на утопию Юрьева, показывая новых опричников в стиле перестроечных трактовок «кровавого разгула» НКВД. При этом Сорокин намеренно сгущает славянофильский стиль речи и мысли опричников, отчего его текст, вопреки желанию автора, на уровне «письма» способен вызвать к опричникам скорее

симпатию, нежели антипатию. Другое дело, что в самом сюжете у Сорокина, как обычно, заложены тяжелые извращения — которые, конечно, портят общую картину.

В интервью «Известиям» Сорокин раскрывает подоплеку своих взглядов, которые опять же сильно напоминают писанину Александра Янова: *«Грозный был по-настоящему больным человеком. И его личная шизофрения воплотилась в идею опричнины. Я бы сказал, шизофрения по параноидальному типу. То есть он разделил русское общество и натравил одну часть на другую, это стало зарождением гражданской войны в России. Это*

был такой черный орден. Я считаю, что это сугубо патологическое явление легло в России на очень плодородную почву. Опричнине и ее идеям откликнулась русская метафизика. Я полагаю, что все наши смуты, революции, потрясения и моря пролитой крови – все это последствия опричнины».

Как видим, и у Лунгина, и у Сорокина, вслед за Яновым, четко просматривается их отношение к России как к патогенной стране. Любопытно, что сам Сорокин в молодости признавался, что, начиная писать художественные тексты, никак не ожидал, что его станут рассматривать как писателя. Через

свою «литературу» Сорокин, по собственному признанию, стремился избавиться от личных психологических проблем. Однако, благодаря вниманию западных издателей в 80-е годы, Сорокин был извлечен на свет божий и превратился в одного из литературных гуру постсоветской действительности. Что знаменательно, все трое – Янов, Сорокин, Лунгин – в особых сентиментально-интимных отношениях с западными странами и в особых патологических «контрах» с Россией.

И это убожество учит наших детей метафизике русской жизни!

Кремлевский инноватор

На примере русского XVI столетия остро чувствуется главнейшая сегодняшняя проблема – дефицит национального политического творчества. Иоанн Грозный – символ своеобразного творчества, создания в России ее собственных, изнутри выработанных государственных форм и институтов, не оторванных от мирового опыта, но и не представляющих собой бездумную кальку с иноземных образцов. В те времена в этом отношении мы как нация стояли на очень высоком уровне, не боялись творить свое. Сегодня в нашей

политической практике творчество отсутствует напрочь.

В наш век дела царя Иоанна назвали бы реальными инновациями, причем осуществлялись они во всех сферах жизни – это были инновации социальные, политические, духовные, юридические, культурные, эстетические и архитектурные, торгово-экономические. Наконец, были и собственно технические инновации (внедрение минно-саперных технологий при взятии городов, создание передовой и мощной артиллерии, доведение до совершенства русского гуляй-города, имевшего решающее значение в грандиозной битве при Молодях 1572

года, введение книгопечатания и мн. др.).

Главными инновациями эпохи, помимо техники, стали Земский собор, новое постоянное стрелецкое войско, жалованная вотчина, утверждение взамен великого княжения самодержавного (национально-имперского) принципа власти. Как видим, суть преобразований лежала в смене социальных порядков. Это была последовательная социальная трансформация, **все виды инноваций были производными от социальных** и вдохновлялись ими.

Основные инновации царя осуществлялись в ходе двух волн

преобразований. Первая волна 1550-х годов в сущности, вопреки мифу Курбского, не отличалась разительно от второй волны (преобразований, связанных с опричниной). И хотя две волны преобразований чаще всего противопоставляют друг другу, олицетворяя их именами разных политиков (Сильвестра и Адашева для первой волны, опричных деятелей – для второй), тем не менее, прав С. Ф. Платонов, считавший царя Иоанна и в молодости, и в зрелости прекрасным, самостоятельным организатором и автором государственных проектов. *«Мы имеем дело, – писал Платонов, – с крупным дельцом, понимающим*

политическую обстановку и способным на широкую постановку правительственных задач. <...> Он выступает перед нами с широкой программой и значительной энергией. Сам ли он ведет свое правительство или только умеет выбрать вожаков, – все равно: это правительство всегда обладает необходимыми политическими качествами, хотя не всегда имеет успех и удачу» (Платонов С. Ф. Лекции по русской истории в 2-х ч.: Ч. 1. М., 1994. С. 187).

Первой волне реформ были свойственны такие черты, как закладывание имперского отношения к другим племенам (в частности,

санкционированное государством
усыновление русскими семьями
«сирот казанских», после
окончательного подчинения
волжских ханств), упорядочение
документооборота, унификация
судебных порядков, устройство
земских и губных структур, введение
приказной системы управления.

Чрезвычайно важно, что это
была также и эпоха складывания
устойчивых черт духовного лица
нашего государства. Стоглавый
собор, создание сводных летописных
трудов, Степенной книги,
составление митрополитом
Макарием Четых Миней, начало
введения в языковой обиход таких

символических понятий, как «Святая Русь» и «Россия» — все это осуществлялось при непосредственном участии и сочувствии Иоанна IV.

Первая волна преобразований может быть названа **устроением земщины** — в ней государство и земля обрели более логичную форму, земское самоуправление и обновленная административная и судебная системы органично дополняли друг друга. На этом этапе преобразований царь умело опирался на старую боярскую и княжескую знать, апеллируя к ее интересам. Были разработаны Государев родословец, разрядные книги и

другие инструменты для оптимизации внутриэлитных отношений. Бояре и удельные князья выступали в эту эпоху не только феодалами-индивидуалистами, но фактически и главами тогдашних корпораций и кланов, представителями «землячеств» (в этом были большие минусы, поскольку интересы кланов и групп нередко парализовывали деятельность в интересах страны как целого, вели к конфликтам и затрудняли отправление функций верховной власти, — это черта, роднящая доопричный период с нашей современностью).

Вся эта первая волна не была

чем-то самодостаточным (хотя так могли думать князья и бояре, требовавшие от царя править «по старине»), она стала, с точки зрения Иоанна, подготовкой второй волны реформ — «опричного» скачка из античной, древнерусской в своеобразно русскую духовно-политическую формацию, из «кланово-тейповой» модели — в модель империи. В этом смысле опричнина не противоречит земщине с ее олигархической властью и низовой демократией, а достраивает ее до более совершенного и сложного порядка с высокой сопротивляемостью внешним вызовам и угрозам. По мысли

современного историка
Д. Н. Альшица, сутью опричнины
стало вовсе не разделение
государства, а строительство его
верхнего этажа.

Иными словами, это был не
раскол, а преодоление
раздробленности страны на уделы,
кланы, землячества в объединяющем
всех служении царю и русской земле.
Читателю можно настоятельно
рекомендовать обратить особое
внимание на трактовку
А. И. Фурсовым в его новой работе
по опричнине основных значений
этого слова в Древней Руси. Обычно
все сводят лишь к одному значению
корня «опричь» — «кроме» (откуда и

издевательская пародийная кличка «кромешники», придуманная Курбским). Фурсов показывает, что значений у этого слова было как минимум четыре. Причем все значения, перечисленные историком, «бьют в десятку». Одно из них: опричнина как крестьяне одной категории, совместно записавшиеся в монастырь. Здесь мы как раз видим коренной смысл второй волны преобразований: «землячество», связь по принципу территории, сословия, совместной жизни и совместных занятий преобразуется в «братство», связь орденского типа, связь служения (служат Богу или царю как «игумену Руси» — и в том, и

в другом случае подходит термин «опричники»). Случайное, то, что сложилось спонтанно, само собою, трансформируется в то, что подчиняется высшей законосообразности. Уклад старой жизни подвергается метафизическому пересмотру, духовному выбору и отбору, перемене ума для тех, кто на это способен. На одном этом примере видно, насколько глубже и сложнее был замысел создания братства царских опричников, чем его плоская и желчная трактовка Курбским («кромешники»).

Главное отличие точек зрения царя и антиопричной оппозиции

состояло в том, что первый мыслил скорее стратегически, а вторые — исходили из идеала эластичности и гармонии уже сложившейся системы. Бояре хотели лишь «оптимизации» того, что имели. Замысел царя простирался гораздо дальше, он добивался **качественно нового витка развития**, поскольку реальные силы народа на протяжении жизни одного поколения значительно возросли и требовали себе дороги. (Как увидим ниже, демографический взрыв XVI века имел не только благоприятные, но и роковые последствия для судьбы преобразований на их позднем этапе.)

Помимо фактора внутреннего роста России, были еще и внешние факторы, значимость которых доказана была спустя полстолетия самим ходом Смутного времени. Эпоха Иоанна Грозного – век глобальных сдвигов (Реформация в Европе, начало освоения Америки, инновационный взрыв, увеличивавший технические возможности передовых держав, возрастание мощи и влияния Турции, из-под носа которой царь уводит волжские и сибирские ханства). Первая волна преобразований, взятие Казани и Астрахани не делало Русь неуязвимой, но вводило ее в состояние рискованного

равновесия с соседями как на Западе, так и на Юге. Держава не стала сильнее основных конкурентов, но лишь поднялась вровень с ними. Необходимо было не задерживаться в этом состоянии, а переходить к новому, более благоприятному равновесию, занять новую историко-геополитическую нишу, выработать способность государства к упреждающим реакциям на угрозы, к перехвату инициативы. Нужно было подкрепить проведение структурной, юридической и административной реформы качественно новой материальной и кадровой базой — только такое всестороннее

переустройство государства могло бы дать царю элиту и войско, которые были бы способны вести длительную войну (как Ливонская) и противостоять многочисленным противникам (как и произошло впоследствии — «война на три фронта» с Литвой, Швецией и крымским ханом).

Прообраз опричнины царь видел в политике покорения Новгорода Иоанна III, «жалованные вотчины» он изобрел, глядя на земельную политику своего деда на новгородчине и в Твери. Так как в Новгородской земле поместная система полностью вытеснила светское вотчинное землевладение,

эта реформа Иоанна III была для его внука привлекательным образцом переустройства хозяйства страны. Опричнина была в этом смысле не срывом, а продуманной политикой, вторым решающим наступлением главы новой империи.

Исходя из стратегической логики национального развития, опричнина хорошо вписывалась в линию более ранних реформ царя, хотя характер его замыслов до конца реконструкции не поддается. Что касается инновационного духа двух волн преобразований, любопытную трактовку их предложил современный историк С. А. Нефедов, который усмотрел в реформах

Иоанна Васильевича творческое использование турецкой социально-политической модели. Общеизвестно, что на османские порядки ссылался публицист Иван Пересветов, который в своих сочинениях побуждал царя к решительным преобразованиям. Говоря о «Челобитной» Пересветова, Нефедов утверждает: *«Это была целая программа преобразований, предполагающая заимствование турецких порядков, и одним из пунктов этой программы было создание стрелецкого войска по образцу корпуса янычар. <...> Летом 1550 года, спустя девять месяцев после подачи Пересветовым его*

«Челобитной», был сформирован корпус «выборных стрельцов». <...> Уже при жизни Грозного некоторые авторы, в частности, Франческо Тьеполо и Александр Гваньини, сравнивали стрельцов с янычарами» (Нефедов С. А. Демографически-структурный анализ социально-экономической истории России. Конец XV – начало XX века. Екатеринбург, 2005. С. 140, 142).

По мысли Нефедова, поместная система также имела аналоги в Порте: это были турецкие «тимары». Даже и опричнина в целом может трактоваться как аналог османского института «хассе», включавшего дворцовые земли, султанскую казну

и гвардию. Нефедов приводит мнение востоковеда И. П. Петрушевского, что слово «опричнина», есть, в сущности, хороший русский перевод слова «хассе». (Там же, С. 162, 163.)

Последняя мысль Нефедова о заимствовании идеи опричнины вряд ли верна, так же как и в целом значение так называемой «диффузии» османских институтов он несколько абсолютизирует. Тем не менее турецкий след в русских инновациях XVI века, действительно, просматривается. В этом нет ничего удивительного или зазорного. Османская империя в тот период была на пике своего

геополитического и этнобиологического подъема, она воплощала самые совершенные и изобретательные порядки в военной и социально-политической организации. Это была не голая физическая мощь, как часто представляют себе интеллигенты, воспитанные на европоцентристских мифах, но мощь цивилизационная.

Тем не менее в преобразованиях царя Иоанна доля европейских диффузий была несомненно выше турецких. Не стоит спорить о том, западником или евразийцем был царь. В определенном смысле он был и тем и другим: но не раболепствуя перед чуждыми Руси стихиями

истории, а по возможности ставя себе их на службу. **Иоанн Грозный не «онемечивал» и тем более не «отуречивал» Русь, он русифицировал и немецкое, и восточное.** Окрестил в русскую веру и призвал к служению и татар, и кабарду, и представителей западных народов. Построил храм Василия Блаженного, который не воспроизводил казанскую архитектуру как конструкцию, а смело вплетал в бурно развивающийся новый шатровый стиль восточные орнаменты и элементы. Придал импульс к движению не только на Балтику и на сближение с Западом, но и к движению на восток, в

частности, к сближению с Китаем. По мысли историка Русского зарубежья В. Ф. Иванова, именно Иоанн IV дал программу движения в Сибирь и одновременно программу движения в Туркестан, другие русские государи и правительства были уже скорее исполнителями им начертанного. В целом мы имеем дело не с подражательной деятельностью, а со своеобразной моделью развития, в которой царь смело соединял черты разных культур, не боялся находить собственные решения. Он последовательно организовал земщину, для того чтобы затем дополнить ее опричниной и увенчать

всю эту архитектуру новой
концепцией самодержавной власти.

Странности нашей историографии

Иоанн Грозный не был счастливым, который оседлал благоприятные тенденции роста и развития своего государства. Он был бойцом, который позволил этим тенденциям развернуться, который убирал с их пути серьезные препятствия. Созидательная, производительная деятельность Иоанна IV была огромна, и она по своему размаху действительно напоминает «сталинские пятилетки». В этом смысле параллели между царем и Сталиным

очевидны, причем, говоря о таких параллелях, честному историку заикливаться на одном лишь терроре не пристало. Ни политика Иоанна в целом, ни сама опричнина к террору не сводились, так же как невозможно свести Сталина к ГУЛАГу и 1937 году.

Английский дипломат Джером Горсей, которого нельзя причислить к апологетам Иоанна, писал: *«Царь, среди многих других подобных своих деяний, построил за время царствования 155 крепостей в разных частях страны, установив там пушки и поместив военные отряды. Он построил на пустующих землях 300 городов, названных*

«ямами» (*yams*), длиной в одну-две мили, дав каждому поселенцу участок земли, где он мог содержать быстрых лошадей столько, сколько может потребоваться для нужд государственной службы» (Джером Горсей. Записки о России XVI – начало XVII. М., 1991. С. 93). На важную черту, отражающую сущность этой грандиозной стройки, обращает внимание американский исследователь Ричард Пайпс. Он отмечает, что именно цепь острогов от Донца до Иртыша очертила новое жизненное пространство русского народа, под ее защитой крестьяне осмелились вторгнуться в области,

бывшие доселе вотчиной кочевников.

Важно обозначить, что именно при Иоанне Грозном кончился длительный период «русского полона», когда тысячи и десятки тысяч (в некоторые годы до 50 тысяч!) русских рабов, плененных татарами в южных областях страны, угонялись на ближневосточные рынки. После 1572 года этот канал «живой силы» был навсегда пресечен, что нанесло удар и по невольничьим рынкам, и по средиземноморской торговой буржуазии, в частности, венецианской. (Все это говорит о том, что неподконтрольная верховной власти и народу олигархия

в России вступает в сговор с транснациональными структурами — это историческая закономерность; и сегодня она также никем не отменена.)

По свидетельствам иностранцев, царь был «гуманным правителем» (купцы из Любека), «праведным судьей» называет его посол Липпомано в 1575 году, т. е. уже во время так называемой «второй опричнины». Но эти свидетельства были в явном меньшинстве. С противоположной стороны мы слышим нестройный, но многоголосый вой ненавистников-иностранцев.

Одна из поразительных

странностей нашей историографии эпохи Грозного царя состоит в том, что значительное большинство наиболее вопиющих «фактов», обличающих Грозного, заимствованы из мемуаров и записок шпионов враждебных России государств либо западных пропагандистов времен Ливонской войны. С. Ф. Платонов писал об этих источниках: «*В Германии “московиты” представлялись страшным врагом; опасность их нашествия расписывалась не только в официальных сношениях властей, но и в обширной летучей литературе листов и брошюр. Принимались меры к тому, чтобы не допускать ни*

москвитов к морю, ни европейцев в Москву и, разобив Москву с центрами европейской культуры, воспрепятствовать ее политическому усилению. В этой агитации против Москвы и Грозного измышлялось много недостоверного о московских нравах и деспотизме Грозного, и серьезный историк должен всегда иметь в виду опасность повторить политическую клевету, принять ее за объективный исторический источник» (Платонов С. Ф. Лекции по русской истории в 2-х ч.: Ч. 1. М., 1994. С. 200). В. Б. Кобрин также признает, что сведения об Иоанне Грозном, передаваемые иностранцами,

напоминают игру в «испорченный телефон».

Из отечественных источников до сих пор многими совершенно не критически воспринимаются сочинения князя Курбского. Его «Историю о великом князе Московском» Пушкин характеризовал как «озлобленную летопись». Что же касается переписки его с царем, которую князь-ренегат вел из воюющей с Россией Литвы, то один остроумный интернет-пользователь сравнил ее с вещанием радио «Свобода» времен «холодной войны». Параллель для XVI века вполне уместная, тем более что Иоанн Грозный не счел за

неприличие вести с изменником острую полемику.

Тем не менее как «свидетельства», так и домыслы Курбского продолжают оставаться важнейшим источником для историков-профессионалов. Многих не смущает тот факт, что перебежчик впоследствии воевал против Руси, почему сегодня в публицистике его все чаще стали называть генералом Власовым XVI века. Курбский был не Власов, но хуже Власова — он не просто возглавил часть ливонских войск в войне со своим отечеством, но выступил как подстрекатель к новым походам на Русь, инспирировав, по подсчетам

Карамзина, вторжение 70 000 польского и 60 000 крымского войска.

Письма Курбского к царю Иоанну стали манифестом и прототипом дальнейшей «партийной», антигрозненской историографии. По верному замечанию Бахрушина, Курбский *«стремился в них оправдать перед потомством свою измену и талантливо изобразил злосчастную перемену в характере Ивана IV»* (Бахрушин С. Иван Грозный. М., 1942. С. 6). Что можно вынести из этих писем? У читателя со вкусом они оставляют неприятное впечатление, — написаны гладким

приторным стилем с намеренной демонстрацией собственной учености, впрочем, довольно эклектичной, наполнены не в меру патетическими попытками обличать и морализировать. Зная реальную историю жизни Курбского, эту высокоморальность трудно принять за чистую монету. В то же время Курбский современному человеку понятнее царя. Он предатель, человек без устоев в себе, при этом давит на жалость и на совесть, он рационален и в то же время сентиментален. Однако внимательное прочтение его писем способно обнаружить проговорки. Так, на мой взгляд, Курбский

напрямую проговаривается, что изначально втайне ненавидел оппонента. Считая себя родовитее Иоанна (Курбский относился к старшей ветви Рюриковичей), он в одном из писем, не удержавшись, страстно восклицает обо всей семье Иоанновой: — «Ваш издавна кровопийственный род»!

Другой генератор утонченной неприязни к Иоанну — Н. М. Карамзин, подошедший к царствованию Грозного как эстет. Известный историк Н. Д. Тальберг полагал, что Карамзин по какой-то причине буквально ненавидел этого государя. На мой взгляд, Карамзин искал не столько художественной

правды, сколько художественных красот, сильных страстей, интересного характера. Схожего подхода — умышленного и последовательного «нагнетания ужасов» — придерживался в своих сочинениях преемственный к Карамзину Костомаров. Он не находил разумных объяснений жестокостям «сумасбродного тирана». Сегодня на совсем уж популярном уровне, но в том же ключе собирания всех эффектных басен пишет о царе Иоанне Эдвард Радзинский. Похоже, этот поток неиссякаем, он отвечает каким-то глубинным потребностям нашей вечно оппозиционной государству

интеллигенции. Им потребен в истории русский изверг, «Синяя Борода», русский архетип Dark Fantasy. Им греет душу, что такой изверг тождественен самому средоточию русской государственности – величайшему в ее истории царю.

Что касается Карамзина, по всей видимости в XVI веке он увидел повод для подражания ранним готическим романам. Приведу один пример (хотя главы об Иоанне Грозном у него буквально испещрены нелепостями). Карамзину как беллетристу с возбужденным воображением не давал покоя жезл Иоанна Васильевича. Он называет

его «кровавым жезлом». По Карамзину, этот жезл царь вонзил в ногу Василия Шибанова, слуги Курбского, привезшего от него обличительное письмо и так, стоя, по-садистски опершись на жезл, пронзивший рану, слушал чтение письма. Факт этот вымышленный — Шибанов был брошен Курбским в России и арестован во время расследования обстоятельств бегства, о чем можно прочитать у К. Ф. Валишевского и у других историков, опиравшихся на документы. Однако сюжет с Шибановым вошел в наше искусство (баллада А. К. Толстого, картина В. Г. Шварца и др.).

Этим же кровавым жезлом царь, согласно Карамзину, «пригребал угли», когда поджаривал на пыточном огне князя Михаила Воротынского, великого военачальника, одного из полководцев в решающих битвах эпохи. Однако историк В. Г. Манягин, известный сторонник канонизации царя, обнаруживает странные разночтения: по одним источникам князя до смерти пытали на углях в 1565 году, по Карамзину и словарным статьям – в 1573 году. Первое, очевидно, нелепо. Второе также противоречит тому, что в 1574 году Воротынский собственноручно подписывает устав сторожевой

службы (на что есть ссылка в книге: Зимин А. А., Хорошкевич А. Л. Россия времени Ивана Грозного. М., 1982. С. 217). Манягину, конечно, следовало бы лично проверить дату этого документа, поскольку в книгах, бывает, встречаются и опечатки. Но если это не опечатка, и за данными историков стоит подлинный документ не 1571 (как считает большинство историков), а 1574 года, то Манягину удалось разоблачить коллективную и многолетнюю фальсификацию фактов. Тогда сюжет с жезлом и углями обращается в клеветническую легенду, источником которой является один лишь

Курбский.

Наконец, тем же жезлом Карамзин «убивает» сына Иоанна, чем довершает свою эстетскую готическую линию. Знаменитое сыноубийство царя, которое стало едва ли не любимым сюжетом для русских художников исторического направления, зиждется на не самом надежном источнике (этот источник — враг Иоанна и России иезуит Антонио Поссевино, не сумевший одолеть царя в словесной полемике о преимуществах западного христианства над восточным, затем проводший большую работу по организации войны польского короля Стефана Батория с Россией и уже в

конце своей жизни горячо сочувствовавший тем кругам на Западе, которые поддерживали Лжедмитрия I в Смутное время). Другой иностранец Жак Маржерет утверждает, что Иоанн Молодой был ранен ударом, но умер он не от этого, а некоторое время спустя, в путешествии на богомолье. Достаточно вероятна смерть его от отравления, поскольку при вскрытии останков в XX веке в его костях было обнаружено количество ртути, во много раз превышающее допустимую норму, так же, кстати, как и в останках самого царя Иоанна. (Этот сюжет с ртутью и останками весьма квалифицированно и убедительно

проанализирован тем же Манягиным, что вообще является сильной и требующей внимательного отношения стороной его изысканий.) Еще одна немаловажная деталь вскрытия: антропологический тип Иоанна Грозного явно свидетельствует в пользу того, что он был сыном своего отца — то есть не был незаконнорожденным, как то измышляли его противники.

Насколько увлекся Карамзин, показывает один характерный и по-своему забавный эпизод. Историк медицины Я. А. Чистович попытался понять загадку характера Иоанна Грозного с точки зрения психиатрии, но рассматривал свидетельства о

Грозном только лишь на основании трудов Карамзина. Чистович пришел к следующему выводу: **«Карамзин не догадался, что Иван IV не изверг, а больной»**. По мнению Чистовича, царь Иоанн IV страдал неистовым помешательством, вызванным и поддержанным яростным сладострастием и распутством (Чистович Я. История медицинских школ в России. СПб., 1883. Прил. С. IV–IX). Немудрено сделать такие выводы на основании художественного произведения Карамзина. Перефразируя самого исследователя, следует уверенно сказать: **Чистович не догадался, что Карамзин в своей «Истории» не**

летописец, а баснописец.

Однако Чистович был не единственной жертвой карамзинских художеств. Знаток древнерусских источников Н. П. Лихачев подверг обстоятельному разбору популярные в XIX веке психопатологические концепции, объясняющие личность Иоанна Грозного и показал их несостоятельность (Лихачев Н. П. Дело о приезде в Москву Антонио Поссевино. СПб., 1903). То, что проделал с образом Иоанна Карамзин, напоминает перестроенные байки про «Сосо Джугашвили», сухорукого параноика, злобного помешанного. При этом возникает вопрос: каким образом

двум таким «пациентам», как Иоанн и Иосиф Грозные, удавалось поднять великую державу и удерживать ее в мобилизованном состоянии в течение десятилетий? Как им удалось оставить по себе государственную систему, которая еще долго была конкурентоспособной и возрождалась (в случае с Иоанном) через века? И почему у психически полноценных, **«нормальных героев»** нашей либеральной интеллигенции, удавался только развал страны?

In alten Zeiten stach oft unter Dornen
 Ein Dorn welches Blut wie Wasser in sich saß.
 Aus viel Exempeln nimm ich eines zu bedienen;
 84 War nicht Basilowiz recht von dergleichen Stoff

*«Аллегория тиранического правления
Ивана Грозного» (немецкое издание 1725 г.)*

Что касается психической
вменяемости Иоанна Грозного
доказывать ее нужды нет (спор о
психике Иоанна и Сталина в
последний раз был актуален в 80-е
годы, когда на нас обрушился поток
«психоаналитической»
историографии, изготовленной в
советологических лабораториях
Запада). Напротив, следует вести
речь о психическом превосходстве
царя над окружением. Даже
В. А. Кобрин, историк
перестроечной эпохи, сделавший
себе общественную репутацию

относительно не на обелении Иоанна Грозного, а скорее на его жесточайшей критике, тем не менее, находил, что царь был сильной и одаренной личностью, не нуждался в том, чтобы окружать себя слабыми советниками: *«Поражает память царя. Он явно наизусть цитирует в обширных выдержках Священное Писание. Это видно из того, что библейские цитаты даны близко к тексту, но с разночтениями, характерными для человека, воспроизводящего текст по памяти. <...> Думается, сочетание больших природных способностей, интеллектуальной и литературной одаренности с властолюбием*

способствовали развитию в царе Иване некоего “комплекса полноценности”, превосходства над жалкими “людишками”, не знающими того, что ведомо царю, не умеющими так выразить свои мысли, как умеет царь» (Кобрин В. Б. Иван Грозный. М., 1989. С. 143).

По выражению Н. К. Михайловского, наша литература об Иоанне Грозном представляет собой удивительные курьезы, когда умные люди «вступают в противоречие с самими элементарными показаниями здравого смысла». Но почему такое произошло? Тому можно найти несколько объяснений. В случае с

Россией начиная с XVI века Запад и в первую очередь латинский Рим применяет новый метод борьбы – **психологическую пропагандистскую войну.**

Общественное мнение Европы во время Ливонской войны формировалось с помощью многочисленных «летучих листов», изображавших царя Иоанна монстром, а русских – насильниками и извергами. Но этим пропаганда, конечно, не ограничивалась. Иоанн Грозный в силу исторических и политических обстоятельств попал под шквальный огонь войны нового типа. Его дискредитация стала делом чести врагов России как при его

жизни, так и после смерти. Он спутал карты западных стратегов, римских миссионеров, ливонских рыцарей, польских и шведских агрессоров (еще одна черта, роднящая его со Сталиным). Однако специфика этой пропагандистской войны состоит в том, что она не деактуализируется с годами.

Между крамольниками и кромешниками

В отношении к эпохе Иоанна Грозного у меня как у философа накопилось к историкам-профессионалам много претензий. Тематика Иоанна Грозного и опричнины в нашей историографии чем-то напоминает тематику запретных тем, призванных быть под опекой официальной политкорректности. Историческая достоверность отступает, — язык ее как будто немеет, а разум историков дает в этом пункте характерные сбои и в силу вступает так называемая

«коммеморативная практика»
(ритуализированная форма
заклинаний и одергиваний
неполиткорректных). В

коммеморативную практику
обличения тирана были с большим
вкусом вложены огромные силы и
средства сначала Западом, а потом,
по всей вероятности, и некоторыми
из Романовых, которые таким
образом самоутверждались за счет
ослабления в народной памяти
образа одного из самых значительных
Рюриковичей. Не в том ли
объяснение странностей и
искажений в нашей историографии,
ее местами неряшливости и
безалаберности, неспособности

замечать очевидные факты и упрямое стремление не замечать фальсификации?

Учитывая относительную скудость источников XVI века, все это составляет серьезную проблему. Иоанна Грозного не понимают и не хотят понять, его просто принято «не любить», это считается хорошим тоном, потому что так воспитали историков их учителя. Один из откликнувшихся на нашу дискуссию публицистов А. Самоваров на сайте АПН привел аргумент, который хорошо иллюстрирует только что сказанное: *«В числе моих преподавателей на истфаке были выдающийся русский историк*

*Аполлон Кузьмин, человек
радикальных патриотических
взглядов, Николай Павленко, один из
крупнейших современных историков
и знаток эпохи Ивана Грозного
либерал Владимир Кобрин. Так вот,
несмотря на различные взгляды,
разные исторические школы и пр.,
все трое ненавидели Грозного».*

Но ведь именно это и должно
настораживать! Многие смущает в
нашей историографии и в историках-
профессионалах. Тяжело признавать,
но при всем уважении к Кузьмину и к
другим преподавателям МПГУ,
каноны их профессии в случае с
Иоанном IV и особенно с
опричниной не срабатывают, над

сознанием профессионалов начинают тяготеть мотивы, далекие от профессионального долга и пресловутой «приверженности источникам». Трудно сохранить веру в профессионализм, когда один за другим историки цитируют одни и те же клеветнические и пропагандистские свидетельства, не удосуживаясь отделить сведения наверняка подлинные от сомнительных (согласно методике Е. Ф. Шмурло). При этом наши историки еще и крайне эмоциональны в оценках, примешивая к ним не столько даже партийные, сколько ложно понятые гуманистические и

индивидуалистические критерии.

Вывод из этого запутанного дела прост: эпоха опричнины еще ждет своего настоящего серьезного исследователя.

Весьма ярким исключением в литературе об эпохе опричнины стал митрополит Иоанн (Снычев). Не имея возможностей построить мощную историческую картину исследования, опровергающую клевету на царя и отражающую всю иррациональную ненависть к нему, он нашел в себе духовные силы этой клевете и ненависти противостоять. Это настоящий подвиг, учитывая, что он зашел на «поляну» профессиональных историков.

Историки-ремесленники с их копанием в источниках, с их жонглированием ссылками и ссылками на ссылки, с их казуистикой, превышающей нередко казуистику юристов в суде, конечно, в своем ремесле искуснее владыки Иоанна. Но его подвиг открывает дорогу новым исследованиям, которые обязательно будут проведены. Сегодня можно назвать несколько крупных историков (Фроянов, Фурсов, Альшиц), которые свободны от антиопричного мифа.

Естественно то, что владыка Иоанн в ряде моментов допускал фактологические ошибки. Так, например, неправильны его подсчеты

казненных — он преуменьшал масштабы казней, когда написал, что за время правления Иоанна Грозного приговаривалось к смерти, включая уголовных преступников, менее 100 человек в год. Вместе с тем профессионалы, решившие обличить Высокопреосвященного, максимум что смогли доказать, это то, что казнил царь несколько более 100 человек в год. Цифры говорящие, учитывая, что к концу царствования Иоанна население Московского царства по разным оценкам насчитывало от 6 до 9 млн человек (прирост населения с середины до конца XVI века составил около полумиллиона человек).

Так же долгая и зубодробительная полемика между сторонниками канонизации Грозного царя и противниками этой канонизации приводит к следующему результату: если первые утверждают, что в Новгороде в результате карательного похода 1569 года было казнено 1 500 человек, то противники поправляют – не 1 500, а 2 200. Это очень «принципиальная» поправка на фоне тех данных, вокруг которых вращалась классика антигрозненской историографии (до второй половины XX века, когда подход к документам стал строже, назывались цифры новгородских жертв в 15 тысяч, 20 тысяч, 60 или 70

тысяч человек — последние две цифры превышают даже реальное население тогдашнего Новгорода — около 30 тысяч, по подсчетам А. П. Пронштейна). В шпионско-пропагандистской литературе встречается цифра в 700 тыс. жертв, которой любят оперировать на интернет-форумах. И добросовестные историки, прошедшие школу «строгих проверок» исторических цифр, продолжают впадать в неряшливость. Так, например, уже под конец XX века цитированный нами Кобрин, видевший в опричнине явные параллели сталинских репрессий и «игравший» на этих параллелях,

говорил о многих тысячах жертв на основании братских могил в Новгороде. Кобрин здесь проигнорировал страшную чуму, которая свирепствовала там же через несколько месяцев после опричного похода. Этим объясняются и сами братские могилы — зачумленные трупы просто не успели как следует захоронить. Судя по количеству погибших от эпидемии, чуме было чем поживиться в Новгороде после репрессий. Поскольку долгое время не находилось исследователей, способных трезво взглянуть на источники, сама чума обличила оголтелую пропаганду, взятую на веру нашей исторической наукой.

Наука эта до некоторых пор была похожа на азартный аукцион, ставками в котором было количество жертв Иоанна Грозного. К счастью, сейчас положение все больше и больше выправляется — еще лет 50–100, глядишь, Иоанн Грозный и перестанет быть «пугалом» для маленьких детей.

Конечно, 2 200 жертв за один поход — это немалая цифра. Она должна ужасать не знающих контекст «новгородского похода» и той измены, которая созрела в Новгороде. Не буду приводить для сравнения с ними число жертв Варфоломеевской ночи, подавления крестьянских

бунтов в Германии, испанской инквизиции и прочих цивилизованных стран того же века. Приведу другие цифры: при Алексее Михайловиче, прозванном в народе не «Грозным», а «Тишайшим», в 1662 году было единовременно казнено 7 000 человек. Эта цифра, судя по всему, превышает всю сумму жертв репрессий Иоанна Грозного за весь период его царствования. Современный историк Д. М. Володихин, обличая первого русского царя, называет его самым жестоким, а про Алексея Михайловича говорит, что тот был вынужден пойти на суровейшие казни в связи с открытым злым

бунтом (Володихин Д. М. Иван Грозный: Бич Божий. М., 2006. С. 201). Трудно разобраться, какой бунт был опаснее. Дело даже не в этом. «Медный бунт» 1662 года был все-таки не просто восстанием озлобленной черни. Он был вызван политикой недальновидной, попустительством чудовищной коррупции и невиданными в тогдашней России финансовыми махинациями. А за это царь должен платить по счетам истории так же, как если бы он был душегубцем и злодеем.

Русскому исследователю естественно было бы искать в Иоанне Грозном и в его эпохе

величия, и если он упорно не желает этого делать, значит в нем живет вирус самоотрицания. В русских ненавистниках Иоанна Грозного проявляется внутренняя слабость, самоедство, чужебесие по Крижаничу, смердяковщина по Достоевскому.

Важно понимать еще одно обстоятельство. Те, кто направляет огонь критики против нравственного облика опричнины, как правило, молчат про нравственный облик «крамолы» XVI века, про ее духовные и политические корни. Проще всего игнорировать тему «крамолы», считая ее мнимой величиной. Так же и в перестройку считалось за честь

всех репрессированных при Сталине рассматривать как невинных жертв. Но история в конечном счете — строгий суд, а не игра в одни ворота.

Наиболее ответственные из историков второй половины XX века факт заговоров века XVI вынуждены признавать. Но суть проблемы я бы видел не в анализе заговоров и их хитросплетений (что всегда очень сложно осуществить), а в анализе «боярского царства». **Опричнину недопустимо рассматривать в отрыве от ее подлинного антипода.** Причем речь стоит вести не только о том «боярском царстве», которое было во времена детства Иоанна Грозного, но и о его юности, когда

уже готовились и начинались его славные преобразования.

Никоновская летопись (VII, 48) свидетельствует, что после кончины Василия III резко выросло насилие, мздоимство, небрежение о Русской земле от *супостатов*, «*во градах и селех неправда умножися, и восхищения и обиды, татьбы и разбои умножишася, и буйства и грабления многа. Слезы и рыдание и вопль мног по всей Русской земле*». Другой летописец свидетельствует: «*Многие промеж бояр бяше вражды о корыстех и о племенех, всяк своим печется, а не государьским. <...> И воздвигоша велию крамолу между себе, и властолюбия ради друг друга*

*коварствоваху... на своих друзей
встающе, и дома их и села себе
притежаша и сокровища свои
наполниша неправедного богатства»*
(Полное собрание русских
летописей. Т. 21. П. 2. С. 634).

В эпоху олигархии Шуйских
необычайно расцвело своеволие и
насилие, на Руси царил
криминальный разбой, не было
защиты со стороны государства. А к
русским разбойникам добавлялись
постоянные набеги крымских и
казанских «преступных
группировок», действующих под
прикрытием, а иногда и под
непосредственным оперативным
руководством своих ханов. Именно в

этот период поток русских рабов на невольничьи рынки был неиссякаемым. «Безгосударством» назвал это состояние страны в ужасе бежавший из России итальянский архитектор Петр Фрязин, издатель ряда русских крепостей и каменной стены Китай-города.

Если в малолетство Иоанна, по единодушному мнению историков, происходило невиданное обкладывание народа поборами, приведшее к повсеместным бунтам посадских людей, то в пору его юности то же самое боярское царство продолжало править страной в скрытом виде. Современные историки все больше склоняются к

тому, что так называемый «синклит» («Избранная рада» в ублюдочной терминологии Курбского) действовал в интересах княжеско-боярской олигархии, в критические моменты проявлялось, что деятели синклита фактически стояли на стороне двоюродного брата царя Владимира Старицкого. Одним из первых сущность «синклита» начал раскрывать С. Ф. Платонов, который полагал, что этот круг служил орудием не бюрократически-боярской, а удельно-княжеской политики, и ограничивал царскую власть не в пользу учреждений (думы), а в пользу известной общественной среды (княжат).

И. П. Фроянов обоснованно показывает связь боярской модели правления с ересью жидовствующих, которая была частью идеологической войны Запада против России, а опричнину рассматривает как подрывание почвы для развития этого вируса внутри страны. А. А. Зимин, а вслед за ним А. И. Фурсов считают, что заключенное Адашевым перемирие 1559 года пагубно сказалось на ходе Ливонской войны, поскольку после этого в нее оказались втянуты несколько европейских держав. Это чрезвычайно осложнило обстановку в России в 60-е и 70-е годы, обусловило напряжение всех сил

государства и народа, вымотало и обескровило страну. Фурсов считает, что Ливонская война могла быть выиграна, если бы Адашев не имел тогда столь обширных полномочий, и царь Иоанн Грозный, победитель не только Казани, но и Ливонского ордена, въехал бы в историю на «белом коне».

Какой бы миф мы ни избирали в качестве своего — миф о «крамольниках» или миф о «кромешниках» — мы не имеем права игнорировать ни факты в пользу первого, ни факты в пользу второго. Крамольный характер боярского царства, несовместимость боярской модели со строительством

национально-имперского типа
державы, пагубность
олигархического диктата (прямого
или косвенного, как в случае с
«синклитом»), наконец, жесткое
сопротивление царю князей и бояр,
выразившееся в многочисленных
бегствах их в Литву, а также в
нескольких заговорах — все это не
подлежит замалчиванию. На эти
факты нельзя закрывать глаза и
смотреть сквозь пальцы, тем более
что сейчас мы живем в сходных
условиях квази-боярской
плутократии, растаскивании
национального пирога
сверхбогатыми социальными
хищниками.

Смутное время показало, что именно через боярско-олигархическое разложение государства Запад мог одолеть Россию, расчленив ее или посадить на престол своего ставленника (самозванца как в 1605 году или польского королевича, как предлагала семибоярщина). Опричнина выковывала альтернативный тип государства, в тенденции неуязвимого для подрывных технологий. Не потому ли историография периода опричнины напоминает растянувшееся на несколько столетий совместное заседание обществ «Мемориал» и

правозащитных организаций,
обличающее репрессии и требующее
реабилитации своих идейных
родственников?

Виртуозное решение – шедевр в результате

В чем же был смысл опричнины? Смысл этот многоаспектен. Важно понимать, что царь осуществил через нее не коренную смену элиты (как некоторые представляют), не тотальный отрыв князей и бояр от их удельных земель, а смену самих принципов власти и собственности. Сущность опричнины состоит в том, что вместо «удельности» как высшего закона, стоящего над государством и «православным христианством» (так называли тогда

«народ», «нацию»), был выдвинут принцип служилой элиты. Было объявлено, что собственностью, честью, безопасностью, славой будет обладать в конечном счете тот, кто служит государству как целому, кто укрепляет его, кто оберегает его от врагов внешних и внутренних, кто о нем «радеет» (формула посланий царя из Александровой слободы в 1655 году). Опричнина ни в коей мере не сводится к террору и казням. Репрессиям были подвергнуты противники преобразований из всех слоев, хотя де-факто таких противников было больше всего в среде родовитого олигархата.

Знаменательно то, как была

учреждена опричина. Попробуем реконструировать ход мыслей Иоанна Васильевича. Он удалился в Александрову слободу, но это был шаг не эскаписта, как можно подумать, а человека, начавшего предельно серьезную «духовную брань» с главными своими неприятелями. Доказательство тому – плоды царского «бегства».

Своим шагом он обнажил всю нищету «боярской модели». Он как будто предложил народу вновь остаться один на один с плутократией. Такая «игровая ситуация», по замыслу Иоанна Васильевича, должна была вызвать в памяти народной образ лихих годов

«боярского царства». Эта память была еще жива в старшем поколении, и весь народ знал, чем чреват олигархический беспредел. В ответ на грамоты царя, читанные на площадях и в церквях, посадский и торговый люд выразил готовность «потребить» изменников за своего царя. А самого государя широкие слои народа звали вернуться к отправлению власти, дабы защитить их от притеснений «сильных». Мы видим обоюдоострое оружие политической игры Иоанна: он обретает себе сторонников в лице демократических слоев, и в то же время во всенародном призыве обретает легитимность защитника

против олигархической верхушки. В этих обстоятельствах князья и бояре, боясь эксцессов, были вынуждены скрепя сердце присоединиться к делегации в Александрову слободу, призывавшей Иоанна вернуться в Кремль. Важно правильно понять нравственный смысл этой игры — **царь не стравливал народ и феодалов, царь констатировал, что он не заодно с олигархами, что ему ветома иная правда.** Это был своего рода референдум о доверии: кого предпочтет народ.

Результатом референдума стало выделение в государстве особой зоны, специально организованной под царя и не имеющей тесной

взаимосвязи с насквозь пропитанной духом олигархии земщиной. Этот «развод Царя с Землею» означал намерение начать вторую волну преобразований уже не в опоре на всю полноту имеющейся элиты. Такая опора была признана негодной. Фактически царь объявлял о создании для себя новой опоры, собственно царской опоры, поскольку старое не дает хода новому, блокирует развитие. Если старый «двор» государя вырастал из других институтов государства и был накрепко с ними связан, то теперь он устроил «двор, где был бы полным хозяином», по выражению С. Б. Веселовского.

Таким образом, мы видим главный структурный силуэт политики опричнины: смыкание верховной власти с широкими слоями народа – их союз против «сильных» конкурентов верховной власти. Можно сказать даже больше: само понятие верховной власти на Руси еще не устоялось. Даже при венчании на царство это понятие еще до конца не выработалось в политическом сознании. Чтобы внедрить его в умы, нужны были новые преобразования, нужно было наглядно показать верховенство царской власти, его отличие от княжеской и великокняжеской. До опричнины сила авторитарной

власти зависела от воли и характера великого князя. В опричнине сила верховной власти переходит уже в сам ее институт. В титуле «царя» нагнетается политическая трансценденция, концентрируется полюс политической мощи предельной по отношению к земле, к элите, к государственному аппарату, к отдельному человеку.

В опричнине как замысле виден мотив окольного обходного маневра, стремление решить задачи быстро, обманув историю и «срезав» дорогу. Такой окольный и обманный маневр против олигархии как реальной управленческой власти «мира сего» роднит Иоанна Васильевича с духом

православного юродства. Царь нередко использует в своих поступках и в своих письмах архетип юродства. Один из его литературных псевдонимов – Парфений Юродивый – и это весьма красноречиво. Отношения царя с подлинными юродивыми – Василием Блаженным в Москве, Николой Салосом в Пскове – показывают, что он был адекватным православным верующим, задумывающимся о правде Божией, о совести, о духовной силе своего народа. Врагов опричнины царь трактует не как личных недругов, а как преграду на пути потока народной жизни (впрочем, свою личность царь не

мыслит отдельно от национального целого, поэтому личные враги для него равносильны «врагам народа» в силу своей вражды к царю). В опричнине он увидел возможность обойти и устранить эту преграду, средостение между народом и властью. Политическое юродство, конечно же, отличается от духовного, оно более жестоко, более примитивно. Но даже в казнях отсвет духовного взгляда на происходящее просматривается.

Из современных историков эту тематику попытался разработать А. Л. Юрганов. Он интерпретирует опричные казни как своеобразное русское чистилище перед Страшным

судом, когда царь, подобно испанской инквизиции, печется о спасении душ грешников, которых он обрекает на смерть. Подвергая их мучениям в этой жизни, он якобы надеялся облегчить мучения их в веке будущем. Юрганов рисует образ Иоанна как человека с напряженнейшим переживанием эсхатологии, ожидающим скорого конца света. Сами казни, по Юрганову, дифференцируются по тому, как судия оценивал грехи и пороки преступника. (Каравашкин А. В., Юрганов А. Л. Опыт исторической феноменологии. Трудный путь к очевидности. М., 2003. С. 68–115.) В

демонами: Заметки о посмертной судьбе опальных царя Ивана Грозного. М., 2005). В исследовании Булычева показано, что это полужащество носило во многом бессознательный характер, будучи органической частью средневекового менталитета. Мотивы, о которых пишет Булычев (магическая составляющая в опалах и магическое отношение к умершим), более органичны для XVI века, чем юргановская дешифровка опричного царства как запутанного и мрачного космоса тайных символов, искусственных метафор и метонимий. По Юрганову получается, что царь жил в

превращенном мире мифотворца, взявшего в заложники своего мифа всю страну. По Булычеву, он использовал свои знания как оружие в мистической войне, жил полнокровной духовной жизнью, страдал, каялся, сокрушался о собственных грехах и грехах своих противников, искренне переживал за опальных и казнимых.

Вернемся от духовно-метафизического к социально-политической и экономической подоплеке опричнины. Как я уже отмечал, Иоанн IV применил меры, во многом повторяющие меры Иоанна III в Новгороде (которые таким образом могут быть признаны

фактически прото-опричными). В начале опричнины не было большого числа казней, в ссылку было отправлено примерно 180 лиц, большинство из которых являлись князьями. Однако дальнейший ход событий показал, что земельный террор не был направлен конкретно против удельных князей. По точному замечанию Р. Г. Скрынникова, Иван Грозный не помышлял о том, чтобы полностью избавиться от своей «меньшой братии», — с помощью опричных конфискаций царь 1565–1566 годов старался подорвать родовое землевладение суздальских князей и тем самым покончить с их исключительным влиянием.

Несомненно, упрощенным
следует признать классовый подход к
опричнине, которому были
вынуждены следовать многие
историки в советское время. Однако
в позднесоветское и постсоветское
время разоблачению теории о
разгроме в результате опричнины
вотчинного землевладения,
восходящей к С. Ф. Платонову, было
посвящено слишком много сил. Как
бы то ни было, в результате всех
разоблачений не состоялось
опровержения главной мысли
Платонова о том, что в опричнине
царь видел коренную реформу
земельной собственности.
Опровергнут был лишь узко-

классовый подход советских
интерпретаций темы.
Действительно, Иоанн Грозный
опирался на все классы общества, не
делая предпочтения дворянам или
посадским перед боярами или
дьяками — точно так же все классы
общества страдали от репрессий (но
землевладельцы пострадали
значительно больше тех, кто землей
не обладал).

Иоанн Грозный вел дело к тому,
чтобы вырвать корень
обособленности, автономности
землевладельцев, превратить их
собственность в функцию
государственного служения. Отсюда
и идея «жалованной вотчины». Он не

хотел искоренения родовитых самого по себе, он хотел укоренить службу и служение не только в индивидуумах, но и в семьях, династиях. Это была не классовая борьба в ее вульгарном понимании, а борьба со старой формацией, со старыми правами и независимостью элиты. Иоанн Грозный не признавал права перехода феодалов от сюзерена к сюзерену. Он не признавал удела как нерушимой собственности, право которой стоит выше права государя.

В целом трактовка реформы земельной собственности у историков XX века была адекватной. Относительность этой трактовки связана с «прогрессистской»

идеологией, когда историческое явление оправдывалось только потому, что считалось «прогрессивным» для своего времени. В таком случае явления старой формации воспринимались как «пережитки», а опричнина — как борьба с пережитками раздробленности, удельности, вотчинности и т. д.

Что касается вакханалии казней и расправ с неудобными, картина далека от однозначности. Так, например, известно, что некоторые из бежавших или списывавшихся с Литвой бояр или князей были прощены не один, а два или три раза, прежде чем их казнили. Иоанн IV

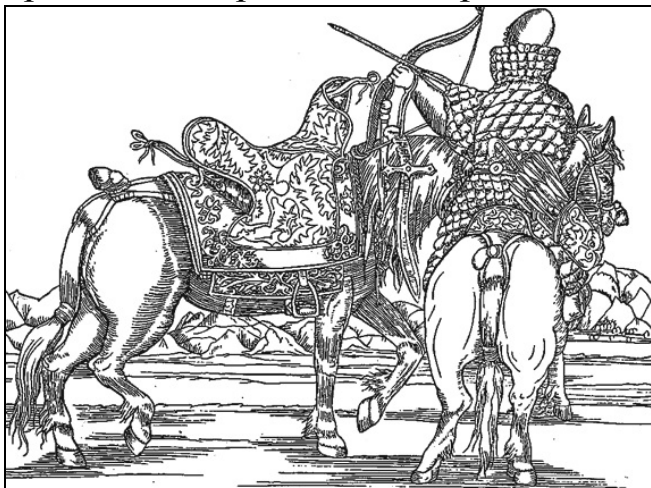
довольно-таки терпеливо ожидал исправления «крамольников». Большинство казненных опричниками бояр уже бывали прощены по тем или иным существенным обвинениям. Иными словами, они были рецидивистами.

В антиопричной риторике стало расхожим огульное обвинение опричников в трусости, в неспособности воевать на настоящей войне. (Вновь мотивы из арсенала правозащитников-антисталинистов!) Такое обвинение не только не верно, но и не может быть верным по существу, потому что в структуре опричнины «особый» отдел, исполнявший функции тайной

полиции, составлял максимум одну десятую часть личного состава. Большая часть опричнины представляла собой военную гвардию, постоянно участвовавшую в боевых действиях. Эта гвардия показала себя как превосходное войско.

Антиопричные историки и публицисты любят ссылаться на поход Девлет Герая 1571 года, в результате которого была сожжена Москва. Причиной этого поражения называют трусость опричников, военную несостоятельность опричнины, а само это поражение рассматривают как главную причину разочарования Иоанна в опричнине и

ее последующей «отмены». Впрочем, большинство крупных историков не считают сожжение Москвы крымцами поражением опричнины.

«Вооруженный всадник москвит с лошадью», гравюра из книги Сигизмунда Герберштейна «Записки о Московии» (изд. 1556 г.)

Обстоятельства 1571 года были чрезвычайными. Страшный неурожай 1567–68 годов привел к голоду. В 1570 году началась одна из самых опустошительных в истории России эпидемий чумы. *«Это была одна из тех страшных эпидемий средневековья, которые возникали примерно один раз в сто лет и оставляли после себя почти полностью обезлюдившие города и деревни»*, — пишут современные исследователи (Колычева Е. И. Аграрный строй России XVI века. М., 1987. С. 178). По мысли А. А. Зимина, Девлет Герей воспользовался бедственным

положением России после чумы.

Что же касается трусости «кромешников», то здесь, как водится, забывают проверить противоположную версию — про активность «крамольников». О трагедии Руси и обнажении южных рубежей крымскому хану донесли перебежчики, они же и указали ему обходной путь к Москве, так что основные русские войска остались в тылу у крымцев (Скрынников Р. Г. Россия после опричнины. Л., 1975. С. 163). Наконец, те, кто смакует московскую беду 1571 года, как правило, игнорируют кампанию 1572 года или бывают очень скупы в ее оценках. Между тем в ходе этого

противостояния состоялась великая битва XVI века, произошедшая на южных подступах к Москве: вторая попытка Девлет Герее достичь Москвы окончилась его полным и окончательным разгромом при Молодах, причем активнейшее участие в этом разгроме приняли опричные войска. (См. статью о битве при Молодах А. Прозорова.)

Одним из выводов настоящей главы является то, что опричнина Иоанна Грозного победила стратегически. Однако разногласий в историографии и в оценках той эпохи было бы гораздо меньше, если бы опричнина победила еще и тактически. Но это не так.

Тактически опричнина была
скомкана, и в 70-е годы XVI века,
эпоху, которая в ряде летописей
получила название «порухи»,
созидательный потенциал роста
государства был исчерпан. Это было
связано с целым клубком
неблагоприятных обстоятельств.

Само собой разумеется,
антиопричные писатели видели
главную причину порухи, упадка
национального хозяйства, в
опричном терроре и бесчинствах
царя. Между тем анализ всех
факторов способен показать, что
причины порухи лежали не в
опричнине, а в первую очередь в
демографической динамике, главном

источнике деградационных тенденций развития страны. О демографическом сжатии XVI века весьма аргументированно пишет в своей монографии С. А. Нефедов: «В соответствии с неомальтузианской теорией рост численности населения должен был постепенно привести к недостатку пахотных земель, росту цен, падению потребления и частым голодными годам. <...> В середине XVI века проблема нехватки земельных ресурсов встала во весь рост. Специалисты утверждают, что уровень распашек в это время был близок к максимально возможному при тогдашней агротехнике, что

дальнейшее расширение пашен было невозможно. Скудные почвы и суровый климат ограничивали емкость экологической ниши, и, казалось бы, обширные пространства Московии в действительности не могли прокормить растущее население». (Нефедов С. А. Демографический структурный анализ социально-экономической истории России. Конец XV – начало XX века. Екатеринбург, 2005. С. 50, 52).

Так называемое демографическое сжатие началось еще в 50-е годы, однако последствия его во всем масштабе проявилось лишь в конце 60-х годов. Нефедов

рисует цепь причин, приведших к «демографической катастрофе» 1568–1571 годов, следующим образом:

- демографический и технический факторы;
- природно-климатические;
- эпидемиологические;
- военно-политические факторы.

Кроме того, Нефедов указывает на дополнительный — налоговый — фактор (в условиях войны государство было вынуждено налоги повышать, что усугубляло кризисную ситуацию, поскольку приводило к изъятию у земледельцев хлебных запасов, страховавших их на случай

неурожая). Итак, в налоговой политике царя Иоанна действительно можно видеть вину (не причину, но один из факторов) упадка 70-х годов. Что же касается опричнины как таковой — она в череде значимых факторов, приведших к «порухе», не значится вовсе.

«Два неурожайных года, — суммирует Нефедов, — породили страшный голод, а вслед за голодом пришла чума. Крымский хан воспользовался эпидемией, чтобы нанести Москве страшный удар — к эпидемиологической катастрофе присоединилась военная катастрофа. Период конца 1560 —

начала 1570-х годов соответствует неомальтузианскому пониманию экосоциального кризиса. Хотя кризису предшествовало Сжатие, он был существенно ускорен чрезмерным налоговым давлением государства, которое сужало экологическую нишу этноса. Ситуации такого рода достаточно часто встречаются в истории...» (Там же. С. 70.)

Хотя войну «на три фронта» государство Иоанна блестяще выдерживало, оно не могло справиться с наплывом других обстоятельств, понимание и прогнозирование которых было не во власти государя. В силу названных

причин на рубеже 60–70-х годов страна очутилась в глубоком кризисе. Однако царь обладал непреклонной волей — это выражается и в блестящей организации обороны 1572 года (разгром крымцев, навсегда положивший конец массовому угону русских в рабство), и в новых победах на ливонском фронте, и в активнейшей дипломатической борьбе, которую он не переставал вести.

Мог ли Иоанн Васильевич найти мудрое решение в связи с этим многофакторным кризисом? Сложный вопрос. Во всяком случае, теоретически решение было найдено. Оно было изложено

публицистом Ермолаем-Еразмом в работе под названием «Правительница». Суть этого решения заключалась в перераспределении общественного пирога в пользу крестьянства как реальной хозяйственной опоры государства. Что касается элиты, часть ее Ермолай-Еразм предлагал перевести из земельных собственников в служилых людей, получающих, по выражению А. И. Фурсова, «продпаяк». Вероятно, такая реформа могла бы значительно смягчить последствия «демографического сжатия», найти в государстве скрытые резервы. Это была бы гипер-опричнина. Однако

нужно понимать, что, несмотря на гений и огромную внутреннюю силу царя Иоанна, изнасиловать историю и дух своего времени он не мог. Достаточно было уже и того, что он сумел осуществить просто опричнину. Гибкость средневекового менталитета имеет свои лимиты и *гипер-опричнину* (замену поместий и вотчин на жалованье и продуктивное обеспечение) тогдашняя реальность скорее всего отторгла бы.

Что касается отмены опричнины в 1572 году, А. И. Фурсов достаточно аргументированно опровергает этот миф (см. 3 главу нашей книги). Правда в том, что тогда был отменен термин «опричнина», но не сама его

функция в государстве. То, что наследовало опричнине, отныне называлось «двором» (был избран более традиционный и менее пугающий термин). Главное — не было никакого разочарования в опричнине. Задачи, перед ней поставленные, она в основном решила.

То, что царь не разочаровался в ней, на мой взгляд, подтверждается в его завещании, черновик которого был составлен, по всей вероятности, в 1572 году и никак не раньше. В нем Иоанн написал: *«А что есми учинил опришнину, и то на воле детей моих, Ивана и Федора, как им прибыльнее, и чинят, а образец им учинил готов»*

(Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей. М.; Л., 1950. С. 444). Иными словами, опричнина передается детям как наследство и завет царя, более того, как **готовый образец**.

Первоначально опричнина была использована государем как **инструмент перехватывания реального суверенитета** (в этом состоял главный политический аспект опричнины). Суверенитет был перехвачен чрезвычайно эффективно и в чрезвычайно короткие сроки. То, что в истории занимает обычно столетия, было проделано за несколько месяцев. Это было виртуозное политическое решение,

инновация, которая привела к возникновению своеобразного русского типа власти — самодержавия.

«Социальное происхождение самодержавия, — отмечает Д. Н. Альшиц, — неразрывно связано с опричниной. А происхождение, как известно, можно отрицать, но нельзя “отменить”». (Альшиц Д. Н. Начало самодержавия в России: Государство Ивана Грозного. Л.: Наука, 1988. С. 242.) Огромное значение царского ордена, с точки зрения Альшица, показал Собор 1561 года, в ходе которого опричнина выполняла роль эффективной диктатуры по отношению к другим

институтам.

В опричнине, на мой взгляд, было осуществлено **выращивание имперского позвоночника России**. Это было достигнуто путем перепахивания элиты, лишения ее родовой силы, связи с землей, феодальными кланами, путем **разрушения малых местных пирамид-землячеств и построения вместо них большой и всевластной опричной иерархии, «особой царской территории»**

(территории как в географическом, так и в символическом смысле) — превращение государства в, по сути, национальное и христианско-

имперское. Тех, кто представлял интересы частей и готов был идти за них до конца, Иоанн за время своего царствования «перековал» в слугителей национально-имперского единства. Кого-то он перековал силой убеждения, кого-то через страх и насилия. Кого-то, кто по тем или иным причинам не мог быть перекован, он просто уничтожил. И хотя полностью изменить элиту он был не в силах, но импульс, преданный им русской аристократии, вектор, который он задал, оказался стратегически победоносным.

Это была виртуозная политика — и в результате ее Россия получила

шедевр самодержавия, систему более сложную и совершенную, более устойчивую, чем европейские абсолютные монархии и восточные деспотии. Сила и устойчивость самодержавия объясняются, в частности, тем, что через его эмбрион-опричнину произошло теоретическое «уравнивание всех пред лицом государя» (С. Ф. Платонов). Более того, в опричнине сложилась прямая «сфера связи с царем» для тех, кто прошел тщательный государев отбор (или «перебор людишек»).

Опричнина – это правда России XVI века. Дух опричнины правдив и сейчас, отвечает и сегодняшним

задачам жизни. Опричнину нельзя законсервировать, увековечить, так же как нельзя приложить ко всем ситуациям и эпохам диктатуру, или чрезвычайный режим. Каждое время и эпоха требуют своего инструментария.

Если при Иоанне Грозном опричнина означала созидание империи, то завтра она будет знаменовать ее восстановление.

Тем более что у нас уже есть опыт восстановления империи — в виде Советского Союза. После распада империи Российской.

В истории СССР мы можем отыскать один поражающий воображение случай.

Инновационную опричину Лаврентия Бери. И хотя этот опыт был насильственно прерван, к его истории следует присмотреться повнимательнее.

Глава 5

Максим

Калашников.

Инновационная

опричнина

Лаврентия Бери

Почему в 1953-м – вслед за Сталиным – был убит Лаврентий Берия? Не потому ли, что созданная под его руководством модель «инновационной опричнины» обеспечила реальный прорыв в развитии СССР, став опасной и для

безответственной партбюрократии, и для могущественных владык Запада?

Можем ли мы сегодня обратиться к опыту Спецкомитета – по сути дела, параллельного «правительства развития», существовавшего в Советском Союзе до 1953 года и обеспечившего стране тот научно-технический запас, на котором РФ едет и сегодня? Реальна ли такая «НТР-опричнина» как ответ на вызовы нынешнего глобального кризиса?

Ответы на эти вопросы в июне 2010 г. искали участники семинара Центра методологии и информации в Институте динамического консерватизма (ИДК).

Все-таки – убит

Все началось с обсуждения новой книги Арсена Мартиросяна «Сто мифов о Лаврентии Бериин». Автор – весьма неординарный мыслитель и в недавнем прошлом – офицер внешней разведки (ПГУ КГБ СССР) в сжатой и весьма интересной форме представил в ИДК главные положения нового труда. (Созданного, кстати, в жанре историко-разведывательного расследования). Один из выводов исследователя: Берия погиб сразу же, в ходе так называемого ареста. А официальная версия о том, что Лаврентий Павлович (далее – Л. П.)

сначала был арестован 26.06.53, потом полгода содержался в тюрьме, а потом был осужден и казнен 23 декабря 1953-го – ложь от начала и до конца. Подложны и так называемые показания Л. П., и те «покаянные письма», что он якобы писал из тюрьмы (на пишущей машинке) руководителям партии и правительства. А. Мартиросян аргументированно доказывает: даже фотография в так называемом деле Берии – фото в три четверти из семейного альбома, а не стандартные тюремные карточки (профиль и анфас на фоне мерной линейки-масштаба). В то время, как у дел всех арестованных и уничтоженных затем

соратников «железного наркома» — именно тюремные фото. Нет и документальных съемок процесса над Берией, даже в «спецхрановском» варианте.

Убийцей Л. П., как доказывает А. Мартиросян, стал его первый заместитель по Министерству госбезопасности (МГБ) СССР Сергей Круглов. С. Круглов в свое время создал специальную группу (11-й отдел), которая ворвалась на охраняемый объект и застрелила Берию. Тем паче, что Круглов прежде сам же и отвечал за строительство особо охраняемых объектов. (А. Мартиросян считает, что за спиной Круглова стояли Хрущев и

Микоян, но в ходе семинара Сергей Горяинов столь же убедительно показал, что главным заказчиком устранения Л. П. выступил Запад, имевший «прямой провод» с антисталинской группировкой в партийной верхушке.) Круглов, сформировав особое подразделение в Балашихе, технически организовал уничтожение Лаврентия Павловича. (Подробное объяснение дела содержится в работе С. Горяинова «Операция «Особняк»», 1997 г.)

Операция была, считает Горяинов, организована так: Круглов позвонил Берии, сказав о том, что ему сейчас фельдпочтой в особняк на Качалова доставят секретные

документы. Пусть, мол, охрана пропустит фельдъегерей. (В деле, как предполагает А. Мартиросян, принимал участие и Саркисов — начальник охраны Берию. Ибо Саркисов оказался единственным из ближнего окружения Л. П., который не был расстрелян после переворота 1953 года.) Вместо курьеров приехали спецназовцы из Балашихи (11-й отдел). Они застрелили и Берию, и троих его телохранителей. Получив сигнал об успехе операции, Круглов моментально объявил себя и.о. министра (объединенного ведомства внутренних дел и госбезопасности) и «зачистил» всех опасных для себя людей Л. П. Но не

тронул сначала тех, кто сидел на канале связи с Западом: Судоплатова и Эйтингона, например...

Опуская многие подробности семинара, остановимся на одном моменте: кто и зачем устранил Берию — самого последовательного преемника Сталина, одного из самых выдающихся управленцев XX столетия? На семинаре ИДК пришли к выводу: Берия оказался смертельно опасен не только для партийной верхушки КПСС, но и для могущественной западной закулисы.

Должен отметить: семинар получился захватывающим. В ходе его произошло синергетическое соединение разных умов. Сведя

воедино разрозненную информацию,
мы получили сенсационную картину.

Тайна послевоенного прорыва

Независимый аналитик Сергей Горяинов (знаток алмазного рынка, автор нашумевшей книги «Алмазы Аллаха», в 1980-е годы – сотрудник академика Анатолия Басистова, главного конструктора противоракетной обороны Советского Союза в ОКБ «Вымпел») считает: именно Л. Берия стал автором беспрецедентного научно-технического, инновационного прорыва Советского Союза в 1945–1953 гг. Ни до, ни после в нашей истории не было ничего подобного.

Суть дела: к марту 1953 года член Политбюро Л. П. Берия не был шефом госбезопасности страны, он занимался совершенно иным делом. Работал заместителем председателя правительства страны (вице-премьером, если говорить нынешними терминами), возглавляя так называемый Спецкомитет (СК) при Совмине СССР. В составе СК начитывались три управления – Первое (ядерное оружие, атомные энергетика и промышленность), Второе (ракетная техника) и Третье (высокоточное оружие той поры – электроника, радары, зенитно-ракетные комплексы, управляемые ракеты). Спецкомитет работал как

параллельное (опричное)
правительство развития, де-факто не
подчинявшееся обычному,
бюрократическому правительству
(Совету министров Советского
Союза). Структура СК выглядит
уникальной: в его состав входили и
некоторые части Минобороны, и
подразделения разведки (некоторые
отделы Информационного комитета
МИД СССР), предприятия и
институты разных министерств
(например, тяжелой
промышленности или
сельхозмашиностроения). При этом
такие структуры де-факто не
подчинялись своим министерствам,
управляясь прямо из СК. Министры,

которым формально подчинялись все эти структуры, на самом деле понятия не имели о том, что там делалось. И права спросить об этом министры не имели! А делалось тут много интересного: некоторые учреждения сельскохозяйственного машиностроения, например, разрабатывали управляемые бомбы. (Анекдот о «советских мирных тракторах с вертикальным взлетом», столь любимый в 70-е годы, вырастает из времен Спецкомитета.) Точно так же и МИД не мог спросить, чем занимаются некоторые сотрудники внешней разведки (Информкомитета), инкорпорированные в систему

«трехуправленного» СК Лаврентия Берии.

При этом, как убедительно показал С. Горяинов, сам СК выгодно отличался от обычных бюрократических, громоздких, иерархических ведомств как той, так и последующих эпох. (О нынешних министерствах РФ и говорить не приходится.) Работу Спецкомитета организовали небюрократическим (делократическим) способом. Здесь практиковались горизонтальные связи (по сути дела, сетевые, межведомственно-междисциплинарные принципы организации проектов), подбирались кадры фантастической

работоспособности, применялся метод награждений по достигнутым конечным результатам.

– В начале и середине 1980-х мне выпала удача работать с людьми, вышедшими из недр СК, – рассказывает эксперт. – Они хорошо знали и самого Лаврентия, и его сына, Серго. Хотя между нами была большая разница и в возрасте, и в чинах, но откровенные разговоры велись. От ветеранов-зубров советского ВПК я и услышал версию об убийстве Берии людьми Круглова. Создав удивительную структуру, Берия намного опередил все планы по созданию намеченных вооружений и технологий...

Результат оказался налицо. СССР в рекордные сроки (в 1949-м) создал ядерное, а затем (1953 г.) и термоядерное оружие. Позже, когда СК распустили, а его рабочие структуры раздали по обычным бюрократическим ведомствам, инерция бериевского ускорения оказалась настолько велика, что страна раз за разом демонстрировала фантастические прорывы. 1954 г. – пуск первой в мире АЭС. Успехи в строительстве электронной промышленности, в создании первых ЭВМ – компьютеров. Ввод в строй пояса зенитно-ракетной обороны Москвы – системы С-125 «Беркут» (Берия-младший и Куксенко),

способной сбивать не только реактивные «летающие крепости», но и сбрасываемые ими на парашютах ядерные бомбы (межконтинентальных ракет у США тогда еще не имелось). 1957-й – запуск в космос первого в мире спутника первой в мире баллистической ракетой Р-7, способной доставить ядерную боеголовку из Евразии в Северную Америку. 1960 год – первое в мире успешное применение зенитно-ракетного мобильного комплекса С-75, уничтожившего высотный самолет-разведчик США U-2 (дело Пауэрса). 1961 год: первое в мире испытание системы

противоракетной обороной (Кисунько). Его ракета В-1000 уничтожила «баллисту»-цель, по сути дела попав пулей в пулю. США подобное сделали лишь в 1984-м. И в том же 1961-м СССР первым в мире запускает в космос пилотируемый корабль с Юрием Гагариным на борту. В те же годы страна овладевает управляемым тактическим ракетным вооружением (в воздухе, на суше и на море), приступает к строительству атомного подводного флота и сверхзвуковой авиации. Любопытная деталь: именно СССР в 1950-е строит первый в мире успешный реактивный пассажирский лайнер —

Ту-104, показывает успехи в компьютеростроении.

Нетрудно заметить, что успех всех этих проектов прямо вырастает из «кадки» Спецкомитета Лаврентия Берии. Во всех случаях действуют генеральные конструкторы и производственники, отобранные и окрепшие в системе трех главнoуправлений СК. Позже (несмотря на бюрократизацию процесса, ведомственный бардак и проч.) птенцы «гнезда Бериева» сумеют создать и ПРО Москвы, и систему раннего предупреждения о ракетном нападении на СССР, и истребители вражеских спутников, и систему морской спутниковой

разведки и целеуказания (МРКЦ)
«Легенда» – Савин, Басистов и т. д.
(Добавлю к этому
противокорабельные крылатые
ракеты Челомея и других,
орбитальные станции «Алмаз» и
«Салют», тяжелые многозарядные
ракеты-межконтиненталки
«Сатана/Воевода», ядерные
ракетные двигатели,
электрореактивные космические
двигатели. – Прим. Максима
Калашникова).

По мнению Сергея Горяинова,
если бы Спецкомитет не
расформировали после убийства
Лаврентия Бери, то страна начала
бы пилотируемые космические

полеты уже в конце 1950-х, а первая в мире система противоракетной обороны возникала уже в 1960-е годы.

По мнению автора этих строк, в таком случае развилась бы – с 1966 года – авиационная многоразовая космонавтика с воздушным стартом (Микоян и Лозино-Лозинский, система «Спираль»).

Время асимметричных ответов

При этом автор этих строк на том же семинаре дополнил С. Горяинова. Действительно, время работы «опричного» Спецкомитета и несколько последующих лет – время на редкость умных ходов СССР в гонке вооружений. Именно тогда мы эффективно применяем относительно недорогие ходы, сводящие на нет многомиллиардные военные проекты Запада. После такого уже не было, экономично-инновационный подход убирается на второй план. Высшее политическое и

военное руководство СССР переходит к самоубийственной, идиотской практике зеркального копирования того, что делается в Соединенных Штатах. Невзирая на затраты. Тем самым американцы получают возможность втянуть нас в заведомо проигрышную гонку оборонных затрат (они-то богаче!), заодно подкидывая Кремлю «дезу» о перспективных фантастических проектах вооружений. Тем самым усугубляя экономические трудности Советского Союза. В конце концов, сей идиотизм приведет к горбачевскому позорищу.

Сравнительные примеры лежат на поверхности. Итак, в годы

«инновационной опричнины» Берии и в первые годы ее инерции при Хрущеве СССР не пытается воспроизвести архидорогие стратегические ядерные силы Америки. Вместо того, чтобы строить «зеркальное отражение» американских воздушного и океанского флотов (армады дорогих многомоторных «летающих крепостей» и еще более дорогих авианосцев), Москва делает ставку на сравнительно дешевые межконтинентальные ракеты, на зенитно-ракетные комплексы и самолеты-перехватчики, на морскую ракетноносную авиацию с крылатыми самолето-снарядами — убийцами

авианосцев. То есть на пресловутые асимметричные ответы.

Зато позже кремлевские вожди впадают в откровенную дурость. Например, Глеб Лозино-Лозинский в 1976 г. пытается доказать Брежневу: не нужно копировать громоздкую систему американского космического челнока «Спейсшаттл». Он, де, не снижает стоимости вывода полезных нагрузок, ибо не является чисто воздушно-космическим и требует дорогого космодрома. А в нашем варианте – и дорогой одноразовой ракеты-носителя «Энергия». Нужно, советовал Лозино-Лозинский, делать легкий авиакосмоплан, стартующий

с тяжелой авиаматки. Но Брежнев оказался непреклонен: делайте так же, как и у американцев. Лозино-Лозинский схитрил. Работая над системой «Буран-Энергия», он делал ее элементы годными для последующего проекта многоразовой легкой авиакосмической системы воздушного старта (МАКС, 1988 г.) Но, увы, МАКС попадает под развал СССР и погибает в нынешнем застойно-сырьевом безвременье.

Сергей Горяинов приводит пример того, как руководство Советского Союза пошло на поводу у американской «дезы» о создании системы загоризонтной радиолокации, вбухав колоссальные

ресурсы в систему «Дуга». При этом полковник Александр Мусатов (конструктор РЛС «Дон-3У», стоящей под Чеховым) пытался предупредить руководство страны (на уровне ЦК КПСС) о бессмысленности этой затеи. Но оказался сурово наказан. И страна была втянута в разорительные и ненужные затраты. Несмотря на убедительные технические доказательства, Мусатова выбросили из армии, исключили из партии. При этом проект «Дуга» (уже при Андропове) действительно с треском провалился.

Да, все это разительно отличается от действий Берии и его

Спецкомитета. Он на «разводки» не велся, а от оборонщиков требовал не раздувать затраты, дабы не подорвать экономики страны. Он ведь и элементы хозрасчета уже начал внедрять.

То есть, в отличие от советских верхов после Сталина, Берия мог правильно распоряжаться информацией и своим уровнем менеджерского развития был под стать великой стране. А вот позднесоветские верхи довольно легко поддавались манипуляции. С. Горяинов считает, что в случае с «Дугой», где решения принимались совместно ЦК КПСС и Совмином СССР, решение диктовалось из-за

рубежа. И «грозный» Андропов в данном случае ничего не сделал.

Бросивший вызов силам деградации и смерти

— Итак, Берия, создав революционно-новую, опередившую свое время систему Спецкомитета и добившись быстрых успехов в создании новой мощи СССР, нарушил планы могущественных сил, — продолжает Сергей Горяинов. — Какие планы? Считается, что передача научных, технологических и даже инженерных разработок по атомной проблеме с Запада в Советский Союз — это успех нашей разведки. Что наши героические агенты завербовали ведущих

западных ученых. Похитили важнейшие секреты, да еще в условиях противодействия западных разведок и т. д.

Это – версия для публики. Американцы знали о перекачке секретов и даже санкционировали ее. Неформально, конечно. Советский Союз решением влиятельных англосаксонских клубов должен был стать ядерной державой. (Подробнее доклад С. Горяинова о роли таких клубов – «Бриллианты навсегда». Механизм управления глобальными сырьевыми рынками – <http://www.dynacon.ru/content/articles/440/>.) СССР должен

был получить те виды оружия, которые Берия разрабатывал в своем СК, но в определенное время. Гораздо позже. Так, чтобы Союз стал «жупелом коммунизма», на который они, англосаксонские клубы, могли бы дальше опираться в своей политике. Это был «программируемый противник».

Но Берия понимал, кто выступает истинным заказчиком этого проекта. Он был, безусловно, человеком с проблесками управленческой гениальности. Создав структуру, опередившую время, он смог добиться того, что скорость изготовления и ядерных зарядов, и баллистики, и систем ПВО

(автоматически перераставших в систему противоракетной обороны) настолько возросла, что мы опередили заказчиков этого проекта с Запада. Напомню еще раз о тех успехах, которых добился Советский Союз даже после того, как Спецкомитет развалили и были приторможены бешеные темпы работы его подразделений.

Темпы, которых добился Берия, вызвали на Западе сильный испуг. А если эти русские и дальше понесутся вперед с такой прытью? Мы реально стали их опережать, невзирая на гораздо меньшие ресурсы, которыми располагал СССР на фоне колоссального богатства

Соединенных Штатов. Испуг был тем больше, что во главе проекта стоял лидер, ставший самостоятельным игроком. Берия понимал, какая мощь оказалась в его руках...

То есть реальные владыки Западного мира ужаснулись. Ведь ядерное оружие (и эти расчеты Запада сейчас прекрасно известны) должно было появиться у СССР только в начале 1960-х. Американцы всерьез считали, что на подтягивание технологического уровня промышленности до нужной планки у русских уйдет не менее полутора десятилетий. Берия опрокинул эти расчеты.

Все это, как доказывает С. Горяинов, совмещалось с недопустимым для Запада планом Берии: создать единую Германию, не входящую в НАТО. Без идиотского социализма по Вальтеру Ульбрихту, без него самого и его твердолобого коммунистического окружения. Люди Л. П. уже выходили на западногерманского канцлера Конрада Аденауэра. В итоге могла получиться сильная Германия под эгидой Советского Союза, обладающего ядерной мощью. Это кардинально изменяло весь ход мировой истории в нашу пользу.

— Это ставило жирный крест на всем замысле Второй мировой

войны, который продвигали те самые англосаксонские клубы, – говорит эксперт. – Вслед за этим – я здесь согласен с Арсеном Мартиросяном – рассматривался проект превращения рубля в мировую резервную валюту, альтернативную доллару. И если бы этот проект был реализован, то в 1960-е годы вместо «Anglo-American PLC» в Африке мы бы увидели «Русише-Дойче ГМБХ». Глобализацию по русско-немецки...

А ведь план был вполне реален. Есть очень любопытное исследование одного из исследователей сталинской эпохи, Алексея Чичкина «Забытая идея без срока давности». Еще в апреле 1952

года в Москве состоялось международное экономическое совещание, на котором СССР, страны Восточной Европы и Китай предложили создать зону торговли, альтернативную долларовой. Тогда нас были готовы поддержать не только Югославия, но и многие некоммунистические страны – Иран, Эфиопия, Аргентина, Мексика, Уругвай, Индонезия. Своих делегатов прислали и те европейские страны, которые отвергли план Маршалла: Швеция, Австрия, Финляндия, Ирландия и Исландия. Сталин предложил создать свой «общий рынок», последней стадией которого стало бы введение

межгосударственной расчетной
валюты.

В том же 1952 году Сталин в работе «Экономические проблемы социализма» выдвигает не левую и не правую, а совершенно футуристическую идею создания «Корпорации СССР» на базе «высокой техники». Олег Матвейчев подробно разобрал эту сталинскую работу-послание будущим поколениям в книге «Суверенитет духа».

«...Самое главное — это новации в сфере экономики. Если экономика при капитализме — это наука выживания в условиях рынка (макроэкономика), то экономическая

наука при социализме – это, по сути, наука управления корпорацией (микроэкономика).

Сталин хотел превратить страну в корпорацию, где все граждане были бы акционерами, а правительство – менеджментом (партию предполагалось полностью устранить от власти).

Согласно аксиомам капитализма цель корпорации – благо акционеров. Так и здесь, в сформулированном Сталиным «основном экономическом законе социализма» целью являлось «удовлетворение постоянно растущих материальных и культурных потребностей...на базе высшей техники». Или как бы

сказали сейчас: «На базе хай-тек». Понятно, почему в тяжелое время Сталин находил возможным тратить на образование до 15 процентов бюджета. Предполагалось, что мы станем ведущей хай-тек-державой. Страна-корпорация работает, инвестирует прибыль в производство передовых средств производства в первую очередь, то есть создает капитал, капитализируется, и только *оставшееся потребляет* (принцип по которому живет каждый капиталист).

«Дивиденды акционеров» будут выдаваться не в денежной форме, а путем снижения платы за жилье, бесплатного обучения, бесплатной

медицины, снижения цен на основные, а потом и вообще на все продукты, и, наконец, через сокращение рабочего дня! Рабочий день должен был быть сокращен до 4 часов, чтобы не было безработицы, а свободное время – главное богатство человека (на Западе оно доступно только капиталисту, но у нас капиталистами в перспективе должны были стать все) – шло бы на научное, творческое, культурное и спортивное развитие нации...»

Увы, смерть Сталина и Берии помешала нанести удар по долларовой системе и вывести Советский Союз на позиции мирового авторитета. Идиотские,

узколобые партийные аппаратчики, захватившие власть СССР, отправили эти победоносные для нашей страны планы в архив...

Таким образом, уничтожение уникальной системы «инновационной опричнины» (параллельного правительства развития) вместе с ее создателем (Л. Берией) колоссально затормозило Советский Союз и сбило его на порочную траекторию движения. А в конечном итоге — привело к его поражению в «холодной войне».

К сожалению, отмечает С. Горяинов, у созданной Л. П. уникальной системы формированного развития имелось

одно очень уязвимое место: сам Берия. Он замкнул всю систему на себе и своей личности. По нему и нанесли удар.

Кто же тогда выступил заказчиком уничтожения Лаврентия Павловича? Только ли группировка партократов во главе с Хрущевым, убоявшаяся плана Сталина – Берии об отстранении коммунистической партии от непосредственного руководства экономикой страны и превращении КПСС в структуру, занятую исключительно идеологией и подготовкой кадров?

Нет, уверен С. Горяинов. Главным заказчиком уничтожения «инновационной опричнины»

выступили не Хрущев с Микояном, а Запад, испугавшийся фантастической скорости и глубины достигаемых в СССР прорывов. Западу был нужен более медленный, глупый и предсказуемый спарринг-партнер, поддающийся контролю. Берия ломал эти планы...

Круглов – странная фигура

Итак, непосредственный организатор ликвидации Лаврентия Берии – его первый заместитель по МГБ Сергей Круглов. Фигура, по словам Сергея Горяинова, весьма загадочная.

Напомним ход событий: после гибели Сталина 5-го марта 1953 года Берия забирает Сергея Круглова с поста главы МВД и делает своим первым заместителем в суперведомстве, соединяющем и МВД, и госбезопасность. Тогда же Берия передает ГУЛАГ из ведения

МВД в ведение Министерства юстиции (это будет отменено после убийства Лаврентия Павловича и вновь сделано лишь при президентстве Путина).

Родился Круглов, по официальным данным, в 1907 г. в глухой тверской деревне. Был трактористом, заведовал клубом-избой, возглавлял сельсовет. Учился бессистемно. Педагогический институт, японское отделение Института востоковедения. Этот выходец из самых что ни на есть сельских низов прекрасно говорил по-английски с оксфордским акцентом. Во время войны он командует 4-й инженерно-саперной

армией. Позже он – организатор крупных строительных проектов по линии ГУЛАГа.

– И вдруг он назначается руководителем систем безопасности Ялтинской и Потсдамской конференций, – рассказывает С. Горяинов. – Хотя опыта подобной работы у него вроде бы не было. Во время указанных конференций он тесно общается с высшим эшелоном спецслужб США и Англии. Причем без переводчиков. Он получает британский Орден Бани и Медаль Конгресса США. В 1953-м, когда Берия возглавляет объединенное министерство госбезопасности и внутренних дел, Круглов назначается

его первым заместителем...

Как поведал эксперт, все участники ликвидации Лаврентия Павловича кончили плохо, никто из них не умер в собственной постели. Включая и самого Круглова, ставшего первым в истории человечества кавалером Ордена Бани, насмерть сбитым в 1977-м подмосковной электричкой. Будучи в отставке в чине генерал-полковника. За две недели до гибели он написал личное письмо генсеку Леониду Брежневу. Видимо, напоминал о прошлой заслуге. Как считает Горяинов, Круглова просто убрали – ибо он слишком много знал и слишком часто напоминал верхушке о том, что

сделал. В пользу версии убийства говорит и то, что дачу отставного генерал-полковника нашли открытой, и в Москву, по словам его жены, он в тот день не собирался. Круглова после 26 июня 1953-го года все время понижали в должностях, и у него явно было чувство обиды.

Истинный заказчик ликвидации

Но в 1953 году именно он стал организатором убийства великого менеджера-инноватора. И заказчиком действия, судя по всему, были именно деятели западного финансово-политического закулисья.

— Обратите внимание: 26 июня 1953 года была арестована вся генеральская верхушка МГБ-МВД. А из системы Спецкомитета взяли только одного человека: Серго Лаврентьевича Берию. Сына... — рассказывает С. Горяинов. — Спецкомитет распылили по

министерствам, работа оказалась резко заторможенной (что Западу и нужно было). Но работа все-таки продолжалась, ибо англосаксонским клубам все равно был нужен внешне мощный, но управляемый ими противник. Клубам было все равно, кто станет во главе СССР – Хрущев, Маленков или Булганин. Наплевать! Главное – лишь бы к власти не пришел Лаврентий Берия. Он-то явно стал самостоятельной фигурой, а вот остальные поддавались управлению...

Они не боялись Хрущева, всего лишь несколько лет спустя картинно молотившего ботинком по трибуне ООН и грозившегося «зарыть

капитализм» — ибо знали цену истинным способностям Никиты. Но они прекрасно понимали, кто реально может «зарыть» Запад.

Кто был на советском «конце провода»?

Но кто тогда обеспечивал связь между западными спецслужбами (анлосаксонскими клубами) и партийной верхушкой СССР? Ведь Круглов был не один.

Сергей Горяинов считает, что на советском конце «провода» между партократической верхушкой СССР и анлосаксонскими клубами сидел бывший (по состоянию на 1953 г.) заместитель наркома иностранных дел В. Майский.

Досье:

КОЛЧАКОВЕЦ

В

сталинском стане Майский В.
(настоящие имя и фамилия – Иван
Михайлович Ляховецкий)
(19.1.1884, Кириллов Вологодской
губернии – 3.9.1975, Москва),
дипломат, академик АН СССР
(1946). Сын военного врача.
Учился на историко-
филологическом факультете
Петербургского университета (в
1902 исключен). Образование
получил в Мюнхенском
университете (1912). В 1903
вступил в РСДРП, меньшевик.
Участвовал в революционной
работе в Самаре и Саратове. В 1908
эмигрировал в Швейцарию, а

затем в Германию, в 1912 – в Великобританию. В мае 1917 вернулся в Россию, работал в аппарате Петроградского совета. В 1918 во время существования «Самарской директории» занимал здесь пост управляющего ведомством труда. В сентябре 1918 выведен из состава ЦК и исключен из РСДРП. После разгона «учредилки» А. В. Колчаком уехал в Монголию. В 1919 «порвал с меньшевизмом» и в феврале 1921 вступил в РКП(б). С 1922 – на дипломатической работе. В 1929–1932 полпред в Финляндии. В

**1932–1943 посол в
Великобритании; в 1936–1939
представитель СССР в Комитете
по невмешательству в испанские
дела, где пытался не допустить
помощи со стороны западных
стран войскам генерала Ф. Франко
(при том, что СССР проводил не
только поставки революционной
армии, но и направление в
Испанию воинских соединений
под видом «добровольцев», а также
осуществлял руководство всеми
«интернациональными
бригадами»). После нападения
Германии на СССР стал одним из
самых популярных в Англии**

людей. В 1941 участвовал в переговорах о поставках по ленд-лизу. В 1941–1947 кандидат в члены ЦК ВКП(б). В 1943–1946 зам. наркома иностранных дел СССР. Одновременно в 1943 Майский был назначен пред. Международной репарационной комиссии, занимавшейся подсчетом размеров контрибуции с Германии и ее сателлитов, а затем и выплатой репараций (в т. ч. демонтаж германских заводов и т. д.). Одновременно преподавал в различных вузах, в т. ч. в МГУ (1948–1953). Участвовал в работе Крымской и Потсдамской

конференций. В феврале 1953 арестован и исключен из КПСС. В 1956 реабилитирован и восстановлен в партии. Автор мемуаров «Воспоминания советского дипломата, 1925–1945 гг.» (М., 1971), а также большого числа работ по истории Испании и внешней политики.

(Использованы материалы из кн.: Залесский К. А. Империя Сталина. Биографический энциклопедический словарь. Москва, Вече, 2000)

Майского арестовали в феврале 1953-го, накануне гибели Сталина. Горяинов считает Майского крайне недооцененной фигурой в

отечественной истории. Что Майский делал пять лет в Англии (1912–1917 гг.) – никто толком сказать не может. Но известно, что общался он с крупными фигурами британского истеблишмента, познакомившись даже с Черчиллем. После февральского, 1917 г., переворота он работает в правительстве Керенского, становится депутатом Учредительного собрания, отмечен в составе антисоветского правительства эсеров в Самаре. Ведет переговоры с корпусом белочехов. Он побывал и министром в правительстве Колчака, и советником барона Унгерна в

Монголии. И – о чудо! – его никто не трогает ни в 1920-е, ни в 1930-е годы, ни в войну. Хотя, казалось бы, он – первый кандидат под каток репрессий. Но он (бывший колчаковский министр!) входит в советскую номенклатуру, при Сталине дорастая до заместителя наркома иностранных дел! 1937 год для него как с гуся вода.

– *Майский выступал для советской верхушки как канал общения с англосаксонскими клубами, с закулисой. Кто персонально находился на западном «конце провода», сказать сложно. А то, что информация шла через Майского, сомнению почти не*

подлежит. Он ведь и послом СССР в Британии работал в 1932–1943 гг. Людей, выступающих каналом информации или даже передатчиками управляющих импульсов, никогда не трогают, – говорит С. Горяинов.

Майского берут под стражу за три недели до смерти Сталина. Тогда, когда Берия формально (но не фактически!) еще не имел отношения к спецслужбам, продолжая всецело отдаваться работе в Спецкомитете. Отдать легальную команду на арест Майского Л. П. формально не мог. Но в своих воспоминаниях Майский сообщает какие-то садомазохистские

подробности: Берия, де, его лично допрашивал, истязая плетью и собачьей цепью. «Хорошо еще, что Лаврентий Павлович при этом не надел кожаные шорты!» – смеется эксперт. На самом деле, Майского поместили на конспиративную квартиру, дали прислугу, обеспечили связью по классу «люкс» того времени. От мира он отрезан не был.

– Скорее всего, Берия зафиксировал Майского как канал передачи информации и таким образом давал понять людям на том конце провода: «Я – потенциальный лидер СССР после смерти Сталина, и со мной надо считаться!» Он показывал: я – самостоятельный

игрок.

12 июня 1953 г. Президиум ЦК КПСС принимает решение о курсе на объединение Германии, и именно это становится моментом вынесения приговора Берии на Западе. 26 июня Круглов организует уничтожение Берии, а 29 июня Президиум ЦК дезавуирует собственное решение 12 июня о смене курса в германском вопросе. СССР больше не претендует на объединение Германии. Вторым пунктом идет решение о роспуске Спецкомитета. Предприятия и КБ распахиваются по разным министерствам, начинается бардак. Инновационные темпы замедляются в разы, — говорит

эксперт.

Таким образом, все сходится. Хрущев и Микоян выступают лишь как пособники/союзники анлосаксонской закулисы. И здесь, как считает глава Центра методологии и информации ИДК Андрей Фурсов, есть полные параллели с горбачевской перестройкой. Интерес партноменклатуры к разделу и приватизации наших национальных богатств совпал с интересом Запада к ослаблению СССР. Поэтому, считает Андрей Ильич, бессмысленно изучать историю России/СССР XX века в отрыве от мировой капиталистической

системы и ее закрытых структур.

Сергей Горяинов, работавший непосредственно в аппарате Анатолия Басистова (генеральный конструктор противоракетного КБ «Вымпел», выходец из системы Спецкомитета Л. Берии), вспоминает: Басистов рассказывал, как при Берии-старшем работал на полигоне радиолокации в Кратово. Басистов знал и Серго Берию, трудившегося тогда над системой зенитно-ракетной ПВО Москвы С-25 «Беркут», для которой Басистов, собственно говоря, и испытывал РЛС. На вопрос о том, правду ли говорят о том, что сам генерал-полковник (впоследствии маршал) Павел

Батицкий прострелил череп Берии из личного парабеллума, Басистов отвечал: мол, у этого богатыря-гиганта я сам об этом спрашивал. (Батицкий командовал ПВО, а потому они с Басистовым были на «ты»). Так вот, при таких расспросах маршал начинал ржать, как конь: «Хочешь, и тебя расстреляю?» Сам он воспринимал это как оперетту. То, что наплел Хрущев в своих мемуарах, и то, что наврали генералы, — полная ерунда. Хрущев к июню 1953 г. не был достаточно мощной политической фигурой для того, чтобы отдать приказ военным. Они не подчинились бы всего лишь одному из секретарей ЦК. Не мог он

скомандовать им: «Оружие – к бою, побежали арестовывать члена Политбюро, министра безопасности и внутренних дел. Впрочем, и министр обороны Булганин не мог отдать подобного приказа: в армии у него авторитет был никакой. Маленков? Он с Берией был в неплохих отношениях. Да и сами генералы постоянно контактировали с Л. П. – на совещаниях по новому вооружению. Кстати, совещания по системам ПВО (Третье главуправление СК) начинались в кабинете Берии в 21 час. Нет, приказ исходил из более высоких сфер.

Арсен Мартиросян предполагает, что Майский

установил отношения с
парамасонским Фабианским
обществом в Англии.

Роковой ошибкой Берии стал
Круглов. Равно как и Саркисов. Но,
видимо, нагрузка на Л. П. как на
главу Спецкомитета (по сути дела –
опричного инновационного
«правительства развития») оказалась
настолько велика, что он проморгал
угрозу. Просто не хватило времени на
все.

Все познается в сравнении

Итак, Берия как страшная угроза и Западу, и безответственной партноменклатуре был уничтожен. Причем не только физически: память о нем настолько «избита», что на ней, по выражению А. Мартиросяна, буквально живого места нет. Его демонизировали по полной программе. Чего стоят только рассказы об изнасилованных женщинах, которые потом растворялись в серной кислоте или исчезали в камнедробилках. Даже мертвый Берия оставался опасен. Примечательно, что даже в спецслужбах случилась та же

демонизация. Ветераны советского спецназа держат на столах портреты Андропова и ведут свою историю с 1979 года (подразделения «Альфа» и «Вымпел»), хотя по справедливости создателем советского спецназа необходимо считать именно Лаврентия. Отдельная мотострелковая бригада особого назначения создавалась-то в 1941-м...

Его новаторский опыт в управлении (Спецкомитет) предали забвению и не изучали. А ведь он позволил – как и некогда опричнине Грозного – успешно действовать в условиях жесточайшего дефицита времени и ресурсов. И этот опыт

нужно изучать. Ибо скоро его придется применить. Сходные обстоятельства, как известно, диктуют и сходную методику действий...

Да и полезно сравнить то, что делал Л. П. с тем, что натворили после него. Про сегодняшние времена говорить нет ни малейшего смысла. Но можно посмотреть на пример «всесильного шефа КГБ» и «наводителя порядка» Юрия Андропова. Он-то оказался вполне манипулируем с Запада. Он не предотвратил втягивания СССР в бесполезно-затратные оборонные проекты (о чем мы уже писали). Он подыграл Западу, втянув нас в

Афганскую войну. А самый яркий пример: истории с двумя южнокорейскими пассажирскими «боингами» (1978 и 1983 г.) В первом случае в руки КГБ попал севший на лед озера в Карелии подбитый лайнер. Экипаж его сознался в том, что выполнял шпионскую миссию ЦРУ США, прикрываясь пассажирами. Элементарно организованная информационная кампания привела бы в 1978–1979-м к политическому скандалу в Америке, к выставлению ее «империей зла», к деморализации и ЦРУ, и истеблишмента Соединенных Штатов. Но шеф КГБ все тихо спустил на тормозах, а в

1983-м вчистую проиграл инцидент с «Боингом», выставив себя на весь мир как лжеца, а нашу страну – как империю зла. Хотя все шло по сценарию 1978-го. (Об этом говорил в ИДК такой известный аналитик, как Сергей Батчиков).

Уж Берия такого шанса нанести противнику разящий удар не упустил бы. Так что сравнивать полезно...

И снова...

Самое время перекинуть мостик в наше время. Часовые стрелки истории с 1953 года совершили не один оборот, и мы снова оказались в отчаянном положении. Как и при Сталине, у нас – серьезнейший вызов существованию народа. Дефицит времени и ресурсов. Дилемма: развиваться – либо погибнуть. При неописуемом инновационном сопротивлении бездарной «элиты», этих «новых бояр», сформировавшихся после 1991 года. Тем внимательнее нужно присматриваться к опыту Сталина и Берии, к организационным находкам

Спецкомитета — прошлой «инновационной опричнины». Тем паче, что мир, судя по всему, входит в полосу смерти старой либеральной демократии, в новый *Жестокый век*.

Всегда полезно задаться вопросом: между чем сегодня приходится выбирать? Те самые клубы западной закулисы периодически проговариваются об уготованной нам участи, вбрасывают в социум ледянящие кровь *мемы-идеи*. В 90-е мы узнали, что будущее — за крушением национальных государств и торжеством интернациональных «новых кочевников». Затем нам сказали, что развитие технологий делает

лишними 80 % населения Земли, включая и развитые страны. Ни в каком качестве: ни как потребителей, ни как дешевую рабочую силу. А развитие технологий так называемого *Шестого уклада* превратит в ненужную биомассу еще больший процент землян. Потом нам сказали о скорой гибели многих «новых независимых» государств ради создания крупных «федеральных округов» мирового правительства. Ну, а недавно кое-что зловещее прозвучало на Родосском форуме «Диалог цивилизаций». Вот что поведал на нашем «Берия-семинаре» участник родосских дискуссий, Сергей Батчиков:

– Строби Тэлботт, который в 1994–2001 годах был заместителем госсекретаря США и куратором дел в остатках СССР, заявил: мы идем к неоантичности. Будет класс жрецов, вооруженных тайным знанием, а все остальные пойдут строить пирамиды...

Это очень здорово коррелирует с выводом, который делаем мы в Институте динамического консерватизма: впадая в кризис, капиталистическая система рискует сорваться в новую архаику. В некий либеральный фашизм с делением людей на сорта. Или, как считает Андрей Фурсов, в новое кастово-рабовладельческое общество.

Таким образом, выбор сегодня объективен, но жесток. Либо русские станут рабами для постройки неопирамид, периодически прореживаемыми ради избавления планеты от лишних ртов. Либо – выстроят свое национально-имперское (именно так!) государство, используя для этого механизм новой опричнины. Да, временный – но крайне эффективный. Благо, уже есть опыт для критического изучения и творческого развития. И горе тем, кто этого еще не понял...

Глава 6

Максим

Калашников

Опричнина –

диктатура развития

*«...Для России
понятия странствий,
дорог, дерзновенной цели
являются ориентирами и
стимулами к деятельности
и свершениям. Потому,
наверное, сопряженная с
данными представлениями
идея развития трактуется*

подчас в качестве русской национальной идеи. Однако лишь в метафизическом и психологическом прочтении содержит она этот смысл...

Но, возможно, развитие как таковое все же не является точным определением этой специфической черты русской ментальности. Скорее, здесь обитает нечто более глубинное, некая субстанция, иницилирующая, порождающая само развитие, выводящая его

на поверхность и
выходящая при этом за
пределы обыденного
порядка.

Другими словами,
русскому характеру
присуща некая внутренне
мотивированная тяга к
запредельности,
экстремальности,
дерзновению.

...Идею развития в
пространственном и
историческом замысле
российской
государственности я
воспринимаю, скорее, как
универсальную тягу к

*освоению неведомого, как
принципиальную
фронтирность, в том
числе метафизического
свойства, как преодоление
любых и всяческих
пределов. Если угодно, как
архетип иночества и
феномен казачества...»*

Александр

Неклесса.

«Страна пути»,

2008 г.

Продолжая тему
конструирования возможного
русского прорыва в новый мир (и

выхода из нынешнего глобокризиса), наш Институт динамического консерватизма считает: самый реальный путь – создание института новой опричнины.

Опричнины – как параллельного контура управления. Опричнины как «инобытия», способного очистить нынешнее российское общество и государственный аппарат. Эту тему мы уже затрагивали. Теперь нужно четче расставить акценты. Что такое – новая опричина? И каковы ее главные задачи?

Самая проклятая проблема

Самая тяжелая для нас проблема сегодня — в криминализации не только государственного аппарата, но и изрядной части общества. За последние 20 лет случилось ранее невиданное: страсть к личному обогащению любой ценой объяла политиков и чиновников. Причем не только в РФ и на иных постсоветских обломках. Нет — процесс дикого корыстолюбия захватил весь мир. Наблюдается он и в США. Корыстолюбие и алчность, став знаменiem времени, порождают

дикую коррупцию, буквально уничтожающую все здоровое на корню.

Раньше люди тоже гнались за личным обогащением. Алчность — не изобретение либерально-монетаристской эпохи. Но все же государственные мужи прошлого были наделены также иными мотивами: стремлением оставить свое имя в веках славными делами, поднять державу к высотам могущества. Теперь же личная корысть вытесняет все. Мало того, люди без личной корысти в либеральном истеблишменте считаются опасными маньяками.

В РФ эта тенденция дошла до

критического предела.
Криминально-коррумпированное
государство — вот плод такой
морально-умственной болезни. А
коррупция (и вряд ли надо кому-то
сие доказывать) порождает сдачу
национальных интересов,
уничтожение русской
производительной экономики,
истребление полезных инноваций,
засилье иностранных корпораций на
нашей земле, вымирание народа и
вечную отсталость страны.
Консервацию ее полуколониального,
сырьевого статуса. Не только
превращение культуры в зловонную
помойку, но и гниение самой нации,
ее необратимый раскол.

Коррупцированная «элита» склонна замыкаться в себе, превращая государство в орган колониальной эксплуатации народа. Смерть подобной страны – вопрос только времени.

Именно коррупционность общества в РФ – самая главная беда нашего времени. Мать всех прочих бед.

Проблема «сторожа над сторожами»

Самое же ужасное – в том, что государственный аппарат РФ уже не может очиститься от тотальной коррупции самостоятельно. Алчные существа крепко в нем засели, не пуская в него честных и компетентных. Шел и идет «антиотбор». Печальный опыт «оранжевой революции» на Украине (тот же, по сути, социум) показал, что никакие либерал-демократические процедуры не уничтожают ни коррупции, ни всевластия криминализованной

«ЭЛИТЫ».

Так называемое гражданское общество (в случае с США) оказалось бессильным и в расследовании убийства президента Кеннеди, и во вскрытии истинных механизмов трагедии 11 сентября 2001 г. Несмотря, кстати, на титанические усилия и разоблачительные материалы/фильмы в Интернете. (Вариант того же сюжета – история с загадочными взрывами домов в РФ в сентябре 1999-го.)

Общество – в тупике. Одни призывают просто легализовать взятки, отпилы и откаты. Другие ждут прихода «русского Вацлава

Гавела», каковой каким-то образом декриминализует наш несчастный социум. Но это – из разряда сказок.

Но если либерал-демократические рецепты бессильны, то и диктатура в привычном ее виде – тоже не выход. Здесь возникает классическая проблема «сторожей». Если над госаппаратом поставить суровых контролеров с большими полномочиями, то они тоже коррумпируются. Значит, над ними тоже нужно ставить контролеров. И над контролерами контролеров – новых сторожей. И так – до бесконечности.

Тупик? Нет. Выход есть.

Принципиальный замысел

Стержневой замысел прост: необходимо создать диктатуру честных, патриотических людей, стоящих над государством. Людей, лишенных своекорыстных мотивов, одержимых идеей величия страны и сбережения народа. Они должны составить сплоченное сообщество, способное контролировать госаппарат, выдвигать свои фигуры на ключевые руководящие посты, формировать судейский корпус, прокуратуру, спецслужбы и руководство МВД. Оно же – может

задать инновационные задачи для государства, формировать стратегические векторы развития страны.

Это – своего рода корпорация «суровых судий». Суровых, но справедливых. При этом она должна опираться на структуры гражданского общества и на местное самоуправление, взаимодействуя с ними. Такая корпорация должна рекрутировать людей из всех слоев общества, отбирая тех, кто сочетает ум, патриотизм и бескорыстие в служении общему делу. Причем отбор достойных ведут сами члены корпорации умных, сильных и неподкупных. Никакой бюрократии –

действует объективный механизм отбора. Такой же, как в Георгиевской думе при царе, отбиравшей тех, кто достоин награждения высшим орденом Империи.

Современные психотехнологии позволяют полностью отсеять при наборе новых опричников всех, кто страдает садизмом, лживостью, стремлением к власти ради власти. Они помогут поставить заслон на пути в новую опричнину тех, кто идет в ее ряды ради личной наживы, ради того, чтобы чинить насилие ради насилия, завладевая имуществом и женщинами репрессированных. Такие психотехнологии (например,

зондирование с помощью систем покойного ныне Игоря Смирнова) описаны автором этих строк в книгах «Третий проект» и «Вперед, в СССР-2». Они действительно выявляют мотивацию тех, кто идет на важные посты и на ответственную работу. Дело — в их широком применении. Они дают нам в руки возможность отобрать тысячи кристально честных и благородных людей. А это — поистине чудо-оружие.

Таким образом, снимается проблема «сторожей над сторожами». Уничтожается самая страшная коррупция. Разбиваются коррупционно-бюрократические

заструги на пути живительных инноваций. Экономятся огромные бюджетные средства (за счет применения сверхэффективных технологий и пресечения «отпильных» схем). В то же время, убивается всевластие духа не ограниченной ничем личной наживы, отравляющего сегодняшний социум.

Подобный образ действий описан в художественных книгах Романа Злотникова («Виват, Император!» и др.). Там роль новой опричнины играет особый Терранский университет, берущий власть над постсоветской Россией. В нехудожественной форме те же

механизмы «параллельного государства» описаны в трудах автора сих строк.

Это и есть новая опричнина — путь национального русского спасения в нынешнем веке.

Общий абрис

Мы предлагаем построить новую опричнину как систему параллельного управления. С подсистемами подготовки, поиска и расстановки кадров. Со своими спецслужбами и небольшой армией (лабораторией будущего). Со своими финансовыми и инновационными структурами, со своей наукой и системой школ/университетов. Во всеоружии высоких гуманитарных технологий, организационного оружия, систем предвидения и прогноза.

Лично меня вдохновил цикл романов Айзека Азимова об

Академии и Империи.

«...На протяжении всей известной истории Человечества его достижения лежат главным образом в сфере физической технологии, в способности управлять неодушевленным миром, окружающим Человека. Самоконтроль и управление социальными явлениями были оставлены на произвол судьбы или исключительно слабых попыток систем интуитивной этики, основанных на воодушевлении и первичных эмоциях. В итоге не существовало ни одной культуры, стабильность которой превышала бы пятьдесят пять процентов. И все

это – результат величайшей ошибки Человечества...

...Огромное большинство человеческих существ, с психологической точки зрения, настроены на то, чтобы принимать участие в приоритетном развитии физических наук, и все они получают за счет этого грубые и осязаемые преимущества. Однако все же существует крайне ограниченное меньшинство людей, от рождения способных вести Человечество по пути величайших достижений науки о мышлении, но ценности, получаемые при этом, хотя и более долговечны, гораздо менее очевидны и более тонки. Кроме того, поскольку

такая ориентация привела бы к созданию хоть и миролюбивой, но все-таки диктатуры лучших в психологическом плане, то есть фактически — элиты Человечества, — это вызвало бы недовольство и возмущение большинства, и такое общество не сможет быть стабильным, — без применения силы, которая подавляла бы остальное Человечество на грубом уровне. Подобное развитие событий для нас нежелательно, и его следует избегать...»

Это — цитата из знаменитой трилогии «Академия» (или «Основания») Айзека Азимова, написанной в самом конце 1940-х

годов. Именно Азимов придумал психоисторию, науку о предвидении будущего людских цивилизаций и о возможности управления этим будущим. Эта книга тем более интересна для нас, живущих на обломках великой империи – СССР, что нас разгромили именно с помощью того, что можно назвать психоисторией и управлением будущим.

Порожденный воображением Азимова ученый Гэри Селдон создал психоисторию. Он жил в огромной и мощной галактической империи, и смог разглядеть будущий распад этой империи. Спасти ее было уже невозможно: мешали закостенелость

мышления правящих верхов, их загнивание и рост сепаратизма. Селдон предвидел страшные хаос, войны и варварство после распада супергосударства, которые грозили растянуться на тысячелетия. И тогда он решил сократить период смуты и ускорить создание новой империи на развалинах старой, создав две Академии. Одну — носительницу науки и закрывающих технологий в привычном, физическом смысле этого слова. Вторую — носительницу высоких гуманитарных, психических технологий, центр создания нейролюдей, люденов. Тех, кто, собственно, и должен взять в руки управление историей.

Вот, пожалуй, самый общий абрис новой русской опричнины.

О прецедентах русской опричнины

Обычно при слове «опричнина» испуганно шарахаются прочь, поминая опыт первой опричнины при Иване Грозном. Но зачем заикливаться на прошлом? У Грозного не имелось совершенных гуманитарных технологий для отбора людского ресурса. Не было у него современных управленческих технологий, да и телекоммуникаций. Вообще, развитие техники и знаний ушло далеко вперед за последние четыре с половиной столетия. Апеллировать к неудачным аспектам

и издержкам опыта Ивана IV глупо. Замысел-то был верным.

Приведем такую аналогию. Перед тем как братья Райт подняли в воздух первый успешный аэроплан (самолет) в 1903 году, были три впечатляющие попытки построить летательный аппарат тяжелее воздуха. Это – машины Можайского, Адера и Лэнгли. Все три потерпели аварии. Если бы умники тех времен на основании трех неудач закрыли самолетостроение как класс, это имело бы печальные последствия для развития цивилизации. В случае с опричниной XVI века, если кому-то из историков кажется, что она закончилась крахом, нет смысла

строить жесткие аналогии тогдашней и нынешней эпох. Тем более что есть еще один вариант опричнины: сталинский. Важно, что принцип оказался верен: централизация страны в интересах не олигархии, а нации в целом (определение Андрея Фурсова).

Опричность Сталина ярко проявилась в том, как он умел организовывать эффективную и продуктивную конкуренцию на ключевых инновационных участках. Зная о конкурентах, команды разработчиков даже теоретически не могли расслабиться, не могли рассчитывать на клановые связи или коррупционные схемы. Применялись

все творческие и кадровые возможности, инноваторы работали на пределе, чтобы выдать самый продвинутый результат. Призом в этом соревновании был госзаказ и допуск к серийному производству. В условиях СССР это означало, что КБ становится головным предприятием новой отрасли. Именно в связи с такой «инновационной опричниной» после Второй мировой войны и в период мирного строительства были созданы 1, 2 и 3 Главное управление при Совете министров СССР. Давайте вспомним историю создания штурмовика ИЛ-2 («черная смерть», «летающий танк»). Помимо него в рамках конкурса были созданы

ДШБ, ВИТ-2, штурмовик Сухого. Просто Ильюшинский самолет был признан лучшим и пошел в серию^[1].

Смысл опричнины («опричь» – «кроме») – как раз в создании параллельного контура управления в больном обществе и при коррумпированном государстве. Сегодня нужно двигаться дальше, избегая ошибок Грозного и Сталина. Новая опричнина может отличаться от прежних вариантов так же, как напичканные электроникой реактивный лайнер – от хлипких «этажерок» столетней давности.

Сила опричнины тем более должна опираться на низовую демократию: самоуправление и

группы гражданского действия,
возникающие неформально. Они —
кадровый резерв опричников.

Два сходящихся удара

Вопрос стоит так: нам нужна полная победа над коррупцией! Отговорка типа «этого никто в мире не смог сделать» не принимается. Вопрос стоит о жизни и смерти Русской цивилизации. Только полная и беспощадная победа – и ничего другого!

Конечно, и законы надо принимать, и орган-«терминатор коррупции» строить. Но пока мы не решили главной проблемы: отбора в контролеры и борцы с воровством кристально честных,

умных и энергичных людей.

А раз так — все пойдет прахом. Воры начнут изображать войну с ворами. И все выродится в показушно-имитационные действия. То есть нужна радикальная инновация: действенный и нетривиальный механизм отбора во власть действительно «терминаторов»: неподкупных патриотов с качествами интеллектуалов и спецназовцев одновременно. Этого не умеет делать еще никто в мире, ни на Западе, ни на Востоке. Но это должны первыми, не боясь самых радикальных новаций, сделать мы, русские!

В рамках самого что ни на есть

курса на инновационное развитие. Ведь инновации – это, читатель, отнюдь не только «железки», а вообще вся реальность, в том числе и социальная. Инновации касаются всего: и стиля жизни, и политики, и управления государством, и культуры. Те меры, что описаны в законопроектах и в конвенциях, – это привычное, из вчерашнего дня. А чтобы победить российскую коррупцию, необходимо нечто из ряда вон выходящее, нечто революционное.

«Будь я на месте Иосифа Сталина, – говорит Джоэл Хейзинга, исполнительный директор компании NoLie MRI (они предлагают на рынке

свое тестирование на «детекторе лжи»), — я бы запросто с помощью этой методики выяснил, кто мне друг, а кого сразу поставить к стенке...»

В декабре 2007 года журнал «Популярная механика» сообщил о большом успехе исследователей-нейрофизиологов из американского Университета Вандербильта. Они, используя метод ФМРТ (функциональной магниторезонансной томографии), научились определять: врет человек — или говорит правду. Исследования с помощью томографа показали, что ложь сопряжена с возбуждением четырнадцати областей головного

мозга, включая многие участки в лобных долях одного, ростральную переднюю поясную извилину и гиппокамп. Если же человек говорит правду, возбуждение охватывает семь зон «серого вещества».

В общем, человека можно подвергнуть допросу, правда — положив его на стол томографа и непрерывно сканируя его голову. Недаром работами нейрофизиологов заинтересовались в Пентагоне: и знаменитый Департамент передовых исследований (DARPA), и пентаноговская Оборонная академия по оценке достоверности (Defence Academy for Credibility Assessment) в Форт-Джексоне, что еще недавно

называлась Институтом «детектора лжи» (Polygraph Institute). Среди тех, кто вел работу на деньги ДАРПА в этом направлении в 2006 году, была и калифорнийская компания NoLie MRI (можно перевести ее название как «Никакой лжи – ядерно-магнитный резонанс»). Она уже предлагает на рынке свои услуги: за 10 тысяч долларов определить – говорит ли испытуемый правду или врет. Одним из первых клиентов стал человек, коего обвиняли в поджоге. Как оказалось, его обвинили облыжно, оклеветали.

Любопытно, не правда ли? Это же мечта любого правителя или менеджера: знать, лгут ему

подчиненные или не лгут. Мечта любой налоговой инспекции: точно знать, скрывает ли человек доходы или нет.

Техника для точного определения лживости или истинности слов испытуемого в корне переворачивает жизнь государства. Если по-старому нужно содержать рати следователей, чтобы вести допросы, сопоставлять показания, искать улики, спорить с адвокатами и тратить на все это миллионы человеко-часов в год, то совершенный «детектор лжи» за какие-то считанные минуты установит: вот этот субъект – крал (убивал, насиловал, брал взятки), а

этот — нет. Дальше достаточно небольшого предварительного следствия — и, отвечая на вопросы допрашивающего, подозреваемый сам себя изобличит. «Ты вымогал деньги от бизнесмена Иванова?» — «Нет!» — «Ты вымогал бабки у предпринимателя Петрова?» — «Нет!»

Но аппаратура показывает, что в одном случае отвечающий лжет. Ага, значит — все-таки вымогал у Петрова. Сколько? И снова задаются вопросы — пока свечение определенных зон мозга не покажет, сколько на самом деле миллионов было получено в виде mzды. Еще немного работы — и ты узнаешь, куда делись эти деньги: в

какой банк переведены или в какую недвижимость вложены.

Перед нами — одна из прорывных инноваций, технология будущего для диктатуры развития. Технология из сокровищницы русского национального социализма. Штат следователей-правоохранителей в стране сокращается раз в семь. Зато зарплата им повышается впятеро. Да и сами следователи теперь под прицелом: суперполиграф можно применить и к ним, пресекая всякие случаи «заказных дел» и взяток. Служба собственной безопасности в МВД, налоговой службе, на таможне работает со стопроцентной

эффективностью. На выходе мы получаем государство с полностью пресеченной коррупцией. С небольшим, но чертовски эффективным аппаратом МВД и спецслужб, где служат люди с высокими зарплатами и поощрением за каждое успешно раскрытое дело.

Вы скажете, что система томографа-полиграфа слишком громоздка. Что ее в «полевых условиях» применить невозможно, а в стационарных — еще и чертовски дорого. Что пока этот метод еще толком не отработан и имеет свои недостатки: в ряде случаев эмоции испытуемого накладываются друг на друга, «слипаются».

Но я отвечаю: а в СССР-России давным-давно создана своя технология абсолютного полиграфа: психозондирование по методу, увы, уже покойного директора НИИ психотехнологий Игоря Смирнова (1950–2004 годы). Там не нужен дорогой томограф, необходимы лишь компьютер, звуковая аппаратура и датчики, фиксирующие произвольные сокращения мышц испытуемого. Мы с товарищами рассказывали об этой технологии в книге «Третий Проект. Спецназ Всевышнего» (работы Смирнова шли под эгидой КГБ СССР, первый опыт психозондирования – 1984 год). И все это можно применять в полевых

условиях, все это гораздо дешевле, оперативнее и точнее томографа. (Что не отменяет и отечественных исследований с томографом.) Наконец, есть психотехнологии знаменитого Рогозина, позволяющие людям-чтецам вживаться в личность испытуемого, есть свои психометоды Звонникова. Все это органически дополняет психозондирование, делая установление истины практически стопроцентным.

Вот что можно применить уже сегодня. Вот что не применяется в нынешней РФ (и в позднем СССР) – ибо грозит вывести на чистую воду слишком многих.

Но мы применим эти

радикальные психотехнологические инновации. Знаете, что получится? Затевая чистку чиновничества, мы можем не опасаться того, что ложным доносам и из-за корысти следователей погибнут невинные и честные. «Новый 1937-й год» (в отличие от первоначального тридцать седьмого) превращается в торжество добра над злом, в полное искоренение коррупции и саботажа. Масштабы нынешнего разграбления страны и обескровливания русского народа сегодня известны, причем путинское правление здесь ничем не лучше ельцинского.

С этими инновациями у нас нет проблем с поиском нужных кадров

для правоохранительных органов, для секретных служб, для госаппарата управления. Мы теперь знаем, как набирать в судьи и прокуроры исключительно честных людей, ненавидящих зло, ложь, коррупцию. Как отбирать на службу исключительно русских патриотов, готовых жизнь свою отдать за возрождение и процветание Родины, людей неподкупных и бескомпромиссных. Осознающих свою великую миссию. С помощью совершенного «детектора лжи» мы можем отбирать кандидатов на госслужбу. Мы будем точно знать, зачем человек идет в структуры власти. Прогоняя их через

суперполиграф, мы доподлинно узнаем: вот эти кандидаты — патриоты, ненавидящие коррупцию и предательство, истово мечтающие о русском величии. Эти будут выгрызать нечисть из нашей жизни, как охотничьи псы. Этим мы можем доверять и щедро вознаграждать их за службу: и чинами, и домами, и орденами, и достойными премиями. Эти у нас могут стать честными, всеми уважаемыми миллионерами, получив свои богатства за ревностную службу интересам нации.

А вот эти — совсем иное. Эти хотят пойти во власть, чтобы брать взятки, «пилить» бюджет, тешить

свои садистские наклонности, истязать слабых, делать деньги любой ценой. Им – от ворот поворот. Да еще и с занесением их данных в закрытую картотеку. Теперь государство знает, какие люди у него – с опасными душевными качествами. Их на пушечный выстрел нельзя подпускать ко всякой власти, к распределению общественных денег, к управлению собственностью.

Мы создаем справедливый, честный и эффективный суд. Русский суд.

Одно дело – всякие контрольные управления, КГБ и МВД, налоговые органы и прокуроры. Они со своей

стороны следят за порядком в стране. Но должна быть вторая половина контроля: контроль десятков миллионов честных граждан, что платят налоги и могут подавать в суд на чиновников и правоохранителей. И если суд в *Сверхновой России* справедлив, честен и эффективен, то такой контроль вытанцовывается в поистине всенародный надзор за госаппаратом. С миллионами глаз и ушей.

Загвоздка одна: такого суда в нынешней РФ нет. Судьи — по большей части взяточники. На взятках и заказных делах они имеют намного больше, чем им может дать государство. А так называемая

«независимость судей» вообще превращает их в замкнутое сообщество. Хорошо, давайте послушаем человека сведущего – Александра Богатикова, с которым мне довелось общаться поздней осенью 2007 года. Богатиков – член Комитета Торгово-промышленной палаты РФ по безопасности предпринимательской деятельности, участник Комиссии ТПП РФ по мониторингу и противодействию противоправным поглощениям предприятий.

– *Еще в 2001 году Президент РФ Владимир Путин в послании Федеральному Собранию заявил: «... Отечественная судебная система на*

практике мало помогает проведению экономических преобразований... Не только для предпринимателей, но и для многих людей, пытающихся восстановить свои права, суд так и не стал ни скорым, ни правым, ни справедливым», — считает А. Богатилов. — Слова эти по-прежнему актуальны. Но само законодательство об ответственности судей порождает их коррупцию. Чтобы подвергнуть судью дисциплинарному взысканию, чтобы лишить его полномочий, требуется решение региональной квалификационной коллегии, принятое двумя третями голосов ее членов. Получив жалобу на судью,

такая коллегия, как правило, перепасовывает жалобу пострадавших председателю суда, в котором работает тот самый судья. Обычно на этом все и заканчивается. Действует круговая порука, принцип «Своих не сдаем». Квалификационные коллегии крайне редко соглашаются снять судью с должности. А чтобы завести на судью уголовное дело, к решению коллегии нужно еще и решение генерального прокурора. Такие решения – большая редкость!

На практике это порождает безнаказанность судей, что в свою очередь развращает людей, меняет их мышление, вовлекает все больше

участников в коррупционные схемы. Чем больше заведомо незаконных решений выносится именем Российской Федерации, тем меньше авторитета остается у государственной власти и судебного сообщества...

А теперь представьте себе, что опричнина совершенно изменила судебный корпус. Она отобрала в него с помощью психотехнологий и суперполиграфов настоящих, честных людей. И суд теперь работает совершенно иначе! Теперь коррупция, саботаж и предательство, столь буйно цветущие в нынешней РФ, оказываются сжатыми с двух сторон: и сверху, и снизу. И

карательно-контрольными, и
судебными органами.

Создается корпус неподкупных
судей, осознающих всю важность
своего дела для выживания нации и
русского успеха. Не замкнутая каста,
но сообщество. Стоит отобрать в
него первые несколько сотен с
помощью наших суперполиграфов —
и дальше этот корпус может
пополняться с помощью самих судей.
По принципу Георгиевской думы, о
котором мы уже упоминали выше.
Без чиновников. А государство
должно обеспечить таким судьям и
дом, и достойную оплату труда.

По сути дела, читатель, речь
будет идти о некоем переходном

периоде: психотехнологические инновации в государственном управлении и политике позволят нам установить своеобразный строй. Этакую, знаете ли, диктатуру честных, беззаветно преданных русскому делу и компетентных людей.

Диктатуру тех, кто вновь возведет на пьедестал такие забытые в РФ ценности, как патриотизм, честность, упорный труд, компетентность. И пусть правящая группа таких суперлюдей составит от силы пару миллионов: этого хватит. Они зададут тон всему обществу. Таков переходный строй *Диктатуры развития*, если хотите – опричнины.

И он должен воцариться в стране вместо нынешней коррупционной полицейщины.

Подбор кадров из пламенно преданных Родине людей – вот что станет громадным национальным проектом. Огромная кузница кадров вкупе с их «хранилищем» – вот какое суперведомство мы создадим чуть ли не в первую очередь. Кадры – вот что решает все.

Борьба с коррупцией неотделима от дела кадровой и управленческой революций.

Настоящих людей нужно брать отовсюду, и плевать, откуда они – из Питера или Красноярска, с Украины или из Белоруссии. И этим мы в

корне станем отличаться от нынешних бонз, что подбирали людей по принципу: «Мне не умные нужны, а верные». Победа над клановостью, коррупцией и мародерской психологией и есть, читатель, ключ ко многим успехам одновременно! Это будущее русское чудо-оружие неопишуемой мощи. Огромное преимущество в конкуренции на глобальном уровне. Да и вы сами подумайте, насколько быстрее идет развитие страны, насколько повышается скорость инноваций, коли вы можете доверить сотни проектов людям-менеджерам, которые не украдут деньги, не затянут процесс, а в лепешку

разобьются, но поставленную задачу выполняют. Вы доверяете таким людям, не тратите уйму сил и времени на всяческие проверки и «накачки». Экономите гору денег, не жжете нервы понапрасну. Расставьте сейчас таких людей на начальственные посты в сегодняшней РФ — и она при тех же размерах бюджета увеличит его на все 30 %: ведь никто не будет «пилить» и завышать сметы расходов, находя самые быстрые и эффективные решения.

Мы построим сложную систему профилактики коррупции и бюрократического застоя. Нельзя рассчитывать только на копирование

«фюрерского» принципа Гитлера: во главу каждого дела — полновластного диктатора-«главноотвечающего».

Возможности одной личности слишком малы. Вот Геринг был авиационным «фюрером» и наделал столько ошибок, что довел Люфтваффе до краха, проспал технологический рывок (реактивную авиацию). У нас будет система куда совершеннее немецкой. Помимо судебной власти и активных граждан, помимо контрольно-силовых структур (надзирателей), мы создадим и иные механизмы против застоя и коррупции.

Демократическая диктатура

*Важнейшим элементом новой
опричнины должна стать и новая
демократия: местное
самоуправление и самоуправление
на предприятиях.*

Вместе с ними мы создадим систему местного самоуправления, особенно в новых усадебных городах-полисах. Это создаст сильнейший контроль свободных и сильных граждан над местным чиновничьим аппаратом. Там будут пресекаться любые попытки «пилить бюджет» или заматывать выгодные городским

общинам технологические инновации. Ну, вроде тех же «вечных», не требующих перекладки труб водоснабжения и канализации. Именно самоуправляющиеся полисы станут жадными потребителями всех энергосберегающих технологий, автономных систем жизнеобеспечения, новой энергетики, биотехнологий переработки отходов и очистки вод.

Самоуправление в виде «разумных городов», где неосоветская власть организована на принципах нейроквада по Игорю Бощенко. Мы с ним, читатель, уже описали это в труде «Будущее человечество». Если хочешь – прочти

его. Одно можно сказать: опыты, проведенные и Игорем Бощенко с друзьями, и Глебом Тюриным, показывают: самоуправление творит буквально чудеса.

Новая опричнина должна совмещаться с низовой демократией – самоуправлением. Это выдвинет к власти новых руководителей – не бюрократов (со всеми их неустранимыми пороками), а делократов (по Юрию Мухину). То есть тех, кто действует на общее благо, не боится ответственности, может принимать решения и достигать поставленной цели с максимальной эффективностью.

Самоуправление – начало этого процесса. Новая опричнина не может опираться на бюрократию: опыт так называемой «вертикали власти» в РФ наших дней это показал весьма ярко. Ведь все выродилось в коррупцию, бесконтрольность, в застой и невыполнение указаний Главы Вертикали.

Реальный опыт самоуправления в РФ говорит о том, что в городках и поселках, где оно осуществляется, начинают снижаться затраты на ЖКХ и муниципальное хозяйство. Почему? Потому что местные начальники моментально попадают под неусыпный и каждодневный

контроль жителей. Они-то в совокупности знают и видят все. Работает городской интернет-форум, специальная инфосистема – и вот каждый ведаёт, какая фирма получила подряд от городских властей, за какие деньги. Насколько «накручены» цены и сколько примерно «отпилено», где «трудоустроены» родственники начальника и что они имеют. В таких условиях начальство лишается возможности воровать. Ему приходится устраивать настоящие конкурсы, реально отбирая тех, кто предлагает работы по доступным ценам.

Местное самоуправление хочет

реального решения проблем своего города (поселка, района), а потому заставляет начальство приобретать продукты инновационных компаний. Есть базальтовые трубы канализации и водоснабжения, способные служить вечно, без ремонта? Давайте их у себя положим, и плевать, что после этого чиновники лишатся такой кормушки-«пилорамы», как ежегодная перекладка труб за счет бюджета. Инноваторы предлагают заменить лампы накаливания в уличных фонарях на новейшие светодиодные приборы, способные пахать без замены десятилетиями? Отлично – покупаем. И начхать на то, что чиновник лишается возможности

греть руки на ежегодной закупке партий старых ламп для замены перегорающих. Точно так же будут внедряться новые системы отопления и водоснабжения, полной переработки отходов (зачем платить мусорщикам?)

Примени самоуправление в масштабах всей страны – и получишь колоссальный эффект, горы сэкономленных денег. Вот в Москве (по состоянию на 2009 год) на замену одного километра старых водопроводных труб городские чиновники тратят 43 млн рублей, километра канализации – 45 млн, а теплосетей – все 100 млн. Привожу выкладки кандидата экономических

наук Вадима Кумина, который вопрошает: «Да не из золота ли ваши трубы?»

Естественно, затраты здесь страшно раздуты. В них включена «пилорама». На самом деле, ту же работу можно сделать намного дешевле. А если еще применить инновации («вечные» трубы из передовых материалов), то и вообще уничтожить затраты города на их ремонт на десятки лет. А высвободившиеся деньги – потратить на более полезные вещи. На поддержку рождаемости и молодых семей, на школы и учителей, на спортивные сооружения и на здравоохранение. На все, что

поддерживает силу, ум и жизнеспособность нации.

Если применить подобные механизмы самоуправления в масштабах всей Руси, то эффект будет исчисляться уже триллионами сэкономленных рублей. Самоуправление — мощнейшее оружие для полного уничтожения коррупции. Одна беда: самоуправление в РФ искореняется нынешним чиновничьим аппаратом. Он не хочет лишиться власти и кормушки. И потому самоуправление (эта истинная демократия, смелая социальная инновация) нуждается в защитнике — железной руке диктатора развития.

И самоуправление же — источник ценных кадров для выдвижения в высшие эшелоны власти!

В своих книгах автор сих строк и его товарищи много рассказывали о системе самоуправления трудовых коллективов на предприятиях — «Компасе» Валерия Водянова. Она с успехом должна применяться в *Сверхновой России*. Самоуправление ведет к выдавливанию из управленческих контуров воров и волокитчиков, поднимая упорных тружеников и инноваторов.

Сама собой вырисовывается формула национального русского спасения: многоукладная экономика,

инновация, неоиндустриализация – и
опричная диктатура развития,
которая останавливает деградацию
русских, опирающаяся на широкое
местное самоуправление. Коррупция
уничтожается «сходящимися
ударами»: беспощадной политикой
центроверха (применяющего
суперполиграфы, новую опричнину и
инновационный отбор
управленческих кадров) – и
настоящей «партизанской войной»
против коррупции снизу.
Складывается нечто похожее на
правление Ивана Грозного в
идеальном первоначальном замысле:
когда жесткая централизаторская
власть, нацеленная на решение задач

русского развития, де-факто вступала в союз с широкими народными массами, именно их (а не боярство-олигархию и не чиновничество) делая своей опорой.

Да, нам предстоит опричная диктатура.

Но это будет – демократическая диктатура!

Жгучая необходимость

Новая опричнина представляется нам единственным возможным выходом для страны. Для дела ее спасительной модернизации (хотя лично я предпочитаю «модернизации» иное слово: «развитие»). Для осуществления такого курса потребуется, по сути, новая элита, отличающаяся от нынешней. Но кто сможет поставить целый корпус «молодых капитанов», что «поведут наш караван»? Только новая опричнина. Сконструированная с умом и фантазией. На основе прочных знаний.

При этом мы изначально далеки от того, чтобы делить РФ на земщину и опричнину территориально. (Первая опричина громадным клином врезалась в карту Московского государства.) Нет! Две системы – старая и новая – должны жить на одной и той же территории. Скорее, очаги роста и футурополисы – оплоты опричины-XXI – будут аналогами закрытых городов ВПК СССР. Но некоторая их территориальная обособленность не идет ни в какое сравнение с масштабным разделением XVI столетия. Новая система в данном случае становится новым, молодым и сильным «сердцем», снабжающим

здоровой кровью систему старую. И тем самым — ее обновляющим.

Новая опричнина нужна для реализации Суперпроекта: создания Нейромира/нейросоца, общества делиберативной демократии и Шестого технологического уклада.

Новая опричнина нужна для слома сопротивления сил деградации в строительстве такого будущего. Это — временная диктатура развития, которая стальной рукой защитит от уничтожения реакционерами ростки нейросоца. Причем в конкретно нашей, отчаянной обстановке, когда времени практически нет, институты

общества слабы, а речь идет о жизни и смерти.

Постепенно расширяясь на всю страну, опричнина перестанет быть опричниной. Смысл ее – в как можно более быстром расширении и в преобразжении страны, после чего она растворится в окружающей реальности.

Досье

На семинаре в ИДК в сентябре 2009 года несколько раз заходил разговор о том, что в стране идут многочисленные работы по альтернативной энергетике. Причем отнюдь не по линии государства или в системе Российской академии наук. Нет, все это делают группы энтузиастов, зачастую гонимых и не признаваемых официальной наукой. По этому поводу высказался бывший заместитель министра образования, профессор МГТУ имени Баумана Борис Алексеевич Виноградов, инноватор еще с советским опытом:

– Время требует фактически создания новой экономики. Другой, параллельной экономики. И, я бы сказал так, научной опричнины. Пришел я как-то к президенту РАН к академику В. Осипову и к академику В. Козлову и говорю: «Ребята, ну прикончат вашу академию потому, что у вас ничего инновационного нет, кроме надувания щек. Надо срочно делать инновационное агентство, а не бодаться и не делать комиссию по борьбе со лженаукой во главе с Э. Кругляковым. Он там в восторге ходит от этой комиссии. А я ему говорю: «Дорогой, а что ты, академик, сделал, кроме борьбы с

лженаукой?» А он все борется с ней.

Так вот, два года тому назад я предложил академикам: надо делать инновационное агентство, чтобы при вас все «безумные идеи» проверялись и реализовывались. Только так вы можете выжить, как Академия наук. Иначе вы не нужны будете никому. Они отказались. Поэтому мы должны сказать: нужен совершенно новый взгляд на инновации и для этого нужно создавать параллельную экономику. Инновационную, а это не пройдет, здесь не пройдет... По мнению Б. Виноградова, нынешняя экономика РФ непроходима для инноваций, в том числе и энергетических. Как

пример, он привел случай из своей жизни: после Чернобыля представители КГБ СССР попросили Б. Виноградова создать датчики для анализов крови. Оказалось, что старая технология, по которой такие датчики делали в Одессе, дает слишком много брака, требуя двух с половиной тысяч стеклодувов. Б. Виноградов в кратчайшие сроки создал лазерную технологию производства датчиков, повысив производительность труда в 422 раза. Когда новые установки заработали, директор предприятия спросил: «А куда мне девать работников, ставших лишними?»

— Вот почему нужна

параллельная экономика. В эту ты не внедришь ничего. А куда девать людей? Это ведь колоссальная проблема. Все традиционно, все «намылено». В старой экономике ты знаешь, кому давать откаты. И вдруг приходит некто и своими инновационными идеями рушит все схемы.

В РФ у нас нет коррупции, у нас есть уже сложившаяся среда. Это среда, в которой все живут, но не все дают одному, а каждый дает друг другу. И все в этом заинтересованы. А вы приходите, чтобы разрушить всю эту систему.

То же самое – и с инновациями в энергетике. Я предлагаю

поддержат на государственном уровне (может быть, путем создания фондов, может, каким-то другим) инновационные работы. Но они должны быть отделены от государства. И от всей чиновничьей братии, — заявил профессор Виноградов.

Глава 7

**Андрей Кобяков,
Владимир Хомяков,
Егор Холмогоров,
Александр Елисеев,
Игорь Бощенко,
Сергей Алферов и
др. Дискуссия вокруг
опричной идеи**

Горькое лекарство

Председатель правления ИДК, известный экономист **Андрей КОБЯКОВ** на одном из мозговых штурмов по теме новой опричнины высказал мнение, что важнее исторических тонкостей сосредоточиться на теме причин возникновения опричного механизма и соответствия этих причин сегодняшнему политическому моменту.

Опричнина – не идеал, считает Кобяков, а трудное решение, решение, на которое можно пойти в чрезвычайных обстоятельствах. По-видимому, есть основания для

постановки вопроса о том, что общество очень тяжело больно, до такой степени, что мы уже не можем серьезные надежды связывать с развитием обычных, нормальных, регулярных государственных институтов. Все попытки их построения, даже на благих, надеюсь, намерениях, превращаются в ничто. Захотели построить технополисы, технопарки, через три года программа закрывается. Где деньги, где эти технопарки? Ничего нет. Увеличиваем количество милиции, зато на улицах все больше убивают просто так, то снегоуборщиков, то инкассаторов, то каких-то людей расстреливают в

универсамах, и никто не несет никакой серьезной ответственности.

Почему вообще никто не отвечает за всю эту ситуацию? Ведь это говорит о том, что меняй шефа МВД Р. Нургалиева на кого угодно, в рамках этой системы никакого результата не будет. Система безнадежна. Это как раз тот самый случай, когда коррупция стала абсолютно системной.

Исторические обстоятельства каждый раз бывают разные, но причина каждый раз возникает не на пустом месте. Это не проблема личности или какого-то субъективного фактора, это объективный выход из системного

кризиса.

Лидер движения «Народный собор» **Владимир ХОМЯКОВ** на круглом столе по опричнине высказался в том же духе:

— Опричнина — весьма болезненное и горькое лекарство. Но когда страна тяжело больна и вопрос стоит так: либо больной помрет, либо примет неприятное лекарство, — то лучше смириться с болью и горечью. И лучше пусть лекарством станет опричнина сверху, нежели пугачевщина снизу. Видимо, за нынешними «литовскими рубежами» предпочитают второе. Но мое убеждение: выход из кризиса лежит

через стадию национальной диктатуры. Вспомним 1612 год: тогда на короткое время сложилась военная диктатура Минина и Пожарского. Она и вершила дела, и судила, и разбойников по осинам развешивала, и слишком жадным купцам руки рубила. А потом созданный диктатурой порядок узаконил демократический Земский собор, после чего в стране появилась новая правящая династия. Да, опричнина — чрезвычайный инструмент, все зависит от того, в чьих руках он окажется. Не дай бог — у тех, кто хочет провести новую модернизацию по «петербургскому варианту».

Ивану Грозному пришлось действовать в условиях, похожих на нынешние. Прежде всего – при массовой измене и недееспособности правящей элиты. При ее готовности предать Родину ради сохранения власти и собственности. Во-вторых, при необходимости проводить реформы в системе, каковая эти реформы не дает проводить. В-третьих – при смертельно опасных внешних вызовах. В-четвертых, в условиях сильных сепаратистских настроений на окраинах. Наконец, в условиях недееспособности тогдашней «вертикали власти», репрессивного и чиновничьего аппаратов.

Царю Ивану пришлось изымать часть территории страны из существующей системы, налагивая особый порядок управления вычлененной частью. Эту часть он реформировал директивными методами. Но таким образом царь создал экономическую базу, повел возрастающий набор людей в опричнину. Новые кадры позволили начать «зачистку» старой элиты. Стоя на такой базе, Грозный смог провести военные преобразования, расширить территорию страны, отбиться от самых грозных внешних противников и подавить сепаратизм. Экономическую базу опричнины Грозный создал, перераспределяя

главное средство производство той эпохи — землю, а также взяв в опричнину соляные доходы и доходы от волжской торговли.

— Сегодня государство не может преобразовать всю экономику, сделав ее базой для новой опричнины, — говорит Владимир Хомяков. — Но можно представить другое: появился сильный вождь с сильной идеологией — и передал в новую опричнину некий кусок экономики. Какой? Это нефтегазовый сектор, земля и ее недра, некоторые ключевые предприятия. Здесь же — отрасли, от которых зависит физическое выживание страны: электроэнергетика, железные

дороги, продовольственное снабжение. Тут же — предприятия, критически важные для поддержания производства в других отраслях. Речь идет не о национализации, но хотя бы о контрольном пакете.

Имея такую экономическую часть, новая опричнина сможет начать отбор нужных управленческих кадров. Отбор не вообще, а в конкретных делах в реальном секторе. Именно здесь можно выращивать кадры — на ролях управляющих того самого «опричного сектора». Понадобится система подготовки людей, по словам В. Хомякова, носящая полувоенный характер. При этом у

детей имущих кругов не должно быть возможности миновать такую суровую школу перед тем, как войти в систему управления.

Еще один полезный урок из эпохи Грозного: параллельно с опричной централизацией власти развивалась потрясающая по ширине и глубине система местного самоуправления. Подлинная, низовая демократия. Задушил эту систему только «западник» Петр I. Вот и новой опричнине нужно будет опираться на сильное местное самоуправление. Параллельно с опричным проектом в нынешней РФ должен развиваться и земский проект. Они поддержат и усилят друг

друга: ибо именно опричнина оборонит самоуправление от попыток олигархии задавить и задушить самоуправление.

— Естественно, понадобятся и молодцы в черных кафтанах, — считает эксперт. — Поскольку опричная часть экономики — важнейшая часть национальной, то попытки нанесения ей вреда должны рассматриваться как измена. Появится повод для чистки истеблишмента, но не по классовому признаку и не потому, что этого захотелось царю/генеральному секретарю, а по чисто объективным показателям. Уничтожаться будет угроза, возникшая для ключевых

отраслей государства...

Монополия внешней политики

Директор по развитию ИДК **Егор ХОЛМОГОРОВ** провел любопытные параллели развития Руси и западноевропейских стран в XVI и следующих за ним веках. Он обратил внимание на то, что вторая половина XVI века во всех крупных европейских странах — эпоха ожесточенных гражданских войн. Идеологический дизайн этих войн был связан с противостоянием протестантов и католиков. Но отсюда совсем не следует, что сам дизайн был первопричиной, а не

оформлением гражданских
противостояний, длившихся десятки
лет. При этом данные столкновения
уносили тысячи жизней,
предполагали непрерывные внешние
интервенции, государственную
измену, самые подлые интриги и
самые грязные преступления.
Вспомним историю. Франция —
борьба католиков и гугенотов.
Англия — сперва преследование
протестантов при Марии, а затем
борьба католиков с королевской
властью англиканки Елизаветы.
Испания — война в Нидерландах,
бывшая именно гражданской войной.
Германия — непрерывные войны
протестантских князей с

императором.

Если мы предположим, что существовали серьезные причины, сделавшие гражданские войны общим явлением, то решительно не видно, какие причины могли бы вывести Россию из-под действия этого всеобщего закона. В России также, в той или иной форме, должна была начаться гражданская война. *И если исходить из этого факта, то нам придется поразиться тому, с каким искусством Иван IV сумел ввести гражданскую войну в рамки опричнины, т. е. управляемой гражданской войны, контролируемой государем.*

Когда читаешь замечательную книжку Николаса Хеншелла «Миф абсолютизма. Перемены и преемственность в развитии западноевропейской монархии раннего Нового времени», развеивающую историческую мифологию о монархиях XVII–XVIII веков, не оставляет ощущение того, что единственной настоящей абсолютной монархией в тогдашней Европе было русское самодержавие. Причем этот факт давал нашему государству мощную управленческую фору, которая и действовала весь «монархический» период. Лишь в XIX веке европейцы начали отыгрывать эту фору и отыграли как

раз к Крымской войне. (Николай I, конечно, призван был стать самодержавным модернизатором, а стал «ретроградом», впрочем, в этом была и вина декабризма.) *И вот вся та «фора», которую Россия имела в XVI–XVII веках (в виде не-иллюзорно абсолютной и моносубъектной власти) – достижение именно Ивана Грозного.*

Политика Ивана IV оказалась третьим решением, которое в полном объеме никто так и не смог повторить. Иван произвел абсолютную монополизацию внешней политики. Не торговли, как ошибочно считал Сталин,

торговля была в частных руках, а именно политики — установления правил игры, переговорного процесса и т. д. Его жестокое уничтожение всех представителей боярства, кто считал себя вправе на собственную внешнюю политику, привело к тому, что после мощного «рефлекторного выброса» эпохи Смуты внешние связи стали безусловной монаршей прерогативой и монополией. *И здесь Иван IV значительно опередил свой век, создав подлинный внешнеполитический моносубъект гораздо раньше, чем та же степень моносубъектности была достигнута в большинстве*

европейских стран. Во время Северной войны это давало вполне определенные результаты. Так, в Северной коалиции русский царь был единственным участником, в полной мере отвечавшим за свои слова и обещания. Именно эта сильная позиция позволила ему при разделе наследства Швеции оставить в своих руках львиную долю.

Впрочем, в экономических делах формирование политического моносубъекта дало свои плоды гораздо раньше. В России была создана система профицитной внешней торговли, которая финансировала русское государство за счет англичан и голландцев.

Причем эта система позволяла выходить из убийственных для большинства стран тогдашней Европы финансовых кризисов.

Структура без структурности

Известный исследователь сталинской эпохи, историк **Александр ЕЛИСЕЕВ** рассуждает о сходстве и различиях опричнин двух Грозных – Иоанна и Иосифа. Знака полного равенства ставить нельзя. Хотя и Иван, и Сталин боролись с олигархией. В 1930-е годы в роли бояр выступали региональные партбоссы, министерские начальники, отраслевые лобби, большие военачальники. **Елисеев** указал на опасность перерождения самой опричнины в олигархию по

мере ее закрепления внутри государственной системы.

Поэтому новая опричнина должна строиться вокруг «инновационного царя», и, выполнив свою функцию, – раствориться. В этом главное достоинство опричнины Ивана Грозного. То есть нужен властитель – носитель социального инстинкта, харизмы и легитимности. Ибо в противном случае – он первый среди равных. И пока, считает эксперт, мы не решим, вокруг кого будет выстраиваться новая опричнина, мы ни к чему не придем. Все кончится формированием именно новой олигархии...

В случае с большевиками имела место быть бессознательная пародия на опричнину, введенную православным Государем. Но технологии использовались именно опричные. Партия большевиков (по Сталину – «орден меченосцев», по Троцкому – «орден самураев») была сообществом воинов-аскетов, сплоченных железной дисциплиной и обособленных от остальной «земщины». Даже в «добрые» времена застоя «член партии» воспринимался как представитель некоего полусекретного ордена, верность которому хранилась и на символическом уровне. (Так, за пропажу партбилета из КПСС

исключали автоматически.)

В 1950-е годы, после смерти вождя, **партийно-ведомственная олигархия** «разоблачила» культ личности и провозгласила возврат к ленинским нормам партийной жизни (т. е. к коллегиальности). Тем самым она отвоевала свои позиции, что, в конечном итоге, и привело к распаду СССР. Сталин смог потеснить олигархов, но ему не по силам было устранить саму олигархию.

Если новая опричнина будет создаваться по орденско-партийным технологиям, то ее ждет та же судьба. И не важно, насколько «правильные» люди составят костяк

«ордена меченосцев».

Коллективность и **коллегиальность** порождают **структурность**, а структура — страшная вещь, которая способна перемолоть самых лучших. Когда же некая структура выстраивается «над государством» (М. Калашников), то она неизбежно узурпирует государственные функции и вносит помехи в деятельность госаппарата.

Но как же избежать перерождения? Для этого необходимо свести структурность новой опричнины к минимуму.

Вообще, по самой логике вещей, опричнина должна быть полной противоположностью земщине,

которая представляет собой совокупность различных социальных, политических и хозяйственных структур. Она есть производная от власти Государя, который превышает все структуры и персонифицирует абстрактное множество в единственности своей личности. Отсюда важнейшее требование — связи внутри опричнины и вовне ее должны быть как можно менее формальными. Новая опричнина — это не партия, не орден и даже не клуб. Это сетевое сообщество немногих самоотверженных людей, принципиально не претендующих на власть, но всецело преданных

Государю. В этом — разительное отличие от любой, даже самой верноподданной аристократии. Последняя всегда стремится к **собственной субъектности**, к власти в рамках определенной структуры. (А это часто ведет к стремлению захватить власть над всеми структурами и свергнуть Царя.) У опричнины же должен быть **один, единственный субъект** — Государь. Отрекаясь от своей коллективной, социальной субъектности, опричник обретает себя в новом, высшем субъекте. Тем самым он идет путем **социально-политического монашества**.

В понимании Елисеева,

опричина выступает как тот генератор пассионарности, негэнтропии, который не дает системе сомкнуться над субъектом развития и поглотить его. В опричнине субъектность одолевает системность и структурность.

Известный экономист **Михаил ХАЗИН** не считает, что смена элиты, не желающей заниматься развитием, — нечто уникальное в истории. Новая опричина (как субъект развития) должна сложиться вокруг некоей масштабной политической фигуры, обладающей соответствующими волей и разумом. Пока ее нет. Но проблема, по словам М. Хазина, не в этом. И фигура

может появиться, и некий субъект действия. В этом нам даже, вполне вероятно, поможет Европа. Она, как считает известный экономист, понимает, что без развившейся России ей просто не сдержать натиск мусульман. На Западе – явный кризис старой, капиталистической модели научно-технического прогресса, а русские обладают опытом такого прогресса на некапиталистической основе. Однако, считает М. Хазин, беда состоит в остром дефиците адекватных людей для управления новой опричниной. У нынешних 20-летних варварски выломаны умственные механизмы принятия

разумных решений, уровень их знаний – страшно низок.

Кадровый тупик замечен даже в нынешней правительственной системе. Например, министра финансов Кудрина критикуют все за явное несоответствие своему посту. Но внутренний ответ кремлевской «элиты» таков: по нашему внутреннему статусу главой Минфина может быть только, условно говоря, один из двадцати «своих» человек. А Кудрин из них – самый квалифицированный. Не «своих» же – какими бы талантливыми и компетентными они ни были – во власть не пускают. А потому Кудрин остается у руля

финансов страны. Таким образом, система сама себя ведет к обрушению даже в силу управленческого дефолта.

Образ будущего и информационный аспект

По мнению независимого аналитика **Игоря БОЩЕНКО**, главное в опричнине – ясный образ будущего страны. Образ, содержащийся в голове правителя, учреждающего опричнину. Ибо нужно твердо знать: а ради чего осуществляются чрезвычайные меры? Перед новой опричниной сейчас тоже нужно ставить задачи прорыва в будущее. Но вот проблема: и социум, и мир сегодня намного сложнее, чем во времена Грозного, Петра или Сталина. Уму одного

человека не под силу объять необъятное.

А. И. Фурсов смеется: такая постановка вопроса страдает избыточным интеллектуализмом, ведь у Грозного явно не было образа будущего. Вводя опричнину, он повиновался социальному инстинкту. Бил первым – чтобы не быть битым. Социальный инстинкт властителя, как считает Андрей Ильич, вещь намного более важная, нежели чистый интеллект. А социальная ситуация, сегодня достаточно сложная, через 5–6 лет может настолько упроститься, что здесь будут «не социальные шахматы, а социальные шашки». И решения тут

потребуется простые. Так было на последней стадии первой Смуты, когда Второе ополчение (Пожарского и Минина) двинулось освободить Москву в 1612-м. Все стало предельно просто: вот есть иноземные захватчики, которых нужно изгнать. В точках бифуркации, считает профессор Фурсов, время настолько уплотняется, что решения становятся очевидными. Дело — только за волей и силой для их принятия.

Но Фурсов согласен с тем, что сегодня, чтобы реализовать новую опричнину, необходим образ русского будущего, хотя бы в общих чертах. А в этом будущем — крайне четкий образ

врага.

И все-таки И. Бощенко поставил правильный вопрос. Новой причине нужен мощный коллективный, творческий разум. Только ему под силу спроектировать победоносное будущее. Именно спроектировать, а не предсказать! Причем именно тогда, когда причина вводится в упреждающем режиме, чтобы не допустить национальной катастрофы.

После круглого стола на него горячо откликнулся тольяттинский мыслитель, автор самобытной социально-экономической теории **Сергей АЛФЕРОВ**. Он предложил обсудить тему ***IT-причины.***

Объективную вневременную суть опричнины Алферов видит в четырех главных принципах:

1. создается параллельный контур управления;

2. осуществляется переструктуризация социума (в том числе в отдельных случаях, как средство – разрыв связей в социальных группах, атомизация);

3. формируется новый кадровый резерв;

4. используются соответствующие времени информационные технологии.

Метод опричнины, считает Алферов, террор против интересантов, отстаивающих

смертельно-устаревшие
(неадекватные) формы и способы
государственного управления.

— Среди 4-х перечисленных
выше пунктов причины меня более
всего занимает последний. Потому
что в нем собрана специфика
настоящего времени! Еще раз
уточню: *«Быть на острие новых
информационных технологий и
втягивать социальные процессы в
орбиту дела!»* Посмотрите! Все
предшествующие 3 пункта
содержательной работы причины
укладываются в задачи создания
необходимой сейчас
информационной системы (ИС),
которую можно назвать в виде

метафоры — «Собиранием из частей».

Что имеем?

1. Отдельные разобщенные группы в регионах, думающие о России и общем будущем; при этом разной идеологической самоидентификации. Иначе говоря — разобщенные патриоты.

2. Идеологию динамического консерватизма (русского консерватизма); соответственно представления о необходимых устройствах власти и экономики; в отсутствие «широких» и «глубоких» каналов доведения (средств трансляции) этой идеологии.

3. Отсутствие оперативного информационного обмена и организационной координации по вертикали и горизонтали.

4. Отсутствие влияния на принимаемые решения по практическим вопросам жизни социума на местах; и соответственно — настоящего политического влияния.

Что считаем необходимым (реальные задачи для Информационной системы)?

1. Наличие регионально распределенной ИС, решающей вопросы организации, координации, информирования, пропаганды, взаимодействия, давления, в опоре на

реальных местных представителей.

2. Влияние и поддержка средствами ИС профессионально-сословного структурирования

3. Поддержка средствами ИС проработки конкретных проектов в реальной жизни, изменяющих жизнь к лучшему (на основе принятой ценностной парадигмы).

Опричнина всегда соответствует времени. Она не может отставать от времени по методам, по технологии. Современная опричнина будет технологической, она будет опираться на современные информационные технологии. Возможно, и создавать их... То есть это будет *опричнина* достаточно

грамотных слоев... и широких слоев. Не надо рассчитывать на автомат Калашникова, это будет крайность и неудача современной опричнины... Основное содержание современной успешной опричнины – это не АКМ, а организация и информационные технологии. При этом не стоит слишком уповать на технологию и не забывать о том, что любой информационной системой кто-то управляет. Другого не бывает!

В виде формулы вышесказанное можно написать так: социальная самоорганизация в постановке и решении реальных задач (проектов) + сословная организация + координация в политике ценностей

русской цивилизации. *Итак, мы говорим об Информационной системе, структурирующей Поиск (1), Знание (2) и Социум (3) на ценностях русской цивилизации, русского консерватизма...*

Глава 8

Семинар Владимира Овчинского.

Глобокризис как мировая криминальная революция

В зареве мировой криминальной революции

Процесс разложения и деградации *Русского мира* есть часть общемировой *Криминальной революции*. И здесь напрашивается вывод: на мировой арене победит тот, кто первым покончит с криминализацией элит. Тот, кто первым осуществит проект успешной национально-ориентированной опричнины.

И следующий семинар ИДК известного советско-российского криминолога Владимира Овчинского «Кризис: криминальные истоки и

криминальные последствия», только подтверждает такую точку зрения. Аудитория оказалась просто ошеломлена потоками страшной информации. Складывая воедино куски «мозаики», получаешь картину и глобальной преступной революции, и агонии либерально-монетаристского квазикапитализма на постсоветском пространстве.

В 2009 году начал свой доклад Овчинский, на Западе появился проект, содержащийся в книге известного идеолога глобализма и «нового кочевничества» Жака Аттали – «Мировой кризис: что дальше». Идеолог нового кочевничества, прославившийся двадцать лет назад

книгой «Линии горизонта», Аттали доказывает, что в основе нынешнего глобального кризиса, помимо объективных экономических причин, лежат и объективные криминальные причины. Это – разрыв между правом и рынком, между правом и мировой экономикой. А последнюю вкупе с глобальными финансами Аттали считает суперкриминализованной системой, пронизанной коррупцией. Никаких перспектив у нынешней мировой экономики, кроме криминальной, автор не видит.

Жак Аттали предлагает суперпроект: фактически некую «всемирную опричнину» на основе

старого масонского проекта (мировое правительство), к которому приделали новую, регулируемую финансовую систему глобального масштаба, мировую полицию и мировые вооруженные силы. То есть это мировое правительство в нынешних условиях. И все это должно состоять из лучших людей мира. Лучших в понимании Аттали, конечно.

При этом стран должно быть не двести, а максимум 30—40. Остальные подвергнутся «слияниям и поглощениям». На укрупненных территориях будет наведен порядок. В процессе наведения порядка будут отобраны лучшие люди, а затем из них кристаллизуется мировое

правительство. Они как бы перекинут наведенный региональный порядок на мировую систему.

Все это — серьезный вызов для Русской цивилизации. Ведь «Линии горизонта» того же автора, по сути, воплотились в жизнь. В новом плане Аттали России как самостоятельной цивилизации места просто нет.

Криминальный детонатор

Владимир Овчинский задается вопросом: почему глобальный экономический кризис перешел в открытую стадию только в 2008 году? Ведь целая плеяда мыслителей предсказывала его добрых тридцать лет подряд. О том, что долларовая система — «пузырь», чреватый взрывом, писали много и многие. Джордж Сорос вот уже двадцать лет кричит об опасности надувания «пузырей» на разных рынках, не забывая их при этом надувать и обрушивать финансы целых стран.

Но почему взрыв грянул именно в 2008-м? И почему западные

финансисты как будто намеренно создавали условия для Великой рецессии своими многолетними действиями? Что стронуло с места накопившуюся лавину объективных социально-экономических причин, послужив субъективным «детонатором»?

Эксперт считает, что у кризиса есть сильнейшие рукотворные причины. Целая совокупность проектов, запущенных из разных центров, которые в совокупности и породили нынешний социально-экономический катаклизм. В. Овчинский уверен в том, что глобокризис продлится еще очень долго, будет во многом

непредсказуемым, но одна из
стречневых его причин —
криминализация. Недаром осенью
2008 года религиозные лидеры всего
мира (включая и нашего Патриарха)
назвали причиной Великой рецессии
алчность, корысть. Корысть
банкиров с Уоллстрит. Затем генсек
ООН Пак Ги Мун объявляет основой
кризиса глобальную коррупцию.
Следом за ним генсек Интерпола
К. Ноубл сказал почти то же самое,
признав вину глобальной полиции в
том, что она не смогла предотвратить
разгул «элитных» криминалитета и
коррупции.

По мнению криминолога,
ипотечный кризис в США, ставший

спусковым механизмом глобального кризиса, есть не что иное, как преступление. Как ипотечное мошенничество в исполнении финансового истеблишмента. Длилось оно много лет подряд. Неслучайно ФБР после начала острой фазы кризиса арестовало 406 крупных финансистов и бизнесменов, работавших на ипотечном рынке.

— То есть в США реагировали крайне жестко, — говорит эксперт. — Там до сих пор ведутся расследования по «ипотечным делам».

В. Овчинский привел в пример труды американского экономиста

Рави Батра, еще в 1999-м и 2005-м обвинявшего в мошенничестве главу Федеральной резервной системы Алана Гринспена. Батр рисовал подробные схемы финансовых махинаций и предсказывал нынешний кризис. Вплоть до суда над Б. Мэдоффом (книги «Крах тысячелетия» и «Мошенничество Гринспена»). Мы можем дополнить список Овчинского трудами Ричарда Дункана, который еще в 2003-м указал на перспективы финансового краха, назвав эпицентром взрыва именно рынок недвижимости. Словом, картина повальной криминализации мировой экономической системы — налицо.

Очевидно, что финансисты могли творить свои преступления, пользуясь коррумпированностью властей разных стран. Включая и власть самых развитых и «демократических» государств. Очевидно, что главные виновники преступлений ответственности не понесли, по-прежнему оставаясь аристократией Запада. И выводы из этих обстоятельств каждый может сделать сам. Свои исследования В. Овчинский изложил в небольшой книге «Криминология кризиса» (М.: Норма, 2009).

Итак, кризис пришел надолго. Он отчетливо пахнет организованной преступностью «сливок»

капиталистического общества. Но какими будут — с криминальной точки зрения — последствия этой Великой рецессии? То, что «сливки» погреют руки на массивированной государственной помощи и увеличат свои богатства, используя новые преступные схемы в ходе кризиса, очевидно. Кроме того, нам крайне интересно все, что касается прежде всего РФ и постсоветского пространства.

К сожалению, пока РФ превращается в один из мировых эпицентров коррупции и преступности.

Преступность высшего общества

В январе 2010 года директор-исполнитель Управления Организации Объединенных Наций по наркотикам и преступности (ЮНОДК) Антонио Мария Коста сделал сенсационный доклад. Основываясь на данных из полутора десятков стран, многие крупные западные банки удержались на плаву в кризис благодаря отмыванию денег наркомафии. Как минимум — 259 млрд долларов.

Криминологи давно говорили о том, что банковская система всюю

«моет бабки» наркомафии. И в периоды расцвета экономики, и в кризисы. Джордж Сорос начинал свою карьеру тоже весьма своеобразно.

В Италии премьер Берлускони (сам полностью коррумпированный) начал натиск на мафию. Почему? В Италии банки перестали давать кредиты малому и среднему бизнесу. Их место тотчас заняла мафия. Она стала ссужать деньги в обмен на долю в бизнесе.

Берлускони столкнулся с угрозой потери реальной власти в стране. Теперь он пытается наносить тяжелые удары по каморре, одновременно вводя финансовые

льготы для поддержки малого и среднего бизнеса. Банкам предложено целый год не требовать долги по кредитам с малых и средних фирм (до 250 работающих, менее 50 млн евро оборота) в обмен на налоговые льготы со стороны государства и на ослабление резервных требований. (Бизнес выплачивает только проценты по ранее взятым кредитам.) При этом за решетку угодили 2/3 крестных отцов Италии, конфисковано свыше 4 млрд евро. Это касается только денег на счетах. Одновременно у мафиози конфисковано недвижимости на 6 млрд евро. Отобранные особняки не выставляются на аукционы, ибо

мафия их попросту скупит на псевдоконкурсах. Берлускони отдает конфискованные «домишки» в муниципальную собственность: под клубы, детские дома, разные учреждения, под полицейские участки.

Если добавить сюда настоящий «1937 год» против финансовых махинаторов, устроенный в США, когда наблюдаешь действия западных правительств против практики получения банкирами огромных бонусов, то видишь: власти Запада начали натиск на организованную преступность. Да, с оговорками – но начали. Они широко применяют конфискации собственности. Смысл

действий мафии – получение сверхприбылей за счет применения силы, за счет коррумпирования государства и его силовых структур. Когда государство конфискует мафиозное имущество, смысл оргпреступной деятельности теряется.

А что в РФ?

– В декабре 2003 года под видом либерализации уголовного законодательства в Российской Федерации институт конфискации в нашем уголовном праве уничтожили. Полностью! – рассказывает Владимир Овчинский. – Его полностью вычеркнули из Уголовного кодекса. Хотя выступает

господин Путин и говорит: мол, либерализацию проводим, смягчаем наказания для лиц, совершивших незначительные преступления. Но конфискация у нас применялась только для тех, кто совершил тяжкие и особо тяжкие преступления. К либерализации это никакого отношения не имело...

Обитель преступности

Итак, в то время, как власти США и Италии все-таки пытаются наступать на криминализованную «элиту», широко применяя конфискацию собственности, в РФ институт конфискации убирается из Уголовного кодекса. В то время, как в расплату за экономический кризис и финансовые махинации в Америке на скамью подсудимых отправляют более четырехсот финансистов и бизнесменов, в РФ — тишь да гладь. Ни одного олигарха под следствием не оказалось, топ-менеджеры — процветают. Система, пронизанная коррупцией и наворовавшая

несметные богатства, обеспечивает свои интересы.

— Записные либералы и демократы в Госдуме говорят нам: мол, конфискации — наследие сталинских времен, от него нужно отказываться, — рассказывает В. Овчинский. — Рассказали бы они подобное в Италии!

Нам говорят: дескать, убраны конфискации из УК, но зато остались в Уголовно-процессуальном кодексе. Мол, применяйте его.

Но позвольте: разве высшая власть в РФ не объявила о беспощадной борьбе с коррупцией? Разве конфискации не лишают смысла и коррупцию, и мафиозную

деятельность? Есть две основополагающие конвенции ООН против организованной преступности и коррупции, и они основываются именно на институте конфискации. Возвращение активов требуют ареста и конфискации имущества. А тут наш омбудсмен Владимир Лукин присылает в Конституционный Суд письмо с требованием исключить институт конфискации и из Уголовно-процессуального кодекса...

В 2006 году, при принятии Закона о противодействии терроризму, конфискацию вернули в УК, но в изуродованном виде...

В. Овчинский поведал, как в

2007 г. работал в межведомственной группе Виктора Иванова (бывшего замглавы Администрации Президента), разрабатывавшей нормативные акты по борьбе с коррупцией. Пакет законодательных предложений группа подготовила. Тогда же в РФ приехала комиссия Евросоюза, проверяющая применение европейских стандартов в борьбе с коррупцией. Тогда и был проведен анализ того, как конфискации в РФ применяются по коррупционным делам. Итак, в уголовных делах, где нанесенный государству ущерб оценили в 6 млрд рублей, имущества конфисковали... на 600 тыс. рублей. То есть около

20 тыс. долларов. Сравните это с конфискациями на 4 млрд евро в Италии. Ну, и кто сказал, что в РФ – жестокая чекистская диктатура? Прямо-таки КГБ-опричнина? Да по сравнению с нею гуманные европравительства – прямо-таки неограниченные тирании. Во всяком случае по отношению к коррупционерам и мафиози.

*Досье Максима
Калашникова*

*В «авторитарной» и
«кроваво-чекистской» РФ
не применяются многие*

*технологии активной
борьбы с коррупцией.*

*Например, в США
при Министерстве
юстиции существует
Комитет по контролю за
секретными операциями
(ККСО). Он курирует
тайные операции против
государственных
чиновников, существуя
параллельно с
соответствующим
комитетом в ФБР.*

*С помощью этих
структур агенты
правительства*

*предлагают взятки
судьям и госчиновникам в
Америке, вооружившись
звуковидеозаписывающей
аппаратурой. Таким
образом, коррупция
выявляется активно.*

*Где аналогичная
структура в РФ? Хотя
попытка ее создать
наверняка вызовет дикие
вопли отечественных
либералов о «новой
сталинщине». Но
подобные механизмы с
успехом может
применить новая русская*

опричина.

На Западе есть чему поучиться. Тамошние правительства развернули беспощадный натиск на офшоры – тихие гавани для ухода от уплаты налогов и для разнообразных экономических преступлений. Западники справедливо считают это «внеберезье» оплотом элитной преступности.

Одновременно в Германии, невзирая на вопли местных либералов

*и правозащитников,
Министерство финансов
нанимает хакеров для
вскрытия информации о
тайных счетах
германских граждан в
швейцарских банках.
Заплатив хакерам 4,5 млн
евро в начале 2008 года,
немецкое правительство
смогло завести 700
уголовных дел и взыскать
на 200 млн евро недоимок.
Как сообщает журнал
«Эксперт», действия
государства
поддерживают 57 %*

*опрошенных немецких
граждан.*

*Берлин готов
заплатить еще 2,5 млн
хакерам, чтобы вскрыть
информацию о счетах
еще полутора тысяч
немецких богачей,
скрывающих денежки в
Швейцарии.*

*Подтверждается
старая истина:
демократия и либерализм
на Западе кончаются
моментально, едва только
начинается серьезный
кризис. На Западе*

***быстренько
принимаются
действовать в духе 1937
года.***

***В РФ – ситуация
абсолютно
противоположная.***

Итак, в 1999 году Советом Европы создана ГРЕКО – группа государств, борющихся с коррупцией. На сегодня в ГРЕКО входят все страны Совета Европы, США, РФ – всего 46 стран. Так вот, ГРЕКО считает, что в законодательстве всех стран-участниц должна быть статья о конфискации имущества коррупционеров (как о виде

уголовного наказания). Кстати, в РФ конфискация имущества отменена (разве воровская «элита» будет действовать против самой себя?). В апреле 2008 года комиссия ГРЕКО, проанализировав антикоррупционную деятельность в России, рекомендовала не только вновь ввести конфискации имущества, но и применить в уголовном законодательстве страны норму «конфискации in rem», основанную на переносе бремени доказательства законности происхождения имущества, в отношении коего имеются подозрения в его коррупционном происхождении, на

заинтересованное лицо. Тем более что такая процедура применяется и в США, и в Великобритании.

Одним словом, здесь в борьбе с коррупцией отменяется принцип презумпции невиновности. Так же, как в случае борьбы с гитлеровскими агентами, бремя доказательства невиновности переносится на самого подозреваемого.

Естественно, в РФ всего этого нет и близко. По вполне понятным причинам: ибо тогда придется конфисковать собственность даже первых лиц. Ничего иного государство, представляющее из себя уголовную банду (с 1991 года), сделать не может. А потому все

разговоры о «чекистской диктатуре»
и «путинской опричнине» – пустой
треп.

Либерализация оргпреступности в РФ?

— Смотрите: с началом глобального кризиса лидер Франции Н. Саркози собирает свои правоохранительные органы и спрашивает у них: «Что вам нужно для борьбы с мафией?» — говорит В. Овчинский. — Во Франции вводятся драконовские антимафиозные законы. Создаются новые структуры по борьбе с оргпреступностью. В США на уровне собственно штатов создаются специальные бригады по борьбе с организованной преступностью.

Аналогичные структуры усиливаются в ФБР, пишется стратегия борьбы с международной ОП. Еще в правление Буша-младшего в 2008 году создается совет при президенте США по борьбе с организованной преступностью.

В Китае, где усиление борьбы с организованной и экономической преступностью началось одновременно с началом экономических реформ в 1978 году (спасибо мудрому Дэн Сяопину), есть криминальная разведка. Но начинается нынешний кризис — и китайцы удваивают численность соответствующих подразделений.

А в РФ 6 сентября 2008 года

Президент Медведев издает указ, ликвидирующий все подразделения МВД по борьбе с оргпреступностью. Как раз под кризис. Функции подразделений по борьбе с ОП переданы в уголовный розыск и структуры по борьбе с экономической преступностью.

Ровно 20 лет назад в МВД СССР было создано 6-е управление — именно для борьбы с оргпреступностью. Умные всегда понимали: ОП не сводится ни к «уголовке», ни к экономическим преступлениям. Уже тогда, в эпоху кооперативного движения, было понятно, что ОП не вписывается ни в компетенцию угро, ни в

компетенцию ОБХСС. Ибо ОП – это и убийства, и вымогательства, и коррупция, и отмыwanie денег, и экономический криминал. В 2008 году дело борьбы с оргпреступностью в стране отбросили сразу на двадцать лет назад! И это в период, когда в РФ буйным цветом расцвело рейдерство, торговля людьми, торговля человеческими органами, торговля детьми...

По словам В. Овчинского, угрозыск бессилён в борьбе с рейдерством, которое представляет вид специальных операций с коррумпированием всех, кого только можно. А взятие Барсукова-

Кумарина, главы питерской группировки «тамбовских», связанной со многими первыми лицами? Ведь министр Рашид Нургалиев лично руководил им. Он вообще всегда поддерживал подразделения по борьбе с ОП, разработал хорошую концепцию их развития.

И все это в один день ликвидировали. В части регионов уничтожены базы данных, кадры потеряны...

– Сегодня по многим регионам подобные структуры придется восстанавливать с нуля! – возмущен эксперт.

ДОСЬЕ МАКСИМА КАЛАШНИКОВА

**Возмущение
Владимира Семеновича
понятно. Но просто
восстановить УБОП – не
выход. В полностью
коррумпированном
государстве сами борцы с
оргпреступностью
коррумпировались. Давно
не секрет, что они сами
стали элементом
рейдерских операций,
часто работая по заказу.
Не секрет, что и они**

**занимались
вымогательством.**

**Просто власть в РФ
«либерально» пошла по
линии наименьшего
сопротивления.**

**Распустила структуру
вроде бы для борьбы с
коррупцией «силовики»,
при этом оставив
общество беззащитным
перед оргпреступностью,
рейдерством и
коррупцией.**

**Восстановить
реальные структуры
борьбы с ОП можно**

только в рамках проекта «Новая опричнина». И отбирать «волкодавов» для уничтожения ОП необходимо только с помощью новейших психотехнологий и психозондирования, полностью отсеивая мерзавцев, садистов и корыстолюбцев. Образно говоря, отбирая исключительно жегловых и шараповых. К сожалению, пока в верхах РФ никто так задачу не ставит.

Очевидно, что структура новой опричнины по борьбе с коррупцией и ОП должна действовать как внутри РФ, так и вне ее, совмещая в себе разведку и контрразведку, специальные операции и даже рейды спецназа за рубежом (как «Моссад» или НКВД), финансовую и криминальные разведки, структуры информационно-психологической борьбы...

«Борьба с коррупцией» в истинном свете

– Возьмем Национальный план противодействия коррупции в РФ, утвержденный в конце 2008 года, – продолжает В. Овчинский. – К чему свели всю борьбу с коррупцией? В плане нет ни слова о борьбе с ОП, хотя она и коррупция связаны неразрывно.

План принят в развитие конвенции ООН против коррупции. А эта конвенция – всего лишь вторая часть конвенции ООН по борьбе с организованной транснациональной преступностью! Сначала в 2000 году

приняли Палермскую конвенцию против международной ОП. Она состоит из нескольких частей: борьба с оргпреступностью, борьба с коррупцией, борьба с «отмыванием» криминальных денег, борьба за возвращение активов. Последняя часть (про активы) детализирована конвенцией ООН против коррупции.

Так вот: в российском Национальном плане даже не употребляется словосочетание «организованная преступность» и ничего не говорится о возвращении активов. Говорится только о правовой пропаганде, о профилактике, о создании образа недопустимости коррупции и проч.

И — о декларировании доходов чиновников. Сейчас у нас кадровые службы всех госорганов просто завалены декларациями о доходах. Но такие декларации нужны лишь тогда, когда действует правовой институт незаконного обогащения, предусмотренный конвенцией ООН против коррупции.

Если есть закон против незаконного обогащения, то государство может спросить у чиновника с годовым доходом в 30 тыс. долларов: «Откуда у тебя 3 млн долларов, что ты потратил на покупку особняка, машины, яхты? Почему ваши дети совершают такие дорогие покупки?» Такого чиновника

вызывают в СЛЕДСТВЕННЫЕ органы и задают вопросы о происхождении потраченных денег. «Вам кто-то подарил эти деньги? Вы продали какие-то семейные ценности?» – «Нет», – ответил. Против чиновника возбуждается уголовное дело, у него конфискуется это имущество, с него взимают штраф. И еще хорошо, если свободы не лишают.

Но в РФ, когда ратифицировали конвенцию ООН против коррупции, сделали оговорку: ратифицируем ее, кроме статьи о незаконном обогащении.

Так что теперь все эти декларации, подаваемые

чиновниками — чистой воды профанация. Вся эта деятельность никому не нужна. Даже зная, что у чиновника со скромной зарплатой есть собственность на миллионы долларов, вы ничего не можете с ним сделать. Нет никакого правового института воздействия.

Он приводит информацию о реальных доходах наших чиновников. В 2008 году налоговая служба Великобритании в официальном отчете объявила: только в Лондоне 300 тыс. граждан РФ имеют собственность не менее млн фунтов стерлингов на каждого. Конечно, в числе этих трехсот тысяч «лондонградцев» — тьма подставных

лиц, но это дела ее меняет. То есть из страны буквально высосали 300 млрд фунтов (около полутриллиона долларов) и вкачали их в экономику Англии. Это – буквально вампиризм, разорение Российской Федерации. Вот где оказались непостроенные новые заводы и школы, куда ушли деньги, нужные для вузов и ученых, обороны и поддержки деторождения в русской среде.

Маразм, переходящий в агонию

Проеденная коррупцией государственная машина РФ впадает в маразм и начинает работать на разрушение страны. МВД, превратившееся в вещь для самой себя и не защищающее граждан — первый пример. Второй — совершенно выродившаяся пенитенциарная система РФ, на глазах становящаяся машиной по перемалыванию народа и озлоблению масс. Машиной террора криминального госаппарата, используемого для личного

обогащения зоотюремного начальства.

— Я очень боюсь реформы системы исполнения наказаний, проталкиваемой главами Минюста и Федеральной службы исполнения наказаний (ФСИН), — говорит В. Овчинский.

Предлагается уничтожить систему исправительно-трудовых колоний, отправив тех, кто совершил преступления по неосторожности в колонии-поселения. (В советские времена это называлось «химией».) А тех, кто осужден за тяжкие и особо тяжкие преступления — сажать в тюрьмы (по двое — в камеру). Сегодня в РФ — около 900 тыс.

осужденных. А тюрем – всего 7 (все еще царской постройки), где сидят 3 тысячи. Как горько пошутил В. Овчинский, для осуществления этой реформы придется строить не футуро-полисы, а тюрьмополисы на 400–500 тысяч сидельцев. На постройку примерно пятисот-шестисот тюрем уйдут огромные средства и лет десять. Тут же – распилы и откаты. При этом тюрьма (см. американские фильмы) совсем не гуманнее советской «зоны».

– При этом сама система исполнения наказаний в РФ погрязла в садизме и коррупции. Такого в 1937-м и близко не было, – рассказывает Владимир Семенович.

Он сообщил последние (на конец февраля 2010 года) новости из ФСИН. В Петербурге и Ленобласти под следствие отправлены 13 руководителей управления Службы исполнения наказаний. Они лично избивали, пытали и насиловали людей, снимая все это на видео. Потом они показывали эти кадры родственникам несчастных, требуя от них денег и перевода имущества (машин и квартир). Мол, не хотите, чтобы мы пытали ваших близких — платите, откупайтесь.

Подобное дело «раскручивается» по Челябинской области. Там «фсиновцы», перепившись, устроили избиение

людей, прибывших на пересылку. Сразу погибли пятеро осужденных, чуть позже – скончались другие. Всего – 12 душ. Начальник местного ГУ ФСИН пробовал представить дело как подавление бунта заключенных. Первая же проверка вскрыла это чудовищное преступление. Арестовано все руководство ГУ ФСИН по Челябинской области. Всего «фсиновцев» арестовывают в десяти регионах, причем делают это Следственный комитет, МВД и ФСБ.

Таким образом, коррупция госаппарата и «элиты» привела к превращению пенитенциарной системы в садистско-

вымогательскую машину. Вместо того, считает В. Овчинский, чтобы наводить элементарный порядок в своей епархии, руководство ФСИН проталкивает грандиозный «тюрьмострой». Система, таким образом, начинает работать на озлобление общества и на развал страны.

Из той же оперы – и затеянная реформа МВД. Вместо того чтобы начать с создания независимой системы регистрации заявлений граждан, упраздняются транспортная милиция и охрана режимных объектов. Это означает, что транспорт остается без защиты (упразднен введенный еще при царе

линейный принцип охраны порядка на транспорте), равно как и закрытые города ВПК. Все передается местным органам МВД. А «умники» из Института современного развития (ИНСОР) вообще предлагают децентрализовать МВД, фактически открыв дорогу региональному сепаратизму.

И это – в условиях острейшего системного кризиса мирового масштаба, принимающего в РФ особо обостренные формы. Чем это пахнет, пояснять не надо.

Заключение

Итак, мы обрисовали основные черты нынешнего системного кризиса РФ и опричный принцип возможного выхода из него. Историческая опричнина в России была жестокой и болезненной. Однако мы старались показать, что, вопреки мифам и стереотипам русофобского и самоедского характера, она вела к исцелению страны, ее оздоровлению. Историки будут еще долго дискутировать на эту тему. Но жизненная задача в другом — лучшим оправданием принципа опричнины станет его возрождение и

раскрытие на новом уровне уже в XXI веке.

Мы рассказали о деградации власти, о ее нежелании бороться с коррупцией (что само по себе хоронит будущее страны), о криминальном кризисе и самоубийственных «реформах». Но если вспомнить серию остальных семинаров в ИДК, то можно видеть: мы столкнулись (см. семинар И. Сундиева в Приложении) с угрозой полного распада общества РФ, где молодежи мало, она обездолена, неконкурентоспособна, неквалифицирована и расколота на отчетливо разрушительные, ненавидящие друг друга

группировки. Другие семинары показали, что в РФ глухо блокирована возможность новой индустриализации и инновационного развития, — хотя только они могут спасти страну от бесславного краха (см. семинар по инновациям в Приложении). Добавим к этому прогрессирующий износ основных фондов, тяжелейшие проблемы в нефте— и газодобыче, энергетике, явные управленческий дефолт в государстве и бизнесе. Налицо — отчетливая угроза крушения Российской Федерации в течение 2010-х годов.

Вывод напрашивается сам собой: спасти *Русскую цивилизацию*

может только чрезвычайный рывок, создание «исторической чрезвычайки» – новой опричнины. Слишком глубоко зашли процессы деградации нашего общества. Более того, поскольку весь мир в кризисе, поскольку и США придется претерпеть болезненную трансформацию, то впереди – настоящая гонка. Кто первым создаст свою, эффективно действующую «опричнину»?

РФ в ее нынешнем виде нежизнеспособна (криминальная «элита» создала в результате акта государственной измены в декабре 1991 года отчетливо коррупционное, мародерское государство). Нам

очевидно: либо страна спасется с помощью опричной «чрезвычайки», либо последует ее быстрая агония. Система уже начинает предпринимать «реформы», до боли похожие на горбачевское саморазрушение.

Конечно, мы не дали ответов на все вопросы. Кто и как будет устанавливать новую опричнину? Как станут работать ее важнейшие органы?

Этим коллективным трудом мы рассчитываем обозначить поле равнодушия, «поле боли» за Россию, которое должно объединить многих. Нужно спешить: грозные события надвигаются на нас

неотвратно и неумолимо.

Мы — в точке выбора своей
дальнейшей судьбы.

Приложение. На круглых столах ИДК

Сжатие инновационных циклов – вопрос национального выживания: меморандум Института динамического консерватизма

10 июня 2009 года в Институте динамического консерватизма состоялась экспертная встреча практиков-инноваторов и ученых на тему: «Реальные инновации и их имитации в России». С главными докладами выступили профессор **Анатолий Сергеевич БореЙшо**, заведующий кафедрой Балтийского

государственного технического
университета «ВОЕНМЕХ»,
профессор **Георгий Геннадиевич
Малинецкий**, замдиректора
Института прикладной математики
РАН, профессор **Андрей Ильич
Фурсов**, директор Центра русских
исследований Московского
гуманитарного университета.

В экспертной встрече также
приняли участие: директор
Института динамического
консерватизма **В. В. Аверьянов**, ген.
директор Фонда содействия
инновационной деятельности
высшей школы **Г. Г. Андреев**, д-р тех.
наук, заслуженный деятель науки РФ
Б. А. Виноградов, главный советник

референтуры Президента РФ
Д. Г. Когатько, директор по
программам Института
динамического консерватизма
М. В. Демулин, писатель-футуролог
Максим Калашников, председатель
правления Института динамического
консерватизма **А. Б. Кобяков**, зав.
каф. Академии им. Петра Великого
В. Г. Пальмов, исполнительный
директор группы ОНЭКСИМ по
инновациям **М. Б. Рогачев**,
начальник управления по технико-
внедренческим зонам РосАЭЗ
Г. А. Сарычев, бывший заместитель
начальника Шестого управления
КГБ СССР **Н. А. Шам**, директор
Экспертно-аналитического центра

Роснауки **Э. Н. Яковлев** и др.

По итогам встречи решено создать в качестве независимой общественной инициативы Инновационный экспертный комитет (ИЭК) и составлен нижеследующий меморандум.

* * *

Полностью разделяя позицию высшей власти о безальтернативности инновационной модели развития РФ, мы с тревогой отмечаем, что наша страна не только не переходит на инновационный путь развития, но и откатывается назад.

По данным отчета Global Competitiveness Report в 2002 году, Россия с точки зрения технологической готовности к инновациям находилась на 69-м месте – после Перу и Кении (лидеры списка – Израиль, США и Финляндия), а в 2008 уже на 72-м месте – после Тринидада и Тобаго и Ботсваны (лидеры списка – Швеция, Исландия и Швейцария).

Инновационная активность предприятий в Португалии (26 %) и Греции (29 %), которые замыкают рейтинг **Европейского союза**, показывает в сравнение с Россией разрыв в 4–5 раз. Что касается Австрии (67 %), Германии (69 %),

Дании (71 %) и Ирландии (79 %), то этот разрыв превышает 10–12 раз.

В целом инновационная составляющая в ВВП России занимает лишь 5–5,5 %, тогда как в других развитых странах эта цифра достигает 30 %. По совокупности же основных инновационных показателей наша экономика в 181 раз менее эффективна, чем экономика Британии, в 139 раз менее эффективна, чем итальянская экономика, и в 137 раз менее эффективна, чем финская.

В развитие инноваций в 2008 году было выделено около 1,3 трлн рублей, из которых 945 млрд рублей – из госбюджета. В стране действует

более 4 000 научно-исследовательских институтов и около 40 тыс. инновационных компаний. Ежегодно **Роспатент** выдает 30 тыс. заявок на изобретения (тогда как в советские времена – 70 тыс.).

Инновации не востребованы бизнесом. Используется лишь 8–10 % инновационных идей и проектов (в США – 62 %, в Японии – 95 %). Более 70 % всех изобретений нацелено на поддержание или незначительное усовершенствование существующих, в основном устаревших видов техники и технологий. Только 1/3 создаваемых образцов новых типов машин и

оборудования обладает охранными документами на промышленную собственность, 75 % не имеют сертификатов качества и безопасности.

Кредитные ресурсы используются неэффективно. Большая часть полученных банковских кредитов направляется на краткосрочные финансовые вложения. Примерно 2/3 предприятий продолжают «проедать» капитал в основном вследствие нецелевого использования амортизации и низкого объема инвестиций.

Лишь 10–15 % руководителей российских предприятий уделяют

внимание модернизации. Остальные 85 % ждут роста цен на сырье без каких-либо инновационных идей, надеясь вернуться к пассивному «снятию сливок».

Россия, имея очевидные конкурентные преимущества, состоящие не только в природных богатствах и многоотраслевой промышленности, но и в имеющемся научно-техническом потенциале и квалифицированных кадрах, располагая крупной научной базой (12 % от числа ученых во всем мире), на мировом рынке гражданской наукоемкой продукции имеет долю лишь в 0,3 %.

Как недавно отметил Президент РФ Д. А. Медведев, у нас реально создаются не бизнес-инкубаторы, технопарки и технополисы (добавим сюда и нанотехнологии), а только имитирующие их прожекты. Все это грозит России необратимым отставанием, полной потерей конкурентоспособности, а в перспективе — и утратой суверенитета. Восстановление и модернизация промышленности, создание центров опережающего развития и научно-технических заделов на ключевых направлениях требуют стратегических решений.

При огромных расстояниях и суровых природных условиях нашей страны только внедрение открытий и изобретений позволит РФ выжить и обрести конкурентоспособность. А продолжение движения по пути сырьевой экономики – верная дорога в пропасть. США уже поставили цель: к 2050 году получать с помощью солнечных батарей 69 % потребляемой электроэнергии и 35 % тепла. Это – приговор нынешней нефтегазовой РФ.

Стране жизненно важно перейти в новый технологический уклад. То есть к развитию нанотехнологий (а вернее – нанонауки и наноинженерии),

систем с искусственным интеллектом, новой (неуглеводородной) энергетики, высоких биотехнологий. Новый уклад – это новая медицина и новое природопользование. В рамках нового уклада будут развиваться проектирование будущего, высокие социогуманитарные технологии, технологии сборки и уничтожения общественных субъектов.

* * *

Причин напряженного положения с переходом РФ на инновационные рельсы развития

много. Сказывается неуспех реформ, приведших к созданию примитивизированной, сырьевой экономики, в которой нет спроса на инновации. Создано своеобразное бизнес-сообщество, имеющее ярко выраженный «присваивающий» характер и враждебное инновациям по природе. Разрушено важнейшее звено инновационной экономики — прикладная наука. В ряде случаев устарели прежние формы организации инновационных разработок и их внедрения, наблюдается чрезмерный бюрократизм в работе государственных корпораций и т. д. Кредитная, налоговая,

административная политика в РФ во многих моментах подрывают инновации. Наконец, разрушена основа основ здоровой экономики – этика честного и упорного труда. Утрачена его ценность.

* * *

Считаем, что сегодня проблема не решается простым вливанием бюджетных денег в имеющиеся научные структуры и госкорпорации. Нужно создать новую, адекватную нашим специфическим условиям организацию инновационного процесса, отечественную

национальную инновационную систему.

С чего начать?

На сегодня есть, на наш взгляд, три главных блока проблем.

Нарастают проблемы в сфере образования. Не секрет, что во многих ведущих вузах нашей страны уже не «отцы учат детей, а деды и прадеды учат внуков и правнуков». Нынешняя система образования не только не отвечает современным требованиям новой экономики и новой науки, она приведет к провалу, в том числе и выполнение Концепции-2020, закрепит отставание страны. В этом направлении нужны не многолетние

эксперименты, подобные ЕГЭ, а глубокие структурные, институциональные и содержательные преобразования от школы до РАН. «Первый народ тот, у которого лучше школы; если он не первый сегодня, то будет первым завтра» (из циркулярного Указа Святейшего Синода Русской православной церкви духовенству, 1875 год).

Второй блок проблем связан с отсутствием системного подхода и размытостью ответственности в государственном управлении инновациями. Понятно желание вести работу по широкому фронту, но, на наш взгляд, государству

необходимо определить все-таки главные векторы развития, например, оборонно-промышленный комплекс, продукция которого связана с наукоемкими двойными технологиями и решением ключевой задачи — обеспечением национальной безопасности. Должен быть единый орган управления, выступающий стимулирующим опекуном перспективных инноваций, служащих основой для новых видов бизнеса. Нужен центр, преобразующий в равноправное партнерство нынешние хозяйско-холопские отношения государства и инновационного бизнеса.

Третий блок проблем связан с

тем, что, во-первых, в РФ из-за гипертрофированного развития ее сырьевого сектора, разрушения многих наукоемких отраслей промышленности нет спроса на пионерные разработки; во-вторых, налицо явная недостаточность рыночных (венчурных) механизмов финансирования и поддержки инновационного процесса; в-третьих, отсутствие стратегического видения, делового творческого подхода, страх перед рисками и эгоизм отечественного бизнеса приводит к тому, что готовые изделия и технологии покупают за рубежом, а время и силы на доведение более перспективных отечественных

разработок до стадии внедрения в экономику тратить не желают.

На фоне реальных инноваций в сфере техники и технологии, связанных с решением экономических и военных задач, особо выделяется и требует государственного внимания область знаний и инноваций в сфере «духа», гуманитарного и социального знания. На сегодня многие из отраслей науки в этой сфере страдают от накопившихся фальсификаций и морально устаревают. Между тем парадигмы, заложенные в гуманитарных и социальных науках, определяют структуру мышления,

«форматируют» мозги, не говоря уже об огромном политическом и идеологическом их влиянии, которое очевидно. Тема «гуманитарных инноваций» (условно включая в них и область социального знания) представляется крайне важной, особенно учитывая их ключевую роль в новом («шестом») технологическом укладе, который формируется в XXI веке. У нас нет адекватной информационной картины современного мира, а многие из теорий и концепций традиционных наук уже не отвечают реальности. Нам необходима принципиально новая наука об обществе, нужны

социогуманитарные технологии, которые опишут современную реальность адекватно, нужно создать систему знания о своем обществе, а уже через нее и на ее основе – науку о других обществах, в первую очередь современную науку о Западе и о Китае. За знанием и пониманием следуют технологии сборки и разрушения социальных субъектов (разрушение СССР – яркий пример применения таких технологий), а также технологий защиты социальных субъектов, их самосохранения и саморазвития.

* * *

Инновационная модернизация, о которой сейчас стали говорить, нужна была еще вчера. Но сегодня она становится просто вынужденно необходимой для России в условиях кризиса, содержание и масштаб которого являются элементом гораздо более значимых и масштабных перемен, чем чисто экономические и краткосрочные. Вопреки принятым ныне официальным умиротворяющим интонациям, Россия пока одна из главных и наиболее страдающих жертв кризиса, тогда как у него есть и свои выгодоприобретатели (по прогнозу **МВФ**, ВВП России в 2009 году сократится на 6 %, тогда как

мировой ВВП всего на 1,3 %, а ВВП Китая не сократится, а вырастет в этом году на 6,5 %). Главное сегодня — сжать время, превратив годы в месяцы и даже в недели. Россия и так потеряла слишком много времени, пока Запад, Китай, Индия и Бразилия шли вперед. Сегодня в развитом мире время от стадии научных разработок до стадии серийного производства сокращается стремительно, процесс становится молниеносным. Тогда как в РФ все по-прежнему затягивается на годы бесплодных «боданий» инноваторов с бюрократией и узколобым частным бизнесом. Кроме того, наш народ устал от двадцатилетней

«демобилизации»: ему нужны новые великие победы страны, причем именно на инновационном фронте. Прорывы в этой области воодушевят нацию, приведут к тому, что она воспрянет духом.

* * *

В качестве первоочередных участниками экспертной встречи формулировались концептуальные предложения по основным блокам проблем:

- 1) по формированию системы подготовки и закрепления кадров для ОПК;

2) по созданию современной системы подготовки научных и инженерных кадров;

3) по функционально-целевому преобразованию структуры **Правительства РФ**, в том числе по созданию системы госуправления инновациями в военной (оборонной) сфере по аналогии с такими зарубежными корпорациями, как американская DARPA и германская DRL.

Мы готовы к диалогу с любыми властными и интеллектуальными структурами, реально заинтересованными в том, чтобы наша страна прошла кризис максимально быстро и с

минимальными потерями. Мы готовы в этой связи делиться имеющимися у нас идеями и разработками, нацеленными на построение России как инновационной державы, а также участвовать в создании новых.

Главным итогом нашей встречи является решение о проведении регулярных экспертных заседаний в формате общественного Инновационного экспертного комитета (ИЭК), на которые будут приглашаться лучшие умы научной и технократической общественности. Его задачи:

— альтернативная экспертиза инновационной активности,

госполитики и политики частных корпораций в инновационной сфере, в том числе подготовка и донесение до государства и общества докладов о состоянии дел в инновационной сфере;

— выработка предложений власти и обществу, содействие всем, кто заинтересован в выходе России в число ведущих инновационных стран;

— формирование группы поддержки реальных инноваций.

Заседания будут проводиться как в Институте динамического консерватизма, так и на площадках организаций-партнеров. Важнейшие материалы экспертных встреч и

меморандумы ИЭК будут
обнародоваться с целью привлечения
внимания всех неравнодушных сил в
российском обществе.

Георгий Малинецкий.

Доклад о перспективах РФ

Альтернативой ускоренному инновационному развитию страны может быть только ее распад. Если мы не переломим нынешних тенденций, по колеям которых скользит Российская Федерация, нас уже ничто не спасет. РФ не сможет быть даже сырьевым придатком развитого мира.

Такова главная мысль доклада Георгия Малинецкого. Он так и называется: «Инновация – последняя надежда России». Сделанный на семинаре Института динамического

консерватизма в мае 2009 года доклад произвел эффект разорвавшейся бомбы.

Какие же вызовы стоят перед нами и какие задачи придется решать нашему народу?

Стратегия нацбезопасности принята. Что дальше?

– 26 мая 2009 года Президент РФ Дмитрий Медведев подписал новую Стратегию национальной безопасности, – говорит профессор Малинецкий. – В ней впервые появились слова о том, что

государство должно обеспечить гражданам комфортное жилье, впервые появились положения о духовной и информационной безопасности страны. Грубо говоря, это — идеология газеты «Завтра», прочтенной с запозданием в пять лет. Лаг, конечно, великоват, но прогресс налицо: восторжествовала именно «завтрашняя» логика. Правда, без конкретных цифр, но не будем слишком привередливыми.

Дмитрий Анатольевич Медведев обозначил новые рубежи в политике: «Главная задача государственного аппарата и элиты России — эффективное управление страной в существующих границах». Многим

поставленная цель покажется скромной. Но это совершенно не так! Увы, от выполнения этой задачи зависит и ответ на вопрос: будет ли РФ существовать через десять лет? Утвердительный ответ, к сожалению, сегодня неочевиден...

Исследователь считает: поскольку русское общество — традиционно, то стоит вспомнить два изречения Конфуция. Вот они...

«Как служить государю? Не лги и не давай ему покоя».

«В государстве должно быть достаточно пищи, должно быть достаточно оружия и народ должен доверять правителю. Можно отказаться от оружия. Можно

отказаться от пищи. С древних времен еще никто не мог избежать смерти. Но без доверия народа государство не сможет устоять...»

Сегодня, по мнению ученого, Россия находится в критическом положении. Армии у нас уже нет: операция по принуждению Грузии к миру в августе 2008-го это ярко показала.

Обрабатывающая промышленность РФ – в упадке. В изрядной мере развалено сельское хозяйство.

Единственный спасительный ресурс, который остался у нас – «изменение умов», если говорить языком Конфуция. Все техническое – второстепенно. «Если мы будем и дальше мыслить так, как

мыслили до сих пор, у нас нет ни малейшего шанса на выживание!» — убежден Г. Малинецкий.

Альтернативы инновационному пути развития страны действительно нет. РФ отстает от прочего мира катастрофически: она двадцать лет стояла на месте, пока остальные развивались. В нынешней парадигме сырьевого «развития» и в условиях глобализации страна полностью неконкурентоспособна.

В подтверждение Георгий Малинецкий продемонстрировал январскую температурную (изотермическую) карту СССР. По ней видно, что две трети территории РФ — вечная мерзлота и суровые холода зимой. А

самые теплые регионы теперь – в большинстве своем стали другими государствами (см. иллюстрацию 1).

– Карта показывает: мы в сложившейся системе в принципе не можем быть конкурентоспособными, – доказывает профессор. – Ни при каком раскладе. У нас из-за природно-климатических условий – весьма дорогая рабочая сила, каковую надо хорошо кормить, обогревать и тепло одевать. У нас – неизбежно дорогое жилье. В условиях глобализации (свободного потока идей, людей, капиталов, товаров и информации) Россия ни при каких условиях не выживает. Ни

о каких отечественных «боингах» и речи быть не может...

По мнению Георгия Геннадиевича, положение, при котором Российская Федерация, производя всего 1 % глобального валового продукта, владеет 30 % всех мировых богатств, не вечно. «Подобные страны долго не живут!» – говорит ученый.

Время не умных, а сильных

Американцы не скрывают правды: сегодня идет борьба не стран, а цивилизаций. Наступило

время не умных, а сильных. Посмотрим на представленные в докладе красноречивые диаграммы.

– В 1980 году Советский Союз по объему своего ВВП равнялся шести Китаям. Сейчас Российская Федерация – это одна пятая КНР (см. иллюстрацию 2). То есть по отношению к Китаю мы ужались в тридцать крат. А население? Наша демографическая слабость будет сказываться еще два поколения. Целых два поколения должны прилагать сверхусилия, чтобы спасти страну. Это крайне сложная управленческая задача (см. иллюстрацию 3). Она сложнее той, что стояла перед поколением

победителей во Второй мировой, — заявляет Георгий Малинецкий.

Положение продолжает усугубляться в ходе нынешнего мирового экономического кризиса. Китай продолжает свой рост, а РФ «проседает» очень сильно, уступая сомнительную пальму первенства лишь Японии. Продовольствие в России дорожает намного более стремительно, чем на Западе.

Как считает заместитель директора ИПМ РАН, мы проходим кризис наихудшим образом из всех возможных. Кризис в верхах рассматривают, как какое-то стихийное бедствие, а единственную надежду видят в том, чтобы

дождаться благоприятной конъюнктуры на мировых рынках сырья. Пожалуй, самая важная инновация для РФ сегодня заключается в том, чтобы научить нашу элиту таблице умножения. Чтобы достигнуть подобия макроэкономической стабилизации, правительство истратило 200 млрд долларов, треть финансовых резервов страны. И все равно безработица к концу 2009-го ожидается на уровне 10 млн человек. Но на эти же 200 млрд можно было создать 10 млн рабочих мест со средней зарплатой в 20 тыс. рублей, причем на три года.

На кризис экономический наслаивается кризис

демографический. Парадокс: но социально-экономическая система в РФ такова, что наши граждане живут в среднем на 10 лет меньше, чем должны были бы жить при существующем уровне ВВП на душу населения. Россия здесь выбивается из глобального графика, показывающего зависимость средней продолжительности жизни от ВВП per capita (см. иллюстрацию 4).

Не менее страшен график, показывающий разрыв в продолжительности жизни между мужчинами и женщинами в РФ (см. иллюстрацию 5). Как видите, разница нарастает всплесками во время войн. Явственно видны пик

Первой мировой и Гражданской войн, второй пик – период Великой Отечественной. А вот и третий пик: распад СССР и дальнейшие «реформы». Как видите, показатели мужской смертности в РФ сегодня – на уровне Второй мировой. Как считает профессор Малинецкий, это – показатель того, что в нашем обществе идет «холодная гражданская война».

– Если все останется так, как есть, то Российская Федерация к 2030 году развалится без всякого нападения внешнего врага, без ввода чужих войск на нашу территорию. Предлагаю вашему вниманию карту такого распада (см. иллюстрацию 6).

Цифрой 1 обозначена территория, попадающая под контроль США, цифрой 4 – земли, отходящие Китаю. Между 1 и 4 – спорная территория, обозначенная цифрой 3. Цифрой 2 – зона Японии. Цифрой 6 обозначены мусульманские анклав. Карелия (цифра 5) отходит к Финляндии. Таковы результаты моделирования, проведенного в нашем институте, – говорит Г. Малинецкий.

Чтобы спастись, нам необходимо срочно переходить на режим форсированного инновационного развития. Но, увы, пока это невозможно – ибо действуют несколько пагубных факторов...

Советское наследие уже проедено, но распад СССР еще продолжается

В принципе, мы пожинаем сегодня плоды разрушения Советского Союза и остановки нашего развития на целых двадцать лет. Те же губительные факторы, что развалили Союз, продолжают действовать и поныне, не давая России развиваться. Всего Георгий Малинецкий выделяет семь таких факторов.

- Уничтожение смыслов и ценностей.
- Отказ от государственного

планирования и целеполагания.

- «Шизофренизация»

руководства.

- Привязка к Западу.
- Переход от работы к имитации

деятельности.

- Опора на криминалитет.

- Уничтожение личной

ответственности.

— Никаких тайных технологий, никаких суперкомпьютеров не применяли! — убежден

исследователь. — Все принципиально просто. Сначала вывалили в грязи все святое и героическое, что было в стране, объявили ее историю помойной ямой. Потом сломали всякое планирование и

целеполагание в деятельности государства. Одновременно пустили в ход эффект «шизофренизации»: это когда часть элиты делает одно, а другая часть — совершенно противоположное, дискредитируя первую часть элиты.

Примеров шизофренизации полным-полно и в нынешней РФ. Например, Стратегия национальной безопасности и уточненный бюджет-2009 противоречат друг другу. А до кризиса бюджеты противоречили программным выступлениям первых лиц государства, излагавших планы борьбы с демографическим кризисом, инновационного развития

страны и т. д. Типичный пример «раздвоения сознания» — когда нынешний глава министерства образования и науки А. Фурсенко говорит о том, что образование у нас плохое, а министерство работает из рук вон плохо.

В обстановке шизофренизации и отказа от целеполагания работа в элите заменяется на бурную имитацию деятельности, реальные достижения заменяются на пропагандистские фанфары и телевизионные картинки. Все время что-нибудь реформируют и перестраивают, толком не добившись нормального результата от вчерашних преобразований. При этом

руководители не несут никакой личной ответственности за провалы. Помните черномырдинское — «Хотели, как лучше, а получилось, как всегда»? В РФ некоторые руководители, наломав множество дров и нанеся громадный ущерб стране, все равно остаются в элите. Можно напомнить недоуменный вопрос премьера Путина в Пикалево: «А почему за то, что случилось, никого не посадили? Посадки-то где?» Нет их — ибо безответственность стала законом нашей жизни.

И, наконец, была сделана ставка на криминалитет. Наша элита обогащалась преступными методами.

Криминалитет поддержал Ельцина. И сегодня все криминализировано, все стоит на взятках, казнокрадстве, правовом нигилизме сильных мира сего, — поясняет Георгий Геннадиевич.

Итак, факторы-убийцы продолжают действовать. И это происходит на фоне потери Россией советского наследства. По словам Г. Малинецкого (а его ИПМ занимался ключевыми технологиями, поднявшими нашу страну на пьедестал сверхдержавы в XX веке), козырными технологиями СССР выступали:

- Ядерное оружие.
- Космические технологии.

- Надежные шифры.

В XXI столетии, в дополнение к этим «кольцам всевластия», добавляются новые:

- Проектирование будущего.
- Высокие гуманитарные технологии.
- Технологии сборки и уничтожения социальных субъектов.

— Что происходит сейчас? — рассказывает ученый. — Мы на сегодня потеряли советское наследие, а новыми козырными технологиями в РФ толком не занимаются. Ядерное оружие — уже не козырь для России. Не так давно знаменитый Збигнев Бжезинский высказался примерно так: Россия

может иметь сколько угодно ядерных чемоданчиков и ядерных кнопок, но поскольку 500 млрд долларов российской элиты лежат в наших банках, вы еще разберитесь: это ваша элита или уже наша? «Я не вижу ни одной ситуации, при которой Россия воспользуется своим ядерным потенциалом», — съязвил Бжезинский.

Что касается космических технологий, тут все очевидно. Наша космическая промышленность — в упадке, у РФ вот уже 17 лет нет систем, работающих в дальнем космосе.

Шифры? Тоже потеряно ой как много. Нас уже насквозь

«просматривают», читают, как открытую книгу. Мы знаем, что ряд наших офицеров в августе 2008 года в режиме реального времени сливали информацию и в Вашингтон, и в Тбилиси.

Словом, прежние козырные технологии ослабли, а разработкой новых РФ реально не занимается...

— Казалось бы, каждое действие нашего правительства должно опираться на передовые инновации, разрывающие тесный круг кризиса и безысходности, дающее новые пространства свободы, — продолжает Георгий Геннадиевич. — А что мы видим в реальности? Кризис только усугубляется.

Вот министр обороны А. Сердюков проводит военную реформу.

Ее основные планы таковы:

Будет сокращено около 200 тыс. офицеров и 150 тыс. прапорщиков и мичманов.

Виды вооруженных сил (кол-во частей)	2008	2012
Сухопутные войска	1890	172
Военно-воздушные силы	340	180
Военно-морской флот	240	123
Ракетные войска стратегического назначения	12	8
Воздушно-десантные войска	6	5
Космические войска	7	6

То есть сухопутные войска сокращаются в десять раз, ВВС и ВМФ – вдвое. А как мы после такой реформы будем держать границу? Где те самые инновационные технологии

оборонно-промышленного комплекса (ОПК), которые позволят решить эту задачу после таких сокращений? К сожалению, все предложения нашей организации по модернизации ОПК, которые позволили бы хоть как-то обеспечить обороноспособность страны после сердюковского разгрома, пока блокируются. Нам отвечают: вот сначала реформируем армию, а потом будем читать ваши бумаги...

США уходят в отрыв

А параллельно в США военный бюджет нарастили до астрономических размеров. Оборона

в Америке выступает как мощный мотор инновационного развития. Все прорывные инновации финансировались и финансируются прежде всего из военного бюджета. Все – включая продукцию Билла Гейтса. Весь космос был отработан не на частные инвестиции, а на деньги государства. Частный бизнес пришел сюда потом. То же самое касается большой химии, компьютеров, Интернета: все это было вброшено в реальность с помощью государства, а не частного бизнеса – последний только потом все это коммерциализовал. Агентство передовых разработок Пентагона, DARPA – одна из

важнейших структур американской экономики.

— Посмотрите на размеры бюджетных ассигнований на оборону: цифры несколько устарели, но общий табель о рангах сохранился, — поясняет Г. Малинецкий. — РФ занимает «почетное место» между Италией и Южной Кореей (см. иллюстрацию 7). А сейчас, в ходе кризиса, положение с финансированием обороны в РФ ухудшается. Вот нетривиальная задача: как при таких расходах сохранить обороноспособность? Военные НИОКР (научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы) в

Соединенных Штатах примерно в сотню раз больше, чем у нас. Ладно, если бы в десять раз — в этих условиях можно хоть как-то соревноваться. А когда превосходство доходит до сотни крат — тут получается, как в поговорке: против лома нет приема. Интересно, как мы собираемся обеспечить национальную безопасность?

Тут, по мнению исследователя, нужны самые смелые инновации, революционные прорывы в военном деле. Но где они в РФ?

— Американцы уже через неправительственную организацию вбросили в сознание миф о дешевой ядерной войне. Предложили нанести

удары всего по двенадцати экономическим объектам в РФ. Ибо, если армия России уже небоеспособна, достаточно уничтожить ее промышленность, — говорит Георгий Геннадиевич. — Экономия налицо: при Эйзенхауэре планировалось уничтожить в случае войны 193 млн советских людей, в 2001-м речь шла уже о 8–12 млн жителей РФ, а теперь можно сократить жертвоприношение до двух миллионов. И это — несомненная инновация (см. иллюстрацию 8).

Но вот что интересно: а почему мы на государственном уровне (общественники — не в счет) не

обсуждаем, по каким целям бить в США? По-моему, уже пора...

ДОСЬЕ

**Федерация
американских ученых –
влиятельная
организация, в которую
входят 68 нобелевских
лауреатов, – в апреле 2009
года предложила
сократить количество
ядерных боеголовок, а
также перенацелить
ракеты с
густонаселенных городов**

**на 12 ключевых объектов
российской экономики –
в том числе на
предприятия «Газпрома»,
«Роснефти», «Русала» и
даже немецкой E.ON и
итальянской Enel.**

Инновационная «шизофренизация»

Из доклада Г. Малинецкого
вырисовывается недвусмысленная
картина. С одной стороны, только
инновационная модель развития
позволит России не распасться, и
власти это признают. С другой

стороны, они же, говоря об инновационном прорыве РФ, на деле наносят тяжелейшие удары по тем сферам и структурам, от которых зависит успех перехода страны на инновационную модель экономики.

Налицо настоящая «шизофренизация». А на фоне этого США ускоренными темпами движутся в новый технологический уклад, строят новый мир. Их планы напрямую угрожают будущему РФ, бросают нам вызовы. Американцы, в отличие от нас, активно создают *Будущее*.

Первый пример «шизофренизации» — бездарная реформа образования в РФ,

связанная с «болонизацией» и введением единого госэкзамена (ЕГЭ). Эти «инновации» реально ведут к разрушению основы основ инновационного развития — высококачественного русско/советского образования. Качество обучения падает. При этом и ЕГЭ, и всякие бакалавриаты-магистратуры в штыки встречаются большинством общественности. Тем не менее «реформа» продолжается.

Модернизация российского образования

- Болонская конвенция.
- Переход к системе «бакалавриат + магистратура».
- Единый государственный

экзамен. ЕГЭ-2008

Двойки:

– Математика – 23,5%

– Русский язык – 11,2%

По словам профессора Малинецкого, у него сейчас «на отзыве» – федеральный госстандарт по шести специальностям, где Институт прикладной математики РАН – признанный лидер. Это касается прикладной математики, математики и механики, математического моделирования. И уже видно: так называемые бакалавры в этих специальностях никакого знакомства с наукой не получают. Идет сокращение аудиторных часов: там, где в СССР

было 36 часов, новый стандарт оставляет 27.

– То, что творится сейчас, – симуляция, имитация образования, – рассказывает заместитель директора ИПМ. – Читая лекции в МГТУ имени Баумана, в Физтехе и МИФИ, я это отлично вижу. Студенты не учатся, как в СССР, пять-шесть лет. Реально посещая занятия два с половиной года, они затем, как говорят в шутку, получают специальность «слесаря-программиста» и уходят работать на неполный день, за тысячу долларов в месяц. А учеба идет побоку...

Но что будет со страной, если образование наше развалится? А его – под речи об инновационном

прорыве РФ – именно разваливают!

Сломанный цикл

Вторая игнорируемая властью проблема – слом инновационного цикла.

Каким он был в СССР? Сначала – фундаментальные исследования, условно говоря – на рубль. Потом – прикладные исследования, уже – 10 рублей. Далее шло создание технологий и вывод их на рынок – это уже 100 рублей затрат. Потом следовала реализация новых товаров и услуг, осуществление появившихся возможностей. Затем шла экспертиза всего этого, выявление возникших

проблем и постановка новых задач — и снова начинались фундаментальные исследования.

Весь этот цикл в РФ разгромлен. Нет больше прикладной науки. Негде использовать новые разработки: в России погибли высокотехнологичные промышленные гиганты. Есть отличные биотехнологии, но нет нашего «Проктора и Гэмбла», который их мог бы востребовать. Что толку от великолепных исследований в аэродинамике, если больше нет отечественных аналогов «Боинга» — фирм Туполева, Яковлева, Ильюшина, Антонова? Авиастроение в РФ еле теплится. Разрушение

образования — тоже слом инновационного цикла. Экспертизы тоже больше нет, попытки ее восстановить блокируются на всех уровнях.

Еще в 2001 году президент В. Путин поставил перед наукой задачу: проводить экспертизу решений, принимаемых государством, строить прогнозы и планы на будущее, создать систему предупреждения чрезвычайных ситуаций. И что же? Эта работа блокируется на уровнях Академии наук, правительства и даже Администрации Президента.

Таким образом, сегодня инновационное развитие РФ

намертво заклинено, его механизм умело поломан.

Как пример Г. Малинецкий приводит профанацию с созданием госкорпорации «Роснано». В структуру вкачаны огромные деньги, во главе поставлен Чубайс, все ждут, когда начнется торговля нанотехнологиями.

— Но позвольте! Во всем мире занимаются прежде всего нанонаукой и наноинженерией, а технологии будут позже. Так всюду — но только не в РФ. Нанотехнологии — финальная часть цикла, а «Роснано» собралась, метафорически выражаясь, доить корову, которую еще не вырастили и не выкормили, —

рассказывает Георгий Геннадиевич, один из создателей Нанотехнологического общества России. — Получается сущая «панама»!

— А во-вторых, нанотехнологии «ближнего прицела» (до создания наноассемблеров-сборщиков) должны применяться в имеющихся отраслях промышленности. Это — как острые специи к основным блюдам. Каковы они на сегодня? Где применяются нанотехнологии «ближнего прицела»?

Мощной биотехнологической промышленности, работавшей в СССР, больше нет. У нас уничтожено производство систем накопления

информации и полупроводников, не делаются новые материалы. Производство полимеров еле теплится. Ну, и где мы будем использовать технологии, что собирается создавать «Роснанотех»? За рубежом с ними идти? Но там уже места под солнцем поделены, русских никто не ждет. Взглянем на диаграмму глобального раздела рынка нанотехнологий.

Я спросил обо всем этом у одного из заместителей Анатолия Чубайса. Мол, у кого и за счет чего мы рынок отвоюем? Его ответ поразил до глубины души: «Еще не знаю, но мало никому не покажется!» В общем, чего тут

думать – трясти надо, как в анекдоте про прапорщика и шимпанзе. В общем, шапками закидаем супостата! Мы пробовали изложить наши соображения другим руководителям «Роснано». Мол, вы специи хотите делать, но для какого блюда? В ответ слышим: «Это надо осмыслить...»

Они об этом даже не задумывались...

Георгий Малинецкий как пример «шизофренизации» государства привел корректировку бюджета на 2009 год, проведенную Минфином. Итак, какие статьи в стране, заявившей о борьбе с кризисом и о переходе на инновационные рельсы, были

сокращены, а какие – увеличены?

Уменьшили:

- Инфраструктура: 56,4 %.
- Субсидии бюджетам субъектов

РФ: 19,9 %.

- Функционирование

Вооруженных сил РФ: 8 %.

- Дорожное хозяйство: 26,2 %.
- Высшее образование: 6,4 %.
- Культура: 22 %.

- Фундаментальные

исследования: 9,4 %.

- Органы безопасности: 3,4 %.

Увеличили:

- Помощь дотационным

регионам: 34,2 %.

- Транспорт (безопасность):

19,2 %.

- Телевидение и радиовещание: 34,9 %.

- Топливо-энергетический комплекс: 40,3 %.

— У нас решили помочь «Газпрому», сырьевому сектору! — возмущается исследователь. — У нас, оказывается, слабые радио и телевидение! Наверное, не хватает «Дома-2» — нужны «Дом-3, 4, 5...» А кто у нас в «отстое»?

Инфраструктура. Как будто бы в РФ инфраструктура — не в угрожающе изношенном состоянии. Как будто все страны мира не выходили из кризиса, вкладывая деньги прежде всего в инфраструктуру! Вы опыт Франклина Рузвельта вспомните.

Или опыт нынешнего Китая. А у нас – все наоборот.

Что там еще сажают на голодный финансовый паек? Важнейшие для инноватики сферы: вооруженные силы, высшее образование, фундаментальные исследования, культуру. Чистейшей воды шизофренизация: новая Стратегия нацбезопасности – в одну сторону тянет, бюджет – в другую...

По мнению исследователя, без создания нового инновационного механизма, без подъема отечественной перерабатывающей индустрии и без ликвидации шизофрении в политике государства все разговоры об инновационном

развитии РФ – пустые слова.

«Холодная гражданская война» вредна для инноваций...

Есть еще одна проблема национального масштаба, что на корню режет всякое инновационное развитие. Это – невероятное расслоение общества в РФ, его обнищание, настоящая «холодная гражданская война» в стране.

– Вот имущественная структура стабильного общества: небольшой бедный класс (темный цвет), большой средний класс (белая

область) и небольшая богатая верхушка (заштрихованная область), — поясняет профессор Малинецкий (см. иллюстрацию 9).

Чтобы средний класс был многочисленным, а разница между богатством и бедностью не разверзалась в пропасть, государство на Западе проводит антимонопольную политику, строит «социальные лифты», развертывает социальные программы. В итоге и бизнесмены, и средний класс, и государство кровно заинтересованы в инновационном развитии.

А вот — «двуторбая» структура общества в Российской Федерации. Ничтожный средний класс, много

бедных и нищих — и огромная концентрация богатств у меньшинства населения. (Причем это меньшинство богатело и богатеет на сырьевом бизнесе и на криминальных схемах присвоения богатства.) Не работают «социальные лифты», бедность носит безнадежно-застойный характер (см. иллюстрацию 10).

По сути дела, перед нами — два разных народа, богатые и бедные. И у них — совершенно противоположные интересы в сфере инноваций. Скажем, бедные и средние хотели бы получить отечественные, высокоэффективные и недорогие лекарства, а не дорогие импортные.

Или не импортные фальсификаты по запредельным ценам. А богатым на это наплевать: они рассчитывают лечиться за границей и пользоваться проверенным импортом. Цены их не волнуют. И получается так: в РФ в инновациях больше всего заинтересованы те, кто не имеет денег. Те же, кто «над золотом чахнет», инновациями заниматься не хотят. Их интересы – за границей. Они в России рассчитывают «поматросить и бросить» – типичная «вахтово-офшорная» элита, к тому же – сырьевая.

И пока мы не уничтожим чудовищное имущественное расслоение, пока не запустим

«социальные лифты», пока не воссоздадим многочисленный средний класс (имевшийся в СССР) и не вырастим новую (высокотехнологичную) элиту — Россия продолжит тонуть в трясине отсталости...

Об углеводородной «сверхдержаве» — без иллюзий

Видимо, верхи РФ «в подкорке» сами пока не верят в возможность инновационного варианта развития, по-прежнему в глубине души уповая, как и в 1991-м, на экспорт

углеводородов. Но Георгий
Малинецкий безжалостно
развенчивает эти мечтания:

— Давайте не лгать самим себе:
время «нефтяной цивилизации»
заканчивается. И дело не только в
том, что в США вот-вот примут
грандиозную программу
использования солнечной
энергетики. Судя по всему,
доступных, относительно легких в
разработке месторождений «черного
золота» уже нет: за последние
четверть века не было открыто ни
одного нового «кувейта». Сейчас
каждая третья тонна нефти
добывается либо на шельфе, либо в
океане, сквозь толщу вод до 2

километров. Добыча углеводородов скоро начнет падать (см. иллюстрацию 11, 12).

Однако это падение не приведет к росту цен на нефть. Почему — скажу ниже.

Отметим, что Российская Федерация с ее 7 % в мировом нефтяном балансе и разваленной системой геологоразведки не в состоянии даже пошевелить мировые цены на углеводороды. Никаким «энергогарантом» она быть не в состоянии. Лучшие времена ее нефтедобычи уже позади. Достаточно посмотреть на график.

При этом есть все основания ожидать, что мировое падение

нефтедобычи не приведет к росту цен на нефть! Ведь в США (основном мировом потребителе нефти) через Конгресс проходит грандиозная программа развития солнечной энергетики. Американцы намереваются, повысив КПД солнечных батарей всего на 1 %, покрыть их панелями пустыни Аризоны и Невады, где безоблачно и жарко почти круглый год. Намеченные рубежи: с помощью солнечных установок производить 65 % энергии, потребляемой страной, и 35 % – тепла. У нас почему-то не говорят об этой программе, а ведь она – смертный приговор России в ее нынешнем

«углеводородном» виде.

Кажется, наши власть предержащие боятся заглянуть в будущее и не решаются что-то толком спланировать. А делать это, тем не менее, придется. Потому что мы стоим на пороге совершенно нового мира...

Заокеанское управление будущим

Пока в России топчутся на месте и только говорят об инновационном росте, не решаясь применить ясное целеполагание, весь мир живет иначе. Особенно

разителен контраст с Соединенными Штатами, где не только смело заглядывают в будущее, но и активно его формируют – в своих, естественно, интересах. В США действуют более тридцати футурологическо-прогнозных конференций, тесно связанных с разведывательным сообществом. Американцы прекрасно понимают: прежняя модель мирового развития исчерпала свои возможности, впереди – переход в совершенно новый (Шестой) технологический уклад. И они готовятся возглавить сей переход.

– Самый впечатляющий пример такой работы – Институт сложности

в Санта-Фе, – поясняет Георгий Малинецкий. – Там работают три нобелевских лауреата по экономике. Американцы, творчески развив теорию Николая Кондратьева о больших волнах в экономике, создают цивилизацию VI уклада. Что у них есть? Назовем лишь некоторые теории.

Теория инновационного развития Брайана Артура.

Теория техноценоза Л. Г. Бадалян, В. Ф. Криворотова.

Структурно-демографические модели П. В. Турчина.

Американцы понимают, что вот-вот на смену V технологическому укладу пойдет VI. Что имеется в

виду? Развернем карту
технологических укладов.

IV технологический уклад

- Массовое производство.
- Автомобили.
- Самолеты.
- Тяжелое машиностроение.
- Большая химия.

V технологический уклад

- Компьютеры.
- Малотоннажная химия.
- Телекоммуникации.
- Электроника.
- Интернет.

VI технологический уклад

- Биотехнологии.
- Нанотехнологии.
- Проектирование живого.

- Вложения в человека.
- Новое природопользование.
- Роботехника.
- Новая медицина.
- Высокие гуманитарные

технологии.

- Проектирование будущего и управление им.

- Технологии сборки и уничтожения социальных субъектов.

– Как американцы управляют будущим? – продолжает Георгий Геннадиевич. – Им чужд примитивный, либерально-колониальный подход Чубайса: пусть, де, некоторые чудаки придумывают какие-то инновации и пытаются их продать. Какие – не

нашего, начальников, ума дело. Все просто: если инновации продаются – значит, они того стоят. Если нет – то плакать не надо, видать, плохие то были инновации.

А в США специально изучают: какие еще не существующие инновации, какие изобретения нужны для скорейшего перехода в новую эру? В РФ попытки определить, что нам нужно, встретили сопротивление и в РАН, и в правительстве, и в Администрации Президента. Только-только делаются первые робкие шажки в этом направлении.

А вот в США понимают, что глубинные причины нынешнего

кризиса — в исчерпании возможностей VI уклада.

Тайны большого перехода

Николай Кондратьев в свое время выяснил, что локомотив экономики — Большие волны, несущие с собой новые технологические уклады. По словам Г. Малинецкого, каждый уклад проходит в своем развитии три этапа. Сначала возникает наука, связанная с новыми возможностями, — это 10–15 лет. Потом наступает стадия создания опытных образцов техники — еще 10–15 лет. Наконец, столько же длится и III этап — проникновение

нового техноуклада в экономику (см. иллюстрацию 13).

— СССР смог максимально воспользоваться преимуществами IV уклада, — продолжает доктор физико-математических наук Г. Малинецкий. — Сталин совершенно верно сказал, что впереди — «война моторов». Но лидерство в том или ином укладе требует от страны сверхусилий. Южная Корея стала одним из лидеров V уклада, но ей пришлось до 43 % своего ВВП тратить на инвестиции и инновации, умеряя потребление. Буквально, работать, затянув пояса. Постсоветская Россия полностью «проспала» V уклад,

занявшись саморазгромом, самопроеданием и сверхпотреблением. Впрочем, Канада тоже не смогла воспользоваться выгодами этого уклада.

— Мы должны понимать, что вложения в инновации V волны уже не дают прежних отдачи и успехов, — говорит Г. Малинецкий. — России поздно заниматься персональными компьютерами, программированием и мобильными телесистемами: главные «сливки» уже сняты другими. Нас пускают лишь в аутсайдерские ниши. Ну, есть в РФ 150 млн мобильных — и что дальше? Человек не может покупать новый сотовый телефон раз в четыре

месяца – это бессмысленно. Отрасли V уклада достигли стадии насыщения и не в состоянии поглотить большие деньги. Но и новые отрасли (VI уклада) пока не готовы принять огромные инвестиции: ни нанотех, ни новая медицина, ни «зеленая» химия.

В этих условиях американцы дают преференции тем людям, что мыслят категориями VI уклада, обладают его психологией. И пока «Роснанотех» пытается доить еще не существующую корову, уповая на «невидимую руку рынка», американцы создают мечту. Все ведь начинается с мечты, а не с зарабатывания денег, как думают

многие расейские «либералы». А на основе мечты – рождается и план. Американцы сначала порождают стратегии и мегапроекты, а потом – и нужные для них инновации.

Понимая, что прежняя траектория развития мира закончилась, американцы организовали Институт сингулярности. Основатель – Р. Курцвейль, 2009 год. Спонсоры – «Google» и NASA. При живейшем участии Департамента передовых разработок Пентагона – DARPA.

Читаются курсы:

- Нанотехнологии.
- Биотехнологии.
- Роботехника, мехатроника.

- Прогностика.
- Новые финансы.
- Предпринимательство в новом мире.

В стенах Института сингулярности проходят обучение высшие менеджеры государства и корпораций. В этом году – 25 слушателей, в 2010-м – их будет уже сотня. Они готовят свою элиту к реалиям VI уклада.

В противоположность этому кафедра социальной самоорганизации и антикризисного управления Российской академии госслужбы при Президенте РФ была закрыта за несколько месяцев до кризиса, летом 2008-го. А саму

академию решили
перепрофилировать, превратив в
обычный вуз, занятый подготовкой
вчераших школьников.

В РФ никто не хочет понимать,
что прежний мир кончился. Все
наши попытки (а я представляю
Нанотехнологическое общество)
провести серьезные конференции по
проектированию будущего и по
выработке «технического задания»
на нужные стране инновации просто
отторгаются. И госудаством, и
«Роснано». А на Западе – проходит
одна конференция за другой...

Малинецкий убежден, что для
обеспечения перехода в новую эру
США создали свою негласную

внешнеполитическую программу.
Назовем ее основные пункты.

- Однополярный ядерный мир.

- Фактический союз с

радикальным исламом.

- История должна быть

остановлена.

- «Посадка» доллара с

сохранением мирового господства.

— Поясню один момент, —

продолжает исследователь. — Зачем

нужен де-факто союз с радикальным

мусульманством? Американцы не

любят отдавать свои жизни, но зато

могут тонкой манипуляцией

использовать для этого радикальный

ислам. Попутно он играет еще одну

важную для США роль:

останавливает развитие на охваченных им территориях, погружая их в средневековую дикость. При этом американцы используют одну иллюзию российской элиты: «Россия войдет на Запад как государство». Запад не примет нас как государство — он готов глотать Россию лишь по частям. Но, ведомая этой иллюзией, наша элита не может обеспечить развитие РФ, действует вопреки национальным интересам. И это — также на руку американцам. Еще одним конкурентом за лидерство в новой эре меньше...

Опасная эра

НАНОТЕХНОЛОГИЙ

Наступление эры нанотехнологий так же неизбежно, как наступление эпохи двигателей внутреннего сгорания после века паровых машин. Георгий Малинецкий готов это доказать.

Пожалуй, высшая стадия нанотеха — создание крохотного ассемблера-сборщика, который сможет из атомов собирать все необходимые вещи на нанофабрике размером с комнату. На Западе уже ходит теория «Двухнедельной технологической революции». Ее компоненты:

Принципиально новые

устройства могут быть созданы в маленькой лаборатории. Стоимость новых форм живого – 200 тыс. долларов.

Возможность редактировать геном (евгеника).

Наноассемблеры позволяют производить все желательные вещества очень быстро.

Плотность записи информации $10^{15}/\text{см}^2$ (сейчас – $10^8/\text{см}^2$).

Принципиально новые растения, животные, другие формы жизни (например, выведенная в одном из наших научных центров суперсосна, растущая в несколько раз быстрее, чем обычная).

Универсальные анализаторы.

Постоянный мониторинг состояния организма.

Распад цивилизаций (все можно произвести на месте).

По словам Г. Малинецкого, страна, первая совершившая такой прорыв, моментально обгонит все прочие страны и превзойдет их так же, как европейцы превосходили ацтеков и инков. Такой нанотех — основа и для революции в военном деле: он позволяет создать совершенное и чистое, абсолютное оружие. Тех же микророботов и целые их сообщества. Впрочем, очертания такой революции уже видны: взгляните на миниатюрный беспилотный разведчик-«шмель»

израильского производства (см. иллюстрацию 14).

Кстати, работы по микророботам и по проблемам коллективных действий роботов были закрыты в Институте прикладной математики в 1989 году как «бесперспективные»...

А технология создания нанотрубок, из которых можно создавать материал в сто раз легче стали и в шесть раз ее прочнее? Это не только возможность получить, например, абсолютно пуленепробиваемые доспехи или суперброню. Из нанотрубок можно создать «канатную дорогу» между Землей и спутником на

геостационарной орбите (36 тысяч км). И по этой дороге – запускать в космос грузы, используя центробежную силу и не тратя и грамма горючего. Это тот самый «космический лифт», о котором писал Артур Кларк в «Фонтанах рая», который проектировал советский ученый Юрий Арцутанов.

Россия также могла бы начать смелые нанотехнологические проекты. Начиная от памперсов, впитывающих объем жидкости в сто раз больший по объему, нежели абсорбент в самом подгузнике – и заканчивая технологией создания «эльфийского плаща»-невидимки Виктора Веселаго (см. иллюстрацию

15). Он еще в 1967 году высказал идею создания материала, который может отклонять лучи света и радиоволны, заставляя их как бы обтекать объект, закутанный в «эльфийский» материал (см. иллюстрацию 16).

Но вот беда: «Роснано» такие работы финансировать не хочет. Мол, нет у них гарантированных рынков сбыта. «Эльфийский плащ» могло бы заказать Минобороны, если бы в его составе, как в американском Пентагоне, действовал свой ДАРПА — Департамент передовых исследований. Но аналога ДАРПА у нас нет. А на рынок производства памперсов Россию не пускают.

Вообще. Вот и пропадают отечественные разработки по чем зря. В рамках нынешней псевдолиберальной парадигмы «по Чубайсу» это – ненужные инновации (см. иллюстрацию 17 и 18).

Есть ли у России шанс?

Доклад Малинецкого рисует полный паралич инновационного развития в РФ. Неужели все так безнадежно?

– Мы с распадом СССР оказались отброшенными на век назад, – считает Георгий Геннадиевич. – Однако надежда выжить у нас есть. Чтобы начать

инновационное развитие, действовать нужно по многим направлениям. Прежде всего, как и век назад, стоит задача: не потерять Сибирь, Север и Дальний Восток. Столкнувшись с той же проблемой столетие назад, знаменитый Сергей Витте настоял на постройке Транссибирской магистрали, связавшей страну. Сегодня нам необходимо строить высокотехнологичную транспортную систему, включая в нее и железные дороги, и Севморпуть, и оптоволоконную связь, и хабы.

Как говорил покойный ныне академик Никита Моисеев, если Древняя Русь была создана на

торговом маршруте «из варяг в греки», то новая Россия должна стать на пути «из англичан в японцы». Такая транспортная система по-новому свяжет страну, позволит дать работу 20 млн человек и обеспечит только увеличение доходов, связанных с транзитом, на 30 млрд долларов ежегодно, реанимирует Северный морской путь, возродит десятки аэродромов-хабов. И еще — он даст толчок нашему инновационному развитию. Примечательно, что проект системы, разработанный нашими учеными (в Фонде развития России под руководством профессора Е. М. Гринева), был представлен

президенту Владимиру Путину, тот дал указание разобраться в нем – но ни одно министерство это поручение не выполнило. В нашей стране вообще выполняются лишь 5 % президентских распоряжений.

У нас есть люди, формирующие идеологию инновационного, опережающего развития страны, прорыва в VI уклад. Это и Сергей Кара-Мурза («Советская цивилизация»), и Андрей Паршев («Почему Россия не Америка»), и коллектив авторов «Русской доктрины», и Максим Калашников с Сергеем Кугушевым («Третий проект»). Но, увы, нет пророков в своем Отечестве: пока идеи этих

авторов не стали мейнстримом в политике верхов страны.

Однако все эти авторы сделали важную работу: они создали Мечту. Всякое эпохальное свершение проходит три стадии развития. Возьмем для примера космонавтику. Сначала чем-то новым занимаются «безумцы»-визионеры. Например, Циолковский с его идеей космических полетов и Николай Федоров с его философией воскрешения всех умерших и заселения ими других планет. Потом приходят энтузиасты, вроде Цандера или Тихонравова, строящие первые действующие модели ракет. Они доказывают техническую

возможность воплощения Мечты. Наконец, венчают дело профессионалы вроде Сергея Королева, строящие космическую промышленность.

Как-то я спросил одного из сподвижников Королева: «Как же вы справились с таким невероятно трудным делом?» Он ответил: «Мы были уверены, что мы – лучшие и непременно выйдем в космос. Ибо нас воспламенили книги: “Межпланетные полеты” Якова Перельмана (1904 год) и советская “Энциклопедия межпланетных полетов”, изданная в 1934–1936 годах...» Так что мечтатели-воспламенители умов у нас сегодня

есть.

Чтобы двигаться по инновационному пути, России необходимо сформировать новую «повестку дня» и определить главные инновации. Очевидно, что, по сути, нам потребуются совершенно новый государственный аппарат. Напомню, что подобные задачи решали и Иван Грозный, отодвигавший от государственных рычагов старое, косное боярство, и Иосиф Сталин, менявший бесполезную для дела развития страны ленинскую гвардию на менеджеров IV уклада. Нам нужна новая идеология, новая сфера ценностей, воодушевляющая

национальная идея. Однозначно – светская, ибо воцерковленных людей в РФ – всего 3 %. Назову, на мой взгляд, ее основные положения.

Духовное выше материального.

Общее выше личного.

Справедливость выше закона.

Будущее выше настоящего и прошлого.

Только опираясь на эти становые инновации, мы сможем спасти страну в бурях и грозах наступающей эпохи. Сумеем перевести Россию на траекторию инновационного роста. Но на это потребуются сверхусилия – не будем себя обманывать. Будет очень трудно...

Андрей Фурсов. Знание как антикризисная сила

10 июня 2009 года в Институте динамического консерватизма состоялась экспертная встреча ученых и практиков-инноваторов на тему «Реальные инновации и их имитации в России». Одним из самых интересных докладов на семинаре стало выступление Андрея Фурсова, директора Института русских исследований Московского гуманитарного университета. Известный историк-кризисолог убежден: гуманитарные технологии – ключ к инновационному развитию и

к выходу страны из кризиса.

I

Уважаемые коллеги, хочу сказать несколько слов о гуманитарных технологиях, о том, что они собой представляют, об их роли. В качестве эпиграфа – реальная история.

В 30-е годы XVII столетия во время Тридцатилетней войны Франция столкнулась с серьезной проблемой – ситуационной необходимостью компенсировать недостаток военных сил и финансов. Сферой компенсации стала дипломатия. Но для побед в этой сфере нужно было некое новое

сверхоружие. Его было поручено создать Декарту, который в то время работал над новым методом исследований, а следовательно рассуждений, аргументации и т. д. Ришелье «вышел» на Декарта через кружок интеллектуала-иезуита Мерсена и поставил некую задачу. Удовлетворяя свои страсть к творчеству и любопытство за государственный счет, Декарт писал свои «Рассуждения о методе». Помимо собственно философской сферы, разработанный Декартом метод приспособили к сфере дипломатии, к ведению переговоров (сравните советский спутник как побочный продукт создания «оружия

массированного возмездия» — межконтинентальных баллистических ракет). В результате, приспособив метод аргументации Декарта в своей сфере, французские дипломаты в течение 15–20 лет разделялись с дипломатами других стран так, как конкистадоры под руководством Кортеса и Писарро — с армиями ацтеков и инков. Иными словами, Декарт создал мощное информационное оружие, гуманитарную технологию убойной силы.

Мы привыкли употреблять термин «технология» применительно к технической, в лучшем случае — естественно-научной сфере. На

самом деле технология может быть социальной и гуманитарной, в смысле — относящейся к социальным, гуманитарным наукам. Наука об обществе (обществоведение в широком смысле) выполняет — так сложилось исторически — не только и даже не столько научную функцию (поиск истины), сколько функцию интеллектуального обеспечения господства господствующих групп, классов, их «культурной гегемонии» (А. Грамши), обеспечения общего рационального идейно-ценностного языка обслуживающих эти классы профессиональных групп. Недаром Мишель Фуко писал о «власти-знании» («le pouvoir-savoir») как

некой единой целостности — властвующем знании, обеспечивающем и рационализирующем власть неких групп, а отец-основатель мир-системного анализа Иммануил Валлерстайн прямо отметил ненаучные (а еще точнее — вненаучные) функции науки об обществе и вообще научной культуры как феномена: научная культура стала кодом братства мировых накопителей капитала. Она служила прежде всего для оправдания как их собственной деятельности, так и дифференцированного вознаграждения, — именно это неравенство было источником их

благ. Научная культура поощряла технические нововведения. Она узаконивала грубое уничтожение барьеров на пути экспансии эффективности производства. Она породила форму прогресса, которая якобы принесла пользу всем, – если не сразу, то по крайней мере со временем.

Однако научная культура представляла собой нечто большее, чем простая рационализация. Она была формой социализации различных элементов, выступавших в качестве кадров для всех необходимых капитализму институциональных структур. Как общий и единый язык кадров, но не

трудящихся, она стала также средством классового сплочения высшей страты, ограничивая перспективы или степень бунтовщической деятельности со стороны той части кадров, которая могла бы поддаться этому соблазну. Более того, это был гибкий механизм воспроизводства указанных кадров. Научная культура поставила себя на службу концепции, известной сегодня как «меритократия», а раньше – как *«la carriere ouverte aux talents»*.

Эта культура создала структуру, внутри которой индивидуальная мобильность была возможна, но так, чтобы не стать угрозой для

иерархического распределения
рабочей силы. Напротив,
меритократия усилила иерархию.
Наконец, меритократия как процесс
(*operation*) и научная культура как
идеология создали завесу,
мешающую постижению реального
функционирования исторического
капитализма. Сверхакцент на
рациональности научной
деятельности был маской
иррациональности бесконечного
накопления.

Итак, современная (Modern)
наука об обществе, будь то
политическая экономия (экономика
как дисциплина), социология,
политическая наука и т. д. или их

совокупность возникли как средство понимания некой реальности в определенных интересах определенных групп и, соответственно, навязывания этого понимания (в модифицированной форме) другим группам. То есть возникли как гуманитарная («информационная») технология, с помощью которой господствующие группы XIX–XX веков могли бы разделяться со всеми остальными так, как Кортес и Писарро – с индейцами.

Неудивительно, что социальные науки (они же – гуманитарные технологии власти) возникали прежде всего из практических нужд.

Политэкономия – из необходимости анализа рынка; социология – из необходимости создания новых институтов, адекватных индустриальному производству и способных превратить «опасные классы» в «трудящиеся классы»; политическая наука – из необходимости объяснить и/или поставить под контроль некие негативные процессы, начиная от социального распада Юга эпохи Реконструкции в США до фашизма и национал-социализма в Западной Европе.

Я уже не говорю об ориентализме, который Э. Саид охарактеризовал как средство

интеллектуального контроля над Востоком посредством его ориентализации, т. е. представления восточной динамики как ориентальной статики, застоя, пассивности путем применения к Востоку западных мерок, ценностей и понятий. А ведь западная социальная наука отражает не только определенные классовые интересы, но и вполне определенную социальную реальность.

II

Западная наука об обществе с ее методами, понятийным аппаратом и «сеткой» дисциплин отражает такой

тип общества, в котором четко обособлены — и это зафиксировано институционально — экономическая (рынок), социальная (гражданское общество) и политическая (политика, государство) сферы, в котором власть отделена от собственности, религия — от политики и т. д. Возникает вопрос: как с помощью такой науки — слепка с буржуазного общества, — с ее дисциплинами, методами и понятиями изучать небуржуазные, некапиталистические (докапиталистические, антикапиталистические — исторический коммунизм СССР) социумы? Социумы, где власть не

отделилась от собственности, точнее, где есть некая целостность, которая, в отличие от Европы на буржуазной стадии ее развития и особенно при превращении европейской цивилизации в Запад как ядро мировой системы, так и не разделилась на власть и собственность. Социумы, в которых «рынок» интегрирован в традиционные структуры производства и обмена, а потому его развитие не требует выделения из них и превращения — в единстве борьбы и противоположностей с монополией — в капитализм. Социумы, где «религия» и «политика» — единое целое — список

примеров можно продолжить. Ясно, что применение понятий и даже дисциплин, которые суть рациональные рефлексии по поводу буржуазного общества к обществам небуржуазным искажает реальность последних, превращает ее в негативный слепок западного общества. В научном плане это ведет к ложным схемам, а с точки зрения практики может привести и, как правило, приводит к катастрофическим последствиям.

Например, есть стандартное определение ислама как «недифференцированного единства религии и политики». Но если это единство недифференцированное, то

откуда мы знаем, что там — религия и политика? Мы это «знаем», потому что как европейские люди наблюдаем некую субстанцию, которая в своей системе выполняет функции, в западном обществе выполняемые религией и политикой. И мы, ничтоже сумняшеся, называем эту субстанцию «недифференцированным единством религии и политики», совершая логическую, методологическую и содержательную ошибки одновременно. Чем же мы лучше испанцев и португальцев XVI века, называвших вождей африканских племен герцогами, графами и баронами? А ведь XVI век — это в

плане обществоведения донаучная эпоха.

Аналогичным образом обстоит дело с наложением дисциплинарной и понятийной (класс, бюрократия, идеология) сеток западной науки на советское общество. В результате мы получаем бесперспективных и неспособных к реальному развитию «мутантов»: «политэкономия социализма», «социология советского общества», «политология советской элиты» и т. п. Все это конечно же вело к разрухе в головах, к понятийной катастрофе, к неспособности понять собственное общество.

В середине 1980-х годов

западные политологи писали о нескольких (шести-восьми) чертах, характеризующих «современное демократическое общество», и отмечали, что СССР не хватает двух-трех. Горбачев по совету своей интеллектуальной обслуги, всех этих «советников вождей», певших с чужого (забугорного) голоса (кто от глупости и недоразвитости, кто из алчности и русофобии), как раз и попытался добавить эти две-три «характеристики» — «права человека», «демократия», «рыночные реформы». Результат налицо: определенные гуманитарные технологии были внедрены, превратились в политические,

информационные и финансово-экономические и сделали свое дело — хаотизировали и развалили СССР в интересах «неогорыныча», т. е. части номенклатуры, криминалитета и западного капитала.

Несколько лет назад Стивен Манн, высокопоставленный американский дипломат, специалист по конфликтам в Евразии, откровенно признал, что главными средствами реализации Америкой программы организованного хаоса в Восточной Европе были «рыночные реформы» и «политическая демократия». Идеи, концепции которых были предварительно внедрены в сознание верхушки, — это

и есть использование гуманитарной технологии для ослабления/уничтожения противника в борьбе за власть, информацию и ресурсы. Неслучайно Маркс, вступая в борьбу с системой, разрабатывал общественную науку, альтернативную конвенциональной (подзаголовок «Капитала» — «Критика политической экономики»).

Также неслучайно, что и большевики, и национал-социалисты, вступая в борьбу на мировой арене с англосаксами, предложили свои формы рационального знания и их организации. У большевиков это

были диамат/истмат, у нацистов – научные исследования института Аненербе. Я говорю не о результатах, не о политической идеологии, а о задумке: если ты хочешь бороться на мировой арене за власть, информацию и ресурсы, ты должен создавать тот тип знаний, который выражает твои интересы и объективно является твоей гуманитарной технологией для борьбы на мировой арене.

Карл Полаanyi – автор одной из главных книг XX века «Великое изменение» – верно охарактеризовал лидеров Германии 1930-х годов, отметив наличие у них зловещего интеллектуального превосходства

над их противниками. Они были людьми XX века, в отличие от их оппонентов. То же самое можно сказать и о большевиках.

Сегодня многие смеются над диаматом и истматом, радуются их кризису и крушению, забывая при этом о глубочайшем кризисе западной науки об обществе, о кризисе, который пытаются спрятать (особенно у нас) так же, как пытались спрятать кризис доллара.

Если мы хотим понять свой социум, его место в мире, нам нужна наука, методологически и понятийно адекватная нашему социуму, а не вталкивающая его в прокрустово ложе западных схем. Аналогичным

образом нужны «свои»
обществоведения, а точнее —
социальные системологии для
каждой крупной исторической
системы. Последних не так много —
шесть-семь, в зависимости от угла
зрения. Для каждой системы должен
быть свой понятийный аппарат, свой
набор дисциплин, свой язык. Так,
например, социология и
политическая наука могут быть лишь
элементами науки о буржуазном
обществе (буржуазоведение,
буржуалогия), которая, в свою
очередь, не может быть ничем иным,
как элементом оксидентализма —
науки о Западе. Показательно, что
Запад создал ориентализм — науку,

точнее форму власти-знания о Востоке, но не создал таковой о самом себе; наша задача создать такую науку, основой которой будет холодный и спокойный — *sine iro e studio* — критический анализ западного социума, его успехов, неудач, уязвимых мест и начинающейся трансформации в постзападное (и уже постхристианское, со сломанным «библейским проектом») общество.

Кто-то скажет: слишком много научных языков, где же универсализм? Отвечаю. Во-первых, кто сказал, что нынешний (просвещенческий) «универсализм» реален, не является симулякром?

Полагаю: то, что уже два столетия выдается за универсализм, по сути является англосаксонским уникализмом, возведенным по принципу «нового платья короля» в ранг универсализма и навязываемым в качестве такового всем остальным. Универсализм не может быть монологом-диктатом, *meum* и *verum* одной цивилизации.

Он может быть только диалогом; реальный — диалогический — универсализм еще только предстоит создать.

Во-вторых, кто сказал, что все многоцветие исторической цивилизационной реальности можно выразить на одном языке? «Мир

слишком богат, чтобы быть
выраженным на одном-
единственном языке, — писал
нобелевский лауреат Илья
Пригожин. — Мы должны
использовать ряд описаний,
несводимых друг к другу (подч.
мной. — А. Ф.), хотя и связанных
между собой тем, что технически
именуется трансформациями».

Именно работами над такими
трансформациями на основе
предварительного создания
«системного языка» — понятийного
аппарата и дисциплины,
сконструированных для анализа
данной системы, — можно превратить
гуманитарную технологию

«обществоведение» в реальную науку о (том или ином) обществе.

Итак, нам нужны принципиально новые науки о России, Западе и других социальных системах и научная дисциплина-«трансформатор», «универсализующая» — насколько это возможно — эти науки. Необходимо создать реальную социальную науку и использовать ее в качестве оружия в борьбе с чужими гуманитарными технологиями. В ближайшие десятилетия такое оружие нам понадобится, поскольку, на мой взгляд, именно гуманитарные технологии станут главными в психоисторических войнах XXI века

за посткапиталистическое будущее.

III

Сегодня заканчивается не только эпоха Просвещения. Разгорается глобальный смуткризис – «кризис-матрешка»: вместе с эпохой Просвещения уходят Модерн, капитализм, Библейский проект, который был средством управления большими массами в течение двух тысяч лет. Похоже, сжимается Lebensraum белой расы. Демографически Запад вырастил на своей периферии такую массу населения, которую в свое время Рим вырастил на своей – со всеми

вытекающими последствиями. Я уже не говорю о «периферийном анклав» на самом Западе. Уже сейчас исследователи предсказывают новый тур религиозных, но на этот раз не протестантско-католических, а мусульманско-христианских войн в самой Европе.

Далее. Заканчивается эпоха, которая началась неолитической революцией и символом которой являются (по крайней мере, для меня) Пирамиды и особенно Сфинкс.

С 1970-х годов мы постепенно, но с ускорением, словно по принципу *festina lente* вползаем в кризис, которому аналогов в истории не было. XXI век — век великого

перелома, «вывихнутый» век. Шанс пройти это узкое горлышко имеет только тот, кто выкует новое знание – двуручный меч социальной науки и гуманитарной технологии и научится виртуозно владеть им, что, в свою очередь, требует создания принципиально нового организационного оружия – новых структур рационального знания, принципиально новых исследовательских и образовательных институтов.

Россия и мировой кризис: прогнозы и сценарии

В конце августа 2009 года в Институте динамического консерватизма прошел круглый стол «Будущее Российской Федерации в условиях мирового кризиса: прогнозы и сценарии».

Обмен мнениями получился крайне откровенным и нетривиальным. Дискуссия шла вокруг двух вопросов: во-первых, что мы наблюдаем сейчас – «дно» глобального кризиса или всего лишь затишье перед новым ударом бури? Во-вторых, что может произойти

*в Российской Федерации в
ближайшее будущее?*

*Увы, пока события идут по
сценарию «Горбачев-2»...*

Как заявил глава ИДК Виталий
Аверьянов, практически все
приглашенные эксперты не чужды
прогностике.

— Для нас важно, что в такой
непростой исторической ситуации, в
которой находятся и весь мир, и наша
страна, мы можем сложить наши
интеллектуальные усилия и
попробовать нарисовать объемную
картину будущего. Многие из
либеральных экономистов любят
приводить цитату (правда, не

ссылаясь на ее автора): «Научный прогноз отличается от гадания на кофейной гуще тем, что последнее иногда сбывается». Это сказал основоположник советского экономического прогнозирования академик Александр Анчишкин.

Это так – если «продавливается» лишь один вариант будущего, продавливается и утверждается какой-то один сценарий. Но совершенно не так, если рассматриваются некоторые «поля возможностей», когда мы получаем некую сетку из нескольких смоделированных вариантов будущего, куда улавливаем реальность и откуда она не может

выскользнуть. Тогда мы обретаем возможность воздействовать на будущее.

Поэтому считаю, что прогнозирование далеко от кликушества, хотя оно связано с архетипами пророчества. Люди, которые разбираются в религиозных традициях, знают, что пророки – это не те, кто просто знал будущее, угадывал что-то или кому что-то ниспосылалось. Нет, то были люди, которые очень интенсивно и долго думали в одном направлении и за это им приходило озарение. То есть в этом смысле, пророки близки к прогнозистам в научном смысле слова, это близкие парадигмы.

Итак, тема у нас двусоставная. С одной стороны – нас интересует ход самого кризиса. Как он будет развиваться? А с другой стороны – каковы последствия кризиса? Очевидно, что последствия – тема более широкая, не только экономическая, но и политическая, и социальная, и культурная. Поэтому все свободны говорить, так как считаете нужным, те аспекты затрагивать, которые считаете важными. Если разговор пойдет об экономике, то хотелось бы, чтобы вы акцентировали внимание на ряде вопросов. Например, имеет ли смысл в ходе самого кризиса инвестировать в инновации, можно ли открывать

новые производства и нужно ли государству внедрять новые технологии? Или же, как считают некоторые, надо подождать, пока кризис стихнет, потом уже заниматься строительством нового. А для тех, кто будет говорить о политике, просьба: попробуйте ответить на вопрос — какие институты нашего общества могли бы стать ведущими в плане построения модели выхода из кризиса и дальнейшего развития? Это только лишь государственная машина или это научно-экспертное сообщество в значительной степени? Или это, может быть, церковь? Может быть, это политические

партии, может быть, это бизнес? А может быть, это какие-то институты, которые вообще еще не созданы, которые еще придется создать, для того, чтобы решить эту задачу? Вот такой круг вопросов нам представляется важным. Каждый волен интерпретировать и комбинировать проблематику по-своему...

У нас – два кризиса

По мнению писателя и футуролога Максима Калашникова, нынешние словеса о «конце мирового кризиса» – всего лишь сеансы психотерапии, шаманские

заклинания. То, что мы наблюдаем сегодня, — не пресловутое «дно» падения, а только плато, «площадка» с небольшим подъемом, на краю коей — новый обрыв. Кризис не кончился, потому что мы имеем дело не с экономическим кризисом, а кризисом перехода — от умирающего капитализма к чему-то новому. А это — очень больно и достаточно долго. Кризис наверняка продолжится.

На чем произойдет срыв в новый виток кризиса? Есть несколько возможных «точек», потенциальных «эпицентров» взрыва ситуации. Может быть, это дефолт штата Калифорния (с сопутствующей паникой на рынке штатных

заимствований), может быть — неприятности с выплатами федерального долга Соединенных Штатов, может быть — отмена торговли нефтяными фьючерсами. А может — «лопание китайского чуда». Но это не суть важно. Очевидно, что главные причины кризиса остались, а именно: громадные объемы обязательств, «висящих» на экономике США (от 50 до 70 трлн долларов), неподъемный государственный долг Америки, непомерный объем «свеженапечатанных» долларов, которых нечем, по сути, «связать». И есть огромная проблема «плохих», «ядовитых» долгов в глобальной

финансовой системе.

(Мнения о том, что КНР потерпит катастрофический для всей мировой экономики крах, придерживается такой экономической прогнозист, как Михаил Хазин. Причина, по его мнению – в том, что КНР так и не смогла развить свой внутренний рынок на замену рынку США и Европы.)

Неизбежная новая волна глобокризиса ударит по Российской Федерации всей своей силой. РФ сегодня – самое слабое звено в системе мирового капитализма, это не Советский Союз – автаркичная крепость. Она слишком сильно

зависит от сырьевой конъюнктуры мирового рынка, да и вообще от западной экономики. РФ сейчас – как корабль, что лишился хода и стал бортом к волне. Острый кризис РФ неизбежен в связи с новым витком мирового кризиса.

Но что такое – кризис в РФ? Сейчас распространена глупая легенда о том, что все в Российской Федерации до осени 2008 года было хорошо, экономика бурно росла, но... Мирный труд советских (российских) людей прервался вероломным нападением кризиса с Запада. То бишь, коварные бусурманские капиталисты спровоцировали этот кризис, а мы,

дескать, ни в чем не виноваты. На самом деле в РФ развиваются ДВА кризиса. Один – это действительно последствия глобального *Смуткризиса* (выражение уважаемого А. Фурсова), а второй – чисто домашний. Кризис Российской Федерации как системы. Глобальный кризис подтолкнул кризис внутрироссийский. Кризис РФ грянул бы в любом случае в 2010-е годы, даже если бы на Западе все оставалось спокойным и безмятежным.

Российский кризис – это букет кризисов. Можно назвать несколько важнейших составляющих. Прежде всего это кризис физического износа

техносферы. Кризис огромного недоинвестирования капиталов в нее. Россия-91 подошла к эпохе глобального *Смутокризиса* невероятно изношенной. Вал техногенных инцидентов, аварий и катастроф обеспечен. Средний возраст оборудования в РФ – 21,5 лет по сравнению с 9,8 годами в СССР 1990 года или по сравнению с десятью годами в нынешнем развитом мире. Доля инвестиций в основные фонды в нем – 25–30 % ВВП, в РФ – всего 18 %. Мы – проворованная и до смерти заезженная страна.

Мы рискуем увидеть инфраструктурный упадок РФ, и

даже новый подъем мировых цен на нефть, коли и случится, нас уже не выручит. (Топливо-энергетический комплекс также заезжен и нуждается в массивных инвестициях.) На фоне бурного строительства новой инфраструктуры в Бразилии, Индии и Китае Российская Федерация выглядит весьма бледно. Протяженность железных дорог сокращается, шоссейное строительство стагнирует, а нового жилья в 2008 году построили едва 70 % от того, что строили в советской РСФСР 1989 года.

За упадком техносферы следует кризис управленческий. В РФ построено совершенно

недееспособное, коррупционное государство. В нем километр четырехрядной автострады стоит вчетверо больше, чем в Китае. Даже если учесть все неблагоприятные природно-климатические факторы (по А. Паршеву), все равно разрыв – недопустимый. Разгадка? Воруют. А если государство недееспособно и коррупционно, то никакого развития, никакой промышленной и структурной политики оно вести не сможет. Надо ли объяснять, насколько это губительно для нас в условиях кризиса?

С коррупцией российского истеблишмента связан и кризис инноваций, кризис невозможности

развития по инновационному пути. А ведь только в нем — наша надежда на национальное выживание. Только применение революционных (подрывных или закрывающих) инноваций позволит нам заново построить Россию с новой техносферой — эффективной, берегающей ресурсы и средства. Техносферой, которую строить намного дешевле. (Хотя инновации нам понадобятся не только в технике и экономике!)

Однако инновации наталкиваются и на ожесточенное сопротивление коррумпированного истеблишмента, и на отсутствие спроса на них в примитивной

сырьевой экономике. Таким образом, инновационный кризис – тоже «роза» из «букета».

Дальше нам грозят демографические и кадровые проблемы. В 2010-е годы РФ будет катастрофически не хватать ни рабочих рук в общем, ни квалифицированных специалистов, рабочих и инженеров в частности. Тех, кто мог бы хотя бы обращаться с техносферой уровня хотя бы 1980-х годов. Не нужно никому рассказывать о «качестве» выпускников нынешних вузов РФ.

Следующий кризис – энергетический. Нам говорили, что проект газопровода «Набукко» (газ в

Европу из Средней Азии и Ирана в обход РФ и Украины) нерентабелен, что нет газа для его наполнения, что он никогда не воплотится – а Запад его намерен построить. Но это же значит, что в газовом балансе РФ будет пробита брешь как минимум в 30 млрд кубометров природного газа. Если же еще и Китай сможет перебросить «нити» в Туркмению и станет брать ее газ, то брешь выйдет вдвое больше. Ибо РФ давно не обеспечивает себя «голубым топливом», восполняя дефицит газом из Туркмении и Узбекистана. Легко себе представить, как это подкосит российскую экономику. Добавьте к этому противоречие

между электроэнергетикой и «Газпромом»: первая стремится нарастить потребление природного газа, второй – хочет его ограничить.

Все это говорит об одном: РФ вступает в некие «новые 1980-е». Помните: четверть века назад после правления Брежнева, который проблемы запустил, реальность предъявила счета к оплате. Вы влетели в кризис: либо решайте проблемы, либо вам – конец. 2000–2009 годы стали карикатурным подобием брежневского периода. (Все-таки при Брежневе страна развивалась, там не все проедалось, а разворовывалось в сотни раз меньше, чем теперь.) 2010-й и последующие

годы станут именно таким «предъявлением счетов».

Российскую Федерацию ждет жестокий социально-экономический, а затем и политический кризис. Он вполне сравним с тем, который трепал СССР при Горбачеве, а в чем-то — даже окажется тяжелее. Еще в апреле 2005 года тогдашний заместитель главы Администрации Президента РФ Дмитрий Медведев выступил со статьей об угрозе развала РФ, заявив о том, что распад ее окажется намного кровавей и катастрофичнее, нежели дезинтеграция СССР. И вот обозначенная тогда проблема встала перед нами во весь рост.

При этом многие явления в жизни теперешней РФ до боли напоминают горбачевщину.

Поэтому главнейшая задача для всех в РФ — предотвращение ее катастрофического распада. Кто это должен делать? «Все, способные носить оружие». Какие-то части государственного аппарата, какие-то силы в церкви — да, нельзя никого отталкивать. Но еще важнее сегодня инициировать процесс некоего объединения снизу, на соборно-ополченческих началах (вариант русского гражданского общества). Грубо говоря, нужно подготовиться к моменту, когда здоровым силам придется помогать вменяемым

людям во власти: ибо на разложенный государственный аппарат надежды практически нет.

Необходима и полная смена социально-экономического курса. Ведь уже очевидно, что неолиберальный эксперимент, начатый в РФ в 1992 году, продолжающийся поныне, полностью провалился. В экономике, судя по всему, придется применять эмиссионный (но при этом неинфляционный) механизм финансирования, делая при этом, как предлагает Юрий Крупнов, пятилетки развития. Смысл: «отвязаться» от гибнущего ядра капитализма, начать

самостоятельное «плавание». Придется вводить настоящую диктатуру развития. Фактически придется не только пересобирать страну, но и строить совершенно новую социально-экономическую политику.

Задача – сверхсложная. Сложнее, чем решал Сталин в тридцатые. Но без ее решения жить РФ осталось недолго...

Другой функционал...

Как считает директор Института проблем глобализации (ИПРОГ), д-р экон. наук Михаил Делягин привычный нам мировой порядок

уже в близком будущем подвергнется огромным изменениям, причем крайне жестким и хаотичным.

– Несомненно, перед мировыми центрами силы будут стоять тяжелые задачи, которые отвлекут их внимание. Соответственно, у России, как участника глобальной конкуренции, появятся некоторые возможности, увеличится пространство для маневра – в сравнении и с нынешним временем, и тем более с 90-ми годами.

Но, с другой стороны, внутренняя логика развития России гарантирует нам тяжелые перспективы. В условиях экономической депрессии

единственный способ даже не развития, а простого выживания — замена сжимающегося коммерческого спроса государственным спросом. Но, когда вы увеличиваете последний, нужно контролировать деньги государства. К сожалению, в нынешней РФ это невозможно, так как контроль за государственными деньгами объективно подрывает возможности коррупции. То есть, с моей точки зрения, подрывает благосостояние правящего класса и сами основы государственного строя, воссозданного в 2000-е годы. Поэтому контроля не будет, а выделяемые государством деньги

начнут поступать на валютный рынок и размывать международные резервы РФ. Так, как мы это видели осенью 2008-го. Этой осенью и зимой ситуация повторится, хотя и в меньших масштабах.

Дальше все зависит от цен на нефть и от интенсивности дружбы между нашими бюрократическими кланами. При неблагоприятном развитии событий все кончится уже в конце 2010 года. При благоприятном – цикл провернется еще один раз.

Цикл довольно примитивен: государство дает деньги для поддержки экономики, они вместо нее идут на валютный рынок, международные резервы РФ

сокращаются, возникает паника. Ускоряется инфляция, государство психует, ослабляет рубль и больше не дает денег. Те средства, что были даны раньше, как-то доходят до реального сектора – и возникает та шаткая «стабилизация», которая напоминает теперешнюю. Лимитирующий фактор здесь один: международные резервы страны.

В ходе прошлой волны кризиса мы потеряли четверть триллиона долларов (считая 43 млрд долларов, неправомерно, вопреки одобренной методике, включенных в международные резервы по состоянию на начало февраля). Примерно 20–30 млрд потом

отыграли. Дальше цикл может повториться. И когда международные резервы РФ окажутся полностью украденными (или растраниженными — если вы хотите продемонстрировать идеологическую девственность), произойдет обвальная девальвация рубля и обрушение нашего общества в системный кризис.

Не склонен верить в самодеятельность масс, особенно учитывая состояние, в котором они находятся. В системном кризисе власть, скорее всего, захватят представители третьего эшелона и бизнеса, и государства. Вопрос заключается в том, будут ли они

напуганы этим системным кризисом достаточно, чтобы стать ответственными. Поколение Брежнева было «контужено» 22 июня 1941 года, и вся их жизнь посвящалась воплощению принципа «Лишь бы не было войны». Системный кризис должен так же «контузить» новых правителей РФ, чтобы они всю оставшуюся жизнь боялись пренебрегать интересами общества. Но даже если они будут ответственными, хватит ли им компетентности? Это — тоже открытый вопрос, поскольку варваризация нашего общества идет стремительно, и отнюдь не только по линии системы образования.

Если же они окажутся достаточно ответственными и компетентными, то им не понадобится никаких выдающихся интеллектуальных способностей, ибо новой власти придется решать задачи простые и даже примитивные. Причем методами столь же простыми. Тогда они смогут проводить рациональную социально-экономическую политику, а в условиях дезорганизации мирового порядка — смогут построить нормальное общество. Смогут его нормально развивать. И со временем, с ростом благосостояния, вырастет нечто похожее на демократию, как в Южной Корее. Естественно, на наш

манер.

Если этого не произойдет, то никакой России через 10 лет не станет, причем потерей территории, как в прошлые разы, дело не ограничится, — исчезнут наша российская цивилизация, наша российская культура как таковые. Произойдет то же, что с древними римлянами, когда их прямые потомки бродили в непонятном виде среди гигантских руин величественных сооружений и поперек дорог, еще недавно стягивавших воедино весь известный мир, — и даже не могли себе представить, для чего все это было нужно.

Правда, есть существенное отличие: если развалины Римской империи лежали среди некоей пустоты, то у нас есть сильные соседи-конкуренты, каковые быстренько заберут у нас все полезное. Начиная от пресной воды и кончая нефтью. Не вижу смысла рассуждать о дальних перспективах, поскольку перспективы — только ближние. Максимум — это четыре года, и то при самых благоприятных обстоятельствах. При неблагоприятных — года два, не более.

Перспективы сильно зависят от российского общества (или от того, что мы называем этим термином),

потому что вопрос будет решаться в значительной степени стихийно и в режиме «инициативы со всех сторон». Вероятно, судьба России будет решаться, как обычно в смуту, в хаотичном и длительном столкновении очень слабых, сменяющих друг друга нечетко очерченных групп. В преддверии этого необходимо объединиться, чтобы иметь общий проект, общее понимание ситуации, — чтобы разумная группа оказалась как можно более сконцентрированной и эффективной.

Но российское государство, простите за выражение... Вот мы все время говорим, что наше государство

неэффективно. Дорогие вы мои! Российское государство – самый эффективный управленческий организм, мне известный. Просто не нужно путать его функцию, цель, которую оно на самом деле преследует, с лапшой, которую оно попутно вешает на наивные уши. Нынешнее государство, насколько можно судить, – это инструмент по переводу биомассы, официально именуемой «российское население», в личные богатства чиновников, хранящиеся в фешенебельных странах. Когда мы говорим, что это устройство неэффективно, то ведем себя как овцы, которые между собой обсуждают «ужасную

неэффективность» скотобойни. Хотя любой, кто кушает котлетки, прекрасно знает, что бойня вполне эффективна.

Нынешнее государство работает хорошо: просто у него другой функционал.

Когда человек говорит о его неэффективности, это звучит примерно так же нелепо, как гипотетические разговоры евреев в 1942 году о неэффективности Освенцима.

Надеяться на это государство не имеет смысла. Дискуссии о том, хороший ли господин Медведев или нет, правильную вещь сказал товарищ Путин или не очень, —

бесплодны. Просто потому, что, если кто-то из них попытается ввести контроль за государственными деньгами, его завтра не станет, и никто не вспомнит, как его звали. Есть правящий класс, достаточно толстый общественный слой, который не простит и не допустит такой измены своим интересам.

Поэтому вопрос стоит так: а насколько хватит нынешнего государства? И то не его — а международных резервов РФ. И ответ прост: ненадолго, так что нам надо готовиться изо всех сил. Времени, чтобы терять его, больше нет.

Великая

нeсамocтoятeльнocть

По словам председателя правления ИДК, известного экономиста Андрея Кобякова, нужно отдавать себе полный отчет в том, что все пореформенные годы РФ существовала с сильно деградировавшей структурой экономики. Она попала в чрезмерную зависимость от мировой конъюнктуры. Именно поэтому, когда мы рассуждаем о чисто экономических возможностях России в ближайшем будущем, мы просто не можем миновать вопроса о том, что же происходит с мировой экономикой в целом...

— При имеющейся структуре производственных мощностей российская экономика вряд ли получит собственное оживление, — говорит А. Кобяков, имея в виду сырьевой характер РФ. — Самоподдерживающийся экономический рост пока в России невозможен. Для этого нет целого ряда важнейших как институтов (в лице, скажем, суверенной финансово-банковской системы), так и важнейших решений, способных изменить технологический характер этой экономики, повысив долю наукоемких отраслей и т. д. В любом случае это — вопрос далекой перспективы. Если эти вещи начнут

осуществляться.

В ближайшее же время наше состояние останется производным от состояния мировой экономики. Поэтому хотелось бы разобраться: а что происходит с последней?

На днях мы беседовали с моим другом и соавтором Михаилом Хазиным. Я спросил его: «Как ты смотришь на появившийся в последнее время набор заявлений из Евросоюза, Японии, США и РФ о том, что мы достигли не просто плато, а даже роста?» Говорят: мол, на одну десятую процента снизилась безработица в Соединенных Штатах – с 9,5 до 9,4 %. Но при этом, что примечательно, и число рабочих

мест сократилось тоже. Вот такие вот выкрутасы со статистикой наблюдаются. Очевидно, что просто перестали учитывать тех, кто прекратил поиски работы. Хазин ответил: «Мне кажется, что это — некая согласованная пиар-кампания». Попытка, как выразился Максим Калашников, применить шаманство, заклинания против кризиса.

Может, кто-то наивный действительно поверил в окончание кризиса. А нам важно понять саму природу кризиса. По моему мнению, мы имеем дело с «наложением» кризисов разного рода друг на друга. Это не один кризис, а сразу

несколько. Не просто рецессия в рамках короткого цикла, условно говоря, пятилетнего. Вернее, в рамках трехдесятилетнего цикла. Если брать вторую половину XX и начало XXI века – то такова протяженность короткого цикла. Значит, перед нами – и ЭТОТ кризис в том числе. В этом смысле действительно можно предположить, что выход из рецессии нащупан. Но если принять в расчет, что мы находимся и в рамках волны Кузнецца, и в рамках волны Кондратьева (обе – в понижающейся фазе), то очевидно: любые подъемы, что здесь будут возникать (в рамках долгой понижающейся фазы), будут иметь

короткий и очень невнятный характер. А после будет наступать новый спад.

По моим априорным представлениям, высказанным год назад, к 2010, а то и к 2011 году наступит некоторое затишье. А после него пойдет очередная, уже серьезная волна кризиса, которая станет окончательной для изменения мира в том виде, в котором мы его сейчас знаем. Здесь будут и проигравшие, и побежденные, и победители. Имеет смысл рассматривать многие вещи именно сквозь эту призму...

То, что происходит нынче, Андрей Кобяков считает пока еще «косметической зачисткой». Но

долго ли удастся сохранять сложившуюся парадигму глобального финансового капитализма, отвязанного от каких-либо реальных стоимостей и т. д.? И что, собственно, придет ей на смену? Ведь существует (и об этом все боятся говорить) и латентный валютный кризис. Протекает он в странной манере. Мы увидели девальвацию рубля и целого ряда валют по отношению к доллару (в конце 2008 года), но при этом все понимают, что главной жертвой валютного кризиса должен стать именно... доллар. Вот что говорит Андрей Борисович:

— Поэтому мы имеем дело с

несколькими кризисами разного рода. Это и структурный кризис, и кризис парадигмальный, и кризис прежней технологической модели развития.

Пропустив V технологический уклад, Россия при отсутствии какой-либо внятной экономической политики получила «просадку» и вышла в другую когорту стран в мировой иерархии. Если мы упустим возможность модернизации на следующем, повышающейся фазе Кондратьевского цикла (по моим расчетам, она должна наступить в районе 2015 года), то РФ однозначно проваливается в некий «четвертый мир». А там – никаких перспектив не

то что для развития, но и для существования той массы народа, который могла бы прокормить наша экономика. Тогда действительно все эти сценарии относительно того, что в России для обслуживания нефтегазового комплекса не нужно более тридцати миллионов населения, могут оказаться актуальными.

Согласен с Михаилом Делягиным в том, что нынешнее государство неэффективно и уповать на него весьма сложно. Но вот вопрос: а на что тогда мы можем уповать? Если обсуждать персональный состав правительства – это один вопрос. Если говорить о

России вообще и роли государства в ней, то очевидно: без государства многие вещи в принципе невозможны. Многое без него мы не сдвинем с мертвой точки ни при каких обстоятельствах. Вопрос перевода нашей экономики в коридор инновационного развития – именно государственный. Ибо наш бизнес абсолютно невосприимчив к инновациям. Абсолютно! Не созданы никакие институты, которые могли бы этим заниматься. У нас идут одни разговоры о Банке развития, о каких-то конкурсных условиях предоставления этих кредитов... Этого просто нет даже в зачаточном виде. Ну, поговорили о технопарках и

технополисах, приняли программу – и тут выясняется, что Минсвязи отказывается финансировать десять технополисов. В другом технополисе уходит генеральный инвестор. Ну что это, извините за выражение, за бардак такой в масштабах страны?

При этом нет представления о том, как, собственно, должен работать технополис. Сама их идея возникла в Японии. Но японцы перед этим ездили и изучали опыт как Кремниевой долины в США, так и академгородков в Советском Союзе. И только потом создали нечто свое. Но в РФ даже такой попытки понять (что нам нужно в структурном отношении, как этот механизм

должен работать) не предприняли!

Считаю, что без серьезных
организационных и
институциональных усилий
государства нам в принципе «не
светит» никакого будущего.

Относительно мирового кризиса
мое мнение таково: да, сейчас мы
нащупали некое плато, но после него
будет новое падение — и гораздо
более серьезное. В конце концов, о
том, что кризис прекратился, во
времена Великой депрессии
говорили и в 1930 году, и в 1931-м, и
позже. Каждый раз тогда якобы
начинал восстанавливаться
фондовый рынок, но затем снова
рушился. Если брать даже чисто

финансовые показатели, то нет никаких оснований считать, что кризис преодолен. До тех пор, пока не «сгорела» эта безумная масса ничем не обеспеченных денег, кризис будет усиливаться. Наоборот, мы видим, как все эти деривативы сейчас монетизируются.

Поэтому кризис продолжится, а бенефициаром (извлекателем выгоды) из него окажется Китай. Он уже удачно пробросил через Назарбаева (а потом — и через РФ) идею глобальной валюты в виде специальных прав заимствования. А на самом деле — начал программу создания валютных свопов с целым рядом государств, в том числе и

заокеанских (Аргентина, Бразилия и т. д.). (То есть КНР выстраивает новую систему бездолларовых расчетов не только со своим ближайшим окружением. — *Прим. ред.*) Китай превращается в полноценный международный платежно-расчетный центр, готовясь к перехвату мирового лидерства... Учитывая меняющуюся геополитическую конъюнктуру, мы кое в чем могли бы сыграть на опережение...

Слепота в «зоне катастроф»

Смысл выступления заместителя директора Института прикладной математики (ИПМ) РАН Георгия Малинецкого сводился к тому, что РФ ради обретения лучшей доли должна, если говорить образами из старого анекдота, хотя бы купить лотерейный билет. А не пассивно скользить по нисходящей траектории. Мы все еще находимся в так называемой точке бифуркации, откуда можно свалиться в пропасть, а можно — и взлет начать.

— Мы все еще — в этой точке, но пробудем в ней не дольше пяти лет, — предупредил Г. Малинецкий, предупреждая об опасности сваливания РФ в небытие. По его

словам, ИПМ сейчас принимает участие в проекте президиума Академии наук под общим руководством академика Виктора Садовниченко. Цель его — спрогнозировать мировую и российскую динамику, используя методы синергетики и нелинейной динамики.

Тема государства, по словам профессора Малинецкого — тема крайне болезненная. По сути, государства у нас нет. Вернее, есть нечто, что называется «государством», но таковым не является. Например, сегодня крайне актуальна проблема техногенных катастроф в сильно изношенной РФ.

В стране – 50 тыс. опасных объектов, из них около пяти тысяч – крайне опасные, катастрофы на которых чреваты огромными жертвами и разрушениями. Со времен конференции 1994 года в Иокогаме известно, насколько выгоднее спрогнозировать и предотвратить катастрофы и аварии (всех видов, а не только техногенные), чем потом ликвидировать их последствия. Нужен замкнутый цикл: мониторинг, затем – прогноз, затем – моделирование нужных мер, затем – анализ того, что получилось.

Владимир Путин 3 декабря 2001 года сформулировал это как одну из двух главных задач, стоящих перед

научным сообществом страны. Но с тех пор, по словам Г. Малинецкого, никто системно и на необходимом для этого уровне темой предупреждения катастроф в РФ не занимался. Более того, все на словах – за, но работа не начинается.

А катастрофы становятся все чаще.

– В течение последних пятнадцати лет мы говорим: чтобы техносфера не рванула, нам нужно иметь постоянный мониторинг хотя бы на всех особо опасных объектах, – говорит Георгий Малинецкий. – Все без толку...

У нас – парадоксальная ситуация. Наши риски – как у

сверхдержавы, а ресурсы на ликвидацию последствий катастроф – как у слаборазвитой страны. Более того, в РФ произошла приватизация информации. Для того чтобы анализировать кризис, нужно иметь полноту информации. Но по российским законам ни один министр не может потребовать у другого министра предоставления ему полной информации по интересующему его вопросу.

Во всем, что касается прогнозирования и предупреждения катастроф, мы находимся в отчаянном положении. Нам сейчас приходится делать то, что надо было сделать еще пятнадцать лет назад. То,

что предлагал наш институт...

В пример профессор Малинецкий привел очень дешевую и весьма эффективную аппаратуру, созданную в МГТУ им. Н. Э. Баумана, которую можно ставить на каждую турбину каждой электростанции. Прибор как бы «снимет кардиограмму» оборудования, точно определяя его состояние. Здесь можно точно уловить опасный момент и отключить агрегат, предотвратив катастрофу. Такая аппаратура должна стоять на всех турбинах в РФ. Но, увы — никто не торопится этого делать. А инфраструктура в Российской Федерации —

действительно в крайне плохом состоянии.

Наука и власть, по словам Малинецкого, в РФ стали жить в разных мирах. Каналы обратной связи просто разрушены. И это – в условиях нарастания угрозы разрушения изношенной инфраструктуры страны.

Георгий Геннадиевич подтвердил худшие опасения многих экспертов, прогнозирующих полосу техногенных катастроф для Российской Федерации, считающих физический износ нашей техносферы одним из факторов острейшего российского кризиса. Не менее значимы кризис трудовой

этики, чувства ответственности, моральных норм, а также деградация системы управления. Билет в будущее для России потребует сверхусилий.

Готовиться к «моменту ч»

Нынешняя элита РФ вольно или невольно, осознанно или бессознательно ведет курс на тотальное уничтожение страны. В этом убежден видный аналитик Александр Нагорный:

— Михаил Делягин сказал о четырех годах, но я думаю, что «пробег» гораздо меньше. Почему? Четыре основополагающих момента. Во-первых, и это важнейший

элемент – фактор Северного Кавказа, который все больше лавинообразно выходит на поверхность при полном параличе руководства. Во-вторых, разрывной силой обладает фактор «СОХРАНЕНИЯ ФИНАНСОВОЙ МОДЕЛИ МОНЕТАРИЗМА», который доминирует в политическом дуумвирате нынешнего верховного руководства. В-третьих, существует и усиливается реальность «внешнего влияния» со стороны «западных партнеров» в условиях мирового кризиса. Наконец, в-четвертых, нарастает фактор управленческого паралича практически во всех элементах государственного механизма.

Что касается Кавказа и в целом сепаратизма, то здесь самым опасным являются расширяющиеся попытки провокационных внутренних сил и встроенной агентуры толкнуть РФ в ее нынешней форме на политические и конституционные реформы по типу горбачевских начинаний 1987 года. Нам твердят, что исходя из неких национальных интересов и «сохранения этноса» следует начать обсуждать и изменять нынешнюю структуру, в то время как вопрос стоит жестко и однозначно о смене нынешней либеральной модели и мобилизационном идеологическом рывке страны вперед. Если это не

будет сделано, то деградация продолжится в нарастающем темпе и распад возможен во временных рамках от 6 месяцев до полутора лет. Одновременно нам говорят, что Москва не контролирует Северный Кавказ или что надо дифференциально посмотреть на каждую республику. Стоит только начать — и дальше мы повторим кульбит 1989–1991 годов. Надо осознавать, что пока там стоят военные силы, мы контролируем его в военно-стратегическом отношении, хотя и Кремль не полностью управляет им. Даже в высшем руководстве РФ идут разговоры о том, что Кавказ нужно отделять.

Такие же разговоры идут среди русских псевдонационалистов. Или вот пример некоторых православных, стремящихся восстановить монархию. Разве они думают о том, что если православный царь в Москве, то почему не в Казани – хан?

Нужно дать себе отчет в том, что мы находимся накануне крутого поворота русской истории, как в 1917 и в 1991 годах. В 91-м мыслящая часть общества проворонила момент, когда ее «кинули»...

По мнению А. Нагорного, сейчас нужно подготовиться к моменту, когда власть будет падать. А падать она будет очень быстро.

— Наша задача — точно

спрогнозировать этот момент и выработать платформу, действительно объединяющую те силы, которые могут в этот трагический момент консолидировать страну, – говорит А. Нагорный. – Согласен с ведущим: нам необходимо понять, в каких сегментах эти силы могут взять власть и буквально сдернуть страну с края пропасти. Или – поймать ее в падении. Есть определенные силы в армии, в политическом истеблишменте, в ВПК, отдельные люди в МВД. И есть, наконец, Русская православная церковь. Визит нового Патриарха в Украину показал, что у Церкви есть энергетика, есть

идеология «Святой Руси», способная внести свой вклад в возрождение страны...

Обрисовывая задачи мыслящей части общества, Александр Нагорный указал на создание альтернативных идейных платформ. Например, когда в Чехословакии шло расшатывание советского влияния, там появлялись то «платформа 88-ми», то «платформа 15-ти». В них оказались уложены те идеи, которые сработали в тот момент, когда история подошла к поворотному пункту. И нужно сосредоточиться не на сценариях мировой экономики, не на судьбе доллара или технологическом развитии страны, а

на том, «что делать России в “момент Ч”, который приближается».

Оружие патриотических интеллектуалов

Президент Института национальной стратегии Михаил Ремизов начал выступление со спорной и взрывоопасной темы Северного Кавказа.

Призвав не впадать в истерию (и назвав «ампутацию» СК лишь как один из возможных сценариев), он призвал к обсуждению проблемы. А ведь есть и вариант с превращением

Северного Кавказа в российский протекторат, причем серьезных, системных аргументов против него не выдвинуто.

— Да, мы в любом случае обречены на то, чтобы решать проблемы Северного Кавказа, — говорит М. Ремизов. — Вне зависимости от того, является ли он частью нашей государственной территории или нет. Но если он остается частью РФ, то мы попадаем в ситуацию паралича строительства политической нации в России. Потому что мы в таком случае вынуждены считаться со спецификой северокавказской политической культуры и отдавать кавказцам часть

культурной, политической и иной гегемонии в России. И это — действительно проблема. Уверен, что можно ее решить, сохранив Северный Кавказ в России. При этом не надо говорить о СК в целом. Нужно отдельно рассматривать Дагестан, Чечню и Ингушетию, черкесские регионы. Нужно изучать все это дифференцированно и не кликушествовать...

М. Ремизов считает порочной практику мазохизма. Нельзя не замечать процесса создания «трансрегиональной Чечни» как крыши для диаспор и «авторитетных» сообществ.

Затем докладчик перешел к

основной теме:

— Я согласен с Максимом Калашниковым в том, что иногда вопрос о вариативности сценариев отступает на второй план. Иногда человеческая свобода состоит в том, чтобы либо сделать необходимое, либо погибнуть. Мы исторически оказываемся именно в такой ситуации. Либо сделаем необходимое, либо погибнем как государство, как цивилизация, как нация. Хотя, вполне возможно, здесь не стоит быть чрезмерными алармистами. Быть может, наша агония получится долгой.

Если говорить о зависимости РФ от внешней конъюнктуры, то

опять же прав первый докладчик, который говорит о необходимости разделения проблем кризиса глобального и кризиса российского. Думаю, что российский кризис будет протекать более мягко, если глобальный кризис не перейдет в некие спазмы разрушения глобального финансового капитализма и будет более катастрофичным, если такие спазмы начнутся. Потому что в положении коренной ломки самые слабые управленчески и экономически системы, к которым относится РФ, наиболее уязвимы. Россия особенно уязвима, поскольку стоит на перекрестке самых разных интересов

и контролирует те ресурсы, которые на взгляд многих мировых элит не соответствуют уровню ее экономического, социально-демографического, исторического, культурного и иного влияния. Не соответствуют ее статусу.

Если мы ставим вопрос так категорично – «сделать необходимое или погибнуть», то следует спросить также: кому делать это «необходимое»? Мы можем долго рассуждать на тему того, что должна сделать абстрактная Россия или абстрактное государство, но эти разговоры полезны лишь в случае, если мы отрефлексируем проблему общественного субъекта.

По большому счету, нужно обсуждать то, что делать нам — патриотической части интеллектуального класса страны. И здесь стоит предостеречь друг друга от снятия всякой претензии к существующему государству. Нахожусь под большим впечатлением от метафоры Михаила Делягина относительно овец, Освенцима и эффективности. Интеллектуально обаятельно, но, по существу, является формой снятия всех претензий к существующему государству, формой индальгенции правящей бюрократии. Ибо если мы лишаем себя возможности предъявлять требования властям с точки зрения

некоего нормативного функционала, который присущ государству как таковому – мы оказываемся в слабой позиции.

А этот функционал, помимо утилизации советского наследства, объективно включает в себя и поддержание правопорядка, и социализацию населения, и поддержание инфраструктуры. Как бы ни был плох «правлящий класс», все это объективно необходимо для того, чтобы ему было, чем «править».

Тем более чтобы править самостоятельно. Пока российский правящий класс в полной мере не стал частью общемирового. Существуют большие разногласия по

поводу статуса «россиян» внутри мирового истеблишмента. И эти разногласия, возможно, являются главной причиной той «патриотической повестки» путинского правления, которую мы наблюдали в минувшие годы.

Я согласен, не стоит питать иллюзий по поводу природы нынешней властной системы, но тем важнее сохранять в наших руках, пусть иллюзорную, но инструментально полезную идею нормативного содержания государства. И уже на этой основе предъявлять наши счета к действующей системе (хотя бы по принципу «исполняйте свою

конституцию»). Поскольку это не снижает, а повышает уровень требовательности к ней.

У интеллигенции мало оружия. И одно из орудий в ее арсенале – это апелляция к общему благу, к нормативному содержанию публичных институтов. Не стоит выпускать его из рук...

Но это, по словам М. Ремизова, только пролог. Вопрос – что может сегодня делать патристический интеллектуальный класс? У него есть работа даже тогда, когда государство не является функционально национальной силой. Во-первых, он может проектировать хотя бы на бумаге элементы нового

общества. Новое общество вообще сначала проектируется именно в текстах. Ибо если посмотреть на историю модернизаций и формирования великих наций, это не только великие стройки типа «железнодорожного проекта» Витте, но проекты по созданию новой национальной историографии, высокой литературы. Ремизов отмечает, что последняя у нас есть — нужна лишь модель ее преподавания в школе. Здесь же — проекты по формированию новой армии и новой бюрократии. Все эти вещи могут родиться на бумаге прежде чем они появятся в реальности. Михаил Ремизов предлагает создание

нескольких проектных центров под эгидой союзников в государственном аппарате и в патриархии. Они в силах обеспечить такую полезную работу.

Во-вторых, полезно вести проектную и научную дискуссию, которая позволит «операционализировать» наши политические и общественно-политические цели.

— Если мы начинаем подробно говорить о том, как мы видим модернизацию или неоиндустриальную революцию, национальное строительство и другое, то сразу же видим: есть множество проблем, никак не связанных со злонамеренностью

власти, но связанных с концептуальной нерешенностью этих проблем, в том числе – в нашей собственной среде, – считает М. Ремизов. – Их и надо решать в нашем кругу, чтобы мы на выходе могли предъявить и власти, и обществу некий пакет операциональных требований, на которые можно ответить «да» или «нет». Если же мы сделаем это, то мы можем в какой-то момент получить «да».

Но лишь в том случае, если мы выполним третий пункт повестки: сформируем из интеллектуального класса некий протосубъект, создадим эффективное информационное и

общественно-политическое лобби...

Пока, считает М. Ремизов, в интеллигенции есть только одно лобби, влияющее на власть и президента, — «либеральное» (именно в кавычках!). Лобби национального, консервативного (социал-консервативного) и патриотического в РФ пока не существует. Его кристаллизация с ориентацией на того же референта (президента) была бы крайне полезным делом. Общественно-политическая жизнь в стране стала бы двукрылой, что оправдано даже с точки зрения ее нынешних архитекторов.

— И здесь не нужно забывать о

таким эффективным лоббистом, как Патриарх Кирилл. Ведь он убедил (видимо, лично) президента в том, что введения преподавания основ православной культуры принесет больше пользы, чем вреда, несмотря на огромное сопротивление этому проекту. Соответственно, если в чем-то удастся убедить Патриарха Кирилла, он затем убедит в этом и всех остальных, — полушутя завершил М. Ремизов, вызвав заметное оживление в зале...

**Развал «сверху» как
элитный интерес**

Независимый аналитик и автор теории эволюции социальных систем Игорь Бощенко (книга «Будущее человечество» вместе с М. Калашниковым) подошел к прогнозу ближайшего будущего РФ нетривиально. Он поставил себя на место правящей верхушки страны, постигая их интересы и движущие мотивы. В самом деле, почему их политика уверенно ведет Российскую Федерацию к обрушению?

– Попытаюсь выступить в роли некоего «консолидированного Чубайса». Обращу ваше внимание на то, что каждая социальная группа имеет свои внутригрупповые цели.

Элита наша также ими обладает. Чтобы понять стратегию и тактику ее действий, нужно постичь ее групповые цели и осознать, насколько она понимает серьезность положения.

Итак, понимает ли элита РФ, что нынешний кризис кончится крахом? Да, понимает. Сознает ли она, что все произойдет достаточно скоро? Да. О чем она будет думать в первую очередь? О вопросах личной безопасности в «посткризисный момент», когда все упадет.

Если выход из внутрироссийского кризиса предполагает сохранение целостности государства, то

существует большой риск того, что нынешнюю элиту будут преследовать. Причем даже в том случае, если ее представители окажутся за пределами РФ.

А теперь представим себе, что крах дойдет до такой степени, что Российская Федерация распадется на несколько сегментов. В этом случае вероятность консолидированного преследования элиты всеми сегментами крайне низка. Отомстить попробуют самые обиженные. А самой обиженной в случае развала страны окажется Центральная Россия. Она попадет в состояние нынешней Украины...

По мнению Игоря Бощенко,

нищая Центророссия серьезной угрозой для «элиты развала» быть не сможет. Поэтому интерес нынешнего российского истеблишмента состоит в обеспечении личной безопасности через контролируемый, «верхушечный» раздел Российской Федерации. Так, чтобы «не было прокуратуры».

— В каком случае Сибирь и добывающие сырье регионы будут спокойно относиться к Москве? Тогда, когда у них появятся свои каналы сбыта сырья, минующие Центральную Россию. Грубо говоря, когда появится «труба» в Китай. А КНР сможет обеспечить силовой протекторат для этих регионов. А

«труба» в Китай уже строится, — раскладывает ситуацию И. Бощенко. — Таким образом, если рассматривать стратегию нынешней элиты в решении проблем ее внутригрупповых вопросов, то ей нужен не просто крах, а крах абсолютный. Крах России как единого, целостного субъекта. Потому что только в этом случае у нынешнего истеблишмента появляются некие перспективы для его личного благополучия.

Таким образом, разрушение РФ является оперативно-тактическим интересом действующей элиты. Не стоит апеллировать к «элите», уповая на ее недомыслие. Если допустить

наличие умысла в ее действиях, то все становится на свои места. Причем следует различать интересы президента и премьера. Для них и их ближайшего круга за рубежом свободы нет, они без субъектности России обречены в личном плане. А вот элита среднего звена не боится преследований. «Среднеэлитных» начальников много и каждый имеет незначительные капиталы. Они уже имеют недвижимость и активы за рубежом. Их семьи и дети живут не в России, а некоторые из их отпрысков и родились-то не в РФ, поэтому юридически считаются гражданами других государств.

Но трагедия самой верхней

части элиты заключается в том, что именно они породили это среднее и не очищаемое звено и в какой-то мере являются его заложниками. Среднее звено, надо сказать — небезосновательно, считает, как говаривал персонаж Броневого в «Семнадцати мгновениях весны», что «тех кто побежит сейчас, поймают и расстреляют, а вот когда здесь будут грохотать русские пушки... вот тогда мы и уйдем». Точно так же рассуждает среднее звено: пока оно боится президента и премьера, но все его активы и интересы давно за пределами России. Они просто ждут, когда загрохочут пушки русского бунта,

чтобы незаметно исчезнуть, оставив верхушку на растерзание толпе. Так уже бывало и так обязательно будет. Тот, кому есть, что терять, никогда не рискнет всем ради еще небольшой добавки к имеющемуся. Капитал пуглив, а несправедливо нажитый — пуглив вдвойне.

Мы в ходе семинара говорили о наших интересах: сохранить Россию, воссоздать сильный геополитический субъект. Но ведь есть влиятельные люди с совершенно иными устремлениями!

Ценности — прежде всего

Вице-президент

Российской

криминалогической ассоциации Игорь Сундиев был лаконичен. Он попытался объединить высказанные на круглом столе идеи.

Прежде всего идею о том, что кризис – не един, он многоаспектен. Затем – мысль об эволюционной, «переходной» природе кризиса.

– В чем главная эволюционная значимость этого кризиса? В том, что прежняя модель развития уже закончилась. Об этом уже все сказали. Поэтому, когда уважаемый Максим Калашников говорит: «Не хватает вот этого, того и этого...», встает вопрос: а это нужно? Мы, образно говоря, поставили диагноз – больной умрет через три недели. А

вот если бы, мол, у нас было два десятка кислородных аппаратов, искусственная почка и так далее, мы могли бы продлить его существование еще на несколько часов.

Если ресурсы той модели, которая была, закончились, то все прозвучавшие здесь оценки принимают иное значение. Мы пропустили V технологическую волну? И слава богу! Нет ресурсов на то, чтобы догонять, у нас нет сил. И не надо догонять. Но мы знаем, какой будет новая волна и что необходимо для нее. То, что старый технологический уклад благополучно разрушается (и не нашими руками)

имеет только один положительный смысл: мы можем строить другой технологический уклад, «на два шага вперед»...

(Реплика М. Калашникова: «Так я о том же самом и говорил, когда предлагал строить новую техносферу на прорывных технологиях следующей эры!»)

...Да, вы об этом говорили. Но чего здесь не хватает? Любая модернизация требует материальных, организационных и силовым ресурсов, чего у нас нет.

На мой взгляд, сам кризис есть наглядное свидетельство начала глобального перехода человечества к качественно новому состоянию, к

принципиальной иной организации самого человеческого общества, чем та, к которой мы привыкли и с которой традиционно отождествляем себя. Этот переход осуществляется по целому ряду различных направлений и воспринимается нами как волна разнообразных и слабо (либо вовсе не) связанных друг с другом кризисов. Между тем не только их взаимодействие, но и взаимосвязь их на принципиальном уровне представляются очевидными. Наше нежелание обнажить и исследовать эту взаимосвязь вызвано не только доминированием отраслевого характера юридического знания (жестко разграничивающим

разные его направления и противодействующим тем самым комплексному подходу), но и страхом обнаружить, что кризисы носят более глубокий характер и требуют от нас больших изменений, чем те, с которыми мы согласны.

В результате все мы (и ученые и политики) не только часто «не видим за деревьями леса», но и боимся его увидеть, так как подозреваем, что он будет для нас неудобен, опасен и потребует от нас жертв, на которые мы не готовы.

Эта естественная человеческая слабость обесмысливает всю антикризисную политику: не желая думать о направлении перехода

человечества (и, кстати, не желая признавать даже сам факт этого перехода), управляющие системы государства подчиняют все свои усилия заведомо обреченным на неудачу попыткам вернуться в прошлое, войти второй раз в привычную, удобную и хорошо изученную реку. В результате объективно обусловленные изменения удастся в лучшем случае лишь слегка притормозить.

Элитарная часть человечества, уверовав в неизменность роста своего благосостояния, категорически не хочет даже признавать главной задачи современного человечества,

поставленной перед ним всем объективным ходом его развития. Эта задача состоит в том, чтобы определить направление комплексного перехода, в котором оно находится, выявить характеристики следующей «зоны стабильности» и соотнести все свои действия с задачей наиболее быстрого и безболезненного достижения этой зоны (а при возможности — и ее гуманитарной трансформации).

Это самовлюбленное нежелание нашей и мировой элиты считаться с объективным характером собственного развития дает России нежданное конкурентное

преимущество. Ведь, даже только приступив к решению этой задачи, она, в каком бы плачевном состоянии ни находилось бы ее внутреннее устройство, станет интеллектуальным лидером современного человечества. Соответственно, она сможет заняться наиболее выгодным и привычным для себя делом: насаждением соответствующих собственным интересам норм и стандартов поведения (после краха коммунистической идеологии этот бизнес был монополией США, во многом обусловившей их могущество и благосостояние).

Основным компонентом

складывающегося глобального кризиса есть аксиологический (ценностный) кризис. Суть: в основе побуждений членов любого развивающегося социума лежат, в первую очередь, сакральные ценности, обеспечивающие долгосрочную созидательную преемственность мотивационной сферы. Эти ценности задает либо религия, либо – идеология. Вторая половина XX века характеризуется немотивированным ростом прагматизма и утилитаризма, начало которому положил последний оплот сакральной идеологии – СССР, в котором в 1961 году была принята новая программа КПСС. Именно в

этой программе было дано экономическое определение «светлого будущего» (коммунизма), и именно в ней «провозглашена дата конца истории» — построения коммунизма (1980 год). На наш взгляд, именно этот ключевой момент послужил началом краха СССР, социалистической системы и системы мирового порядка. Необычайно быстро сакральные ценности повсеместно были вытеснены ценностями экономическими, что означало неизбежную деградацию всей ценностно-ориентировочной сферы социумов.

К чести высших иерархов

христианских церквей они первые выделили не экономическую, а сугубо нравственную природу нынешнего глобального кризиса...

Как считает Игорь Сундиев, потеряны важнейшие ценности. Прагматизм и цинизм не могут быть основой для движения вперед, нужны идеальные цели. Экономика сама по себе есть не цель человечества, а только инструмент. Мы же зачастую рассуждаем так, что экономика — основная цель.

— Аксиологического механизма в нашем государстве не существует по определению, — заявляет эксперт. — В РФ по Конституции не может быть государственной идеологии. У нас

все основные конфессии представляют из себя в первую очередь коммерческое предприятие, во вторую – дань традиции и более ничего. Вся ценностная (аксиологическая) работа отдана на откуп внешним силам. Мы превратились из интеллектуально-духовного центра в ведомых...

Таким образом, считает И. Сундиев, сегодня нельзя рассуждать о том, как мы будем выходить из кризиса. Все зависит от того, как нас поведут. И пока никто не поставил задачу формирования новых идей, новой идеологии, а отнюдь не экономической программы. Новые духовные

ценности — вот что нужно прежде всего.

Конечно, есть несколько коллективов в Москве, имеющих солидное финансирование и пытающихся в течение ряда лет построить новую национальную идеологию. Но толку от их работы — никакого.

— Они работают по заказу. И кому все отдают? Да тем самым персонажам, которые занимаются разрушением государства, о чем сказал Игорь Бощенко. И куда наработанное идет дальше? В лучшем случае — публикуется на официальном сайте. В худшем — разработчики получают деньги и на

этом все успокаиваются, — качает головой вице-президент Российской криминологической ассоциации.

Он считает, что духовная деятельность (не сводимая только к церковной) должна воссоздать русскую пассионарность, каковая за последние двадцать лет нашла себе внегосударственное применение. Вся государственно-политическая пассионарность закончилась в 1993 году. А значит, нет политической энергии у народа, нет государственно-ориентированной воли к жизни, развитию и к преодолению кризиса. Игорь Сундиев надеется, что пассионарность просто спряталась,

однако в какой-то (непредсказуемый) момент вырвется наружу. Любое государство создает каналы для реализации пассионарной энергии в полезном для общества ключе. Но государство в РФ (в лице своих элит) даже слова «пассионарность» не знает.

По убеждению эксперта, главное сегодня — построить новую ценностную модель, и тогда технологии будут действительно востребованы для эффективного развития. Ибо благодаря новой ценностной модели мы сможем возглавить все человечество, когда оно окажется в ужасающем состоянии и примется искать выхода

из тупика. Ведь система старых ценностей обрушилась. «Кто предложит новые ценности, тот и возглавит мир!» – верит Игорь Сундиев.

РФ как «антикризисная» жертва?

Председатель центрального совета межрегионального общественного движения «Народный собор» Владимир Хомяков считает, что мы стоим на пороге трагических событий. А именно – попыток транснациональных сил принести РФ в жертву на «антикризисный

алтарь». На глобальной сцене теперь действуют игроки, гораздо более мощные, чем любые национальные государства и даже Соединенные Штаты. Они намерены в ходе кризиса создать новый мировой порядок. Российская Федерация должна стать чуть ли не первой жертвой «нового мышления». Вот что говорит В. Хомяков:

— Субъект, определяющий ход глобального кризиса — не государства, которые так или иначе выстроили свою экономическую систему, а транснациональные элиты, каковые по совокупной мощи превосходят любое государство мира. Именно их

интересами будет определяться ход кризиса. Мы имеем дело с кризисом системы, которую «транснационалы» создавали последние несколько столетий, создали ее — но сейчас она зашла в ряд тупиков. Не буду их перечислять. Очевидно, что раньше в этой системе контроль осуществлялся опосредованно, через кредитно-финансовые механизмы, «мировые деньги». Сегодня эти механизмы «сдуваются»: много чего напечатали, новых рынков для освоения больше нет (последним был Советский Союз и его блок). Выход в виде «накачивания» спроса с помощью раздачи кредитов? Невозможен — это лишь отсрочка. И

здесь уже в тупик зашли. Добавим сюда и назревающий экологический кризис, явную климатическую «порчу» и оскудение прежних месторождений сырья... По мнению В. Хомякова, все идет к тому, что территория и пресная вода станут такими же ценными ресурсами, как нефть. («Уже стали, впрочем!» – считает эксперт.) Ведь из-за идущих сегодня экологических и природно-климатических изменений многие территории будут просто непригодными для жизни. Но транснациональные игроки, контролирующие мировую экономику, не желают этот контроль потерять. Однако старые,

финансовые механизмы их власти (опосредованный контроль) ломаются, и потому они явно попытаются создать новые инструменты власти.

— Они постараются перейти к непосредственному контролю над тем, что представляет ценность, — считает эксперт. — Другого выхода просто нет. Как этого можно добиться? Не секрет, что еще в 90-е годы обсуждалась теория управляемого хаоса — т. е., создание цепи конфликтов, которые по своей мощи сопоставимы с любой мировой войной. Никто, естественно, ядерного апокалипсиса не допустит: жить хочется. Можно то же самое

сделать без ядерных ударов. Взрывоопасных точек на планете сейчас полно. Стоит, например, американцам покинуть Ирак – и там передерутся три анклава, курды схлестнутся с Турцией. Еще один возможный очаг нестабильности – Иран (с выходом в Среднюю Азию, Каспий, Азербайджан). В общем, есть где поджигать, были бы деньги и специалисты. И то, и другое имеется в изобилии.

В этом случае Россия становится перспективной территорией. Здесь много и территорий, и пресной воды, и полезных ископаемых. Многие новые месторождения в РФ последние

полтора десятка лет не осваиваются. Так, как будто их для чего-то приберегают. Земли скупаются и выводятся из сельхозоборота. Резервируют для кого-то еще? Картина получается не очень хорошей. Владеть всем этим в пору кризиса, когда все рушится, нам не позволят. Или мы меняемся – или нас, извините, скушают... По словам Владимира Хомякова, русские ресурсы предназначены для того, чтобы над ними ввели так называемый «международный контроль». И это не конспирология: уже есть идеологическое обоснование такого шага и его ярые сторонники в истеблишменте РФ.

Достаточно вспомнить статью архилиберала Гавриила Попова о необходимости создания мирового контроля над природными ресурсами Земли и прежде всего — над нашими. А ведь была еще одна статья Попова, которую немногие заметили: в ней он говорит, что элите РФ нужно поторапливаться и побыстрее (пока не отобрали даром) продать «ракетно-ядерный» актив и недра. Предложения Попова восприняли как бред, а зря. Ведь он почти в точности воспроизводит положения либерального «Гуманистического манифеста-2000», подписанного только от России тремя нобелевскими лауреатами. Кстати,

РПЦ этим манифестом крайне озабочена: ведь там, помимо всего прочего, предлагается узаконить уже не только гомосексуализм, но и браки между близкими родственниками. И еще — сексуальное просвещение вводить чуть ли не с детского сада. Словом, полный набор либерально-гуманистических ценностей, среди коих: передача природных ресурсов планеты под международный контроль, создание мирового правительства и единых вооруженных сил, а также — формирование единого международного суда, имеющего юрисдикцию во всех странах. Это и

есть возможный «мир после кризиса».

– «Титаник» (старая система) тонет, спасать ее никто не собирается. Борьба идет за место в шлюпках и за тот мир, что будет потом, – говорит В. Хомяков. – Вот сейчас все строят это самое «потом». Представим себе, что чередой конфликтов ввергла Землю в тотальную гуманитарную катастрофу. И вот появляется некий носитель «нового мышления» – товарища Обаму не зря именуют «новым Горбачевым». (Кстати, само выражение «новое мышление» снова запущено в оборот.) Что, если представить: перестройка будет

предложена уже не Советскому Союзу, а всему миру? И вот товарищ Обама глаголет о новом мышлении и о том, что Америка первой готова положить свою выдающуюся мощь на алтарь спасения человечества. Готова перевести ее под международный контроль, который сами же эти ребята и сформируют. То есть просто переложат свою мощь из правого кармана в левый. Но при этом потребуют в тот же левый карман положить мощь всех прочих государств. Такой вот гамбит получается: жертвуем ферзя, но одним махом выигрываем всю партию... По мнению В. Хомякова, такой ход событий поддержат и

либералы, и многие левые. Даже Китай сюда может вписаться: с его ролью промышленного цеха всей планеты. В КНР – порядок, забастовки подавляются. А в США лишь 12 % заняты производительным трудом: остальные продают, покупают, обслуживают и развлекаются. А в «прекрасный новый мир» многих из этих 88 % «непроизводительных» просто не возьмут. Зато китайская рабсила там очень пригодится. Естественно, под международный контроль должны попасть русские ресурсы.

– При этом Россия попадает в сложное положение. Здесь – территория и ресурсы, и потому

делить будут именно здесь! — доказывает эксперт. — Готова ли Россия этому противостоять? Нет, не готова. В ней нет трех важнейших «опор». Во-первых, нет общественной легитимации тех либеральных ценностей, что исповедует государство: большинство народа их не признает. Во-вторых, народ не признает отношений собственности, сложившихся после приватизации. И, в-третьих, нет общественной легитимации нынешней власти. Ведь народ от нее почти полностью отчужден. Все держится на нескольких личностях, которым народ более-менее доверяет. Но если

они исчезнут – рухнет все разом. Что делать? Нужен мобилизационный проект. Для быстрого рывка требуется мобилизация. Весь вопрос состоит в том, как вести такую мобилизацию? На каких принципах?

Разумеется, она предполагает определенную автаркию, самообеспечение. В противном случае мы останемся прицепным вагоном, который повезут под обрыв. Тут мы – либо паровоз, либо вагон, третьего не дано.

Второе: мобилизация – это достаточно жесткий политический режим. Мобилизация предполагает принуждение, а сегодняшний бесконечный «учет интересов» – это

потеря времени и темпов. Нас спрашивают: «А как вы будете учитывать интересы 40 народов Северного Кавказа?» Отвечу вопросом на вопрос: «А как японцы учитывают интересы пяти узбеков, поселившихся в Токио?» Примерно так. По всем международным нормам, имея более 67 % мононационального населения, РФ является мононациональным государством. Так что модель имперской государственности, где русский народ — государствообразующий, а остальные народы имеют равные гражданские права — оптимальный для нас вариант. Их не ущемили — и себя не

обидели.

Каким должно быть государство? СССР даже в сталинском варианте уже не сработает. Попытка построить в России Запад провалилась. Остается Третий Рим, Святая Русь. Естественно, в современном понимании. Никто не говорит о возвращении к XVI веку, к самоварам и онучам. Святая Русь никогда не была завершённой структурой, это принцип общества, устроенного на православных ценностях. На солидарности, на отношениях семейственной иерархии внутри страны, на братском отношении друг к другу. Эти принципы могут придать

нашей общественной модели достаточную жизнестойкость по сравнению с нынешней моделью, основанной на эгоизме, личном успехе и пожирании сильным слабого.

Понятно, что само по себе все это не сложится — не сделается. У правящих ребят — и я здесь согласен с Игорем Бощенко — есть интерес развалить все и убежать. Но вот примут ли их «там»? Пример олигарха Прохорова показывает, что не примут. Дело в том, что с появлением в мире единственного субъекта власти (мирового правительства) все прежние права (включая права собственности, права

на деньги, признание любых регалий и статуса) зависят от того, признает ли все это новая власть. Это как в 1917-м: пришли большевики и отказались признавать старые права. И кончилось все — и право собственности, и прочие права. Если придет мировой суверен, ему на фиг не надо признавать какие-то права «товарищей по классу» из бывшей России, которые и здесь мало кто признает. Самое милое дело — их экспроприировать и свалить на них вину за все. Вот почему те, кто в нашей власти поумнее, стали понимать: «там» их не ждут... Владимир Хомяков думает, что в борьбе за новую Россию можно

рассчитывать и на таких людей во власти, и на Русскую православную церковь, которая сейчас активизировалась. Он напомнил слова Бжезинского о том, что после крушения СССР главным врагом Запада осталась Русская православная церковь. Наконец, есть наш народ.

— Нам говорят, что для обслуживания «трубы» нужно не более 30 млн населения. Но никто не говорит о том, что в новом порядке будет выгоднее завезти сюда 30 млн китайских работников, нежели сохранять русских, — считает эксперт. — Зачем мы-то нужны? То есть мы можем опираться на народ.

Наша организация поэтому и пытается объединить разных людей на общих принципах, мобилизовать их. Так, чтобы в случае «правильного качка» власти в нужную сторону ей было бы на что опереться. Ну не на «Единую Россию» же с «Нашими» им опираться-то!

Задача интеллектуального сообщества: покончить с распрями (кто первый сказал то или это) и предложить четкие схемы выхода из кризиса. Согласен с тем, что все нужно разработать заранее: как сделать то-то и то-то...

Время глобальной «чека»

Как всегда, с интересным и парадоксальным докладом выступил директор Центра русских исследований Московского гуманитарного университета, кризисолог Андрей Фурсов. (В ИДК он возглавляет Центр методологии и информации.)

Как считает А. Фурсов, две социальные системы (Россия и капитализм) родились вместе: в середине XVI века. И умрут они вместе, в объятиях — не позже середины XXI столетия. Есть два главных подхода к сегодняшней ситуации. Первый — кризис носит беспрецедентный, небывалый характер. Второй: да ерунда все это,

были уже и кризисы, и войны, и смуты.

– Станным образом обе точки зрения верны, каждая по-своему, – говорит кризисолог. – В нынешней ситуации есть кое-что от прошлых кризисов. Но есть и нечто, что кардинально отличает нынешнюю ситуацию от прежних: сегодня мы имеем дело не со структурным, а с системным кризисом – как в русском, так и в капиталистическом случаях. Более того, происходит «волновой резонанс»: совпадение и взаимное наложение кризисов двух систем.

В русской истории системные сдвиги происходят тогда, когда

проедается вещественная субстанция предыдущей эпохи, и дальнейшее развитие требует передела. Это следствие того факта, что русское хозяйство характеризуется довольно низким уровнем совокупного общественного (и прибавочного) продукта. В отличие от этого, западная цивилизация создает намного более объемный общественный продукт, а с XVI века регулярно и по нарастающей добавляющей к нему чужой, заморский прибавочный, а то и необходимый продукт (впрочем, и к своим низам западная верхушка, особенно англосаксонская, всегда относилась с крайней жестокостью).

В русской истории было два поворотных пункта, две развилки, определившие дальнейшее развитие. Это – 1565 год и 1929-й. То есть введение опричнины и отмена нэпа. Отмена НЕПа мне представляется датой не менее, а быть может, и более важной, чем 1917 год, потому что с 1917 по 1929 год Россия с точки зрения ее места в мировой системе продолжала стратегию Александра II, т. е. оставалась зависимым сырьевым придатком, была не антисистемой, а системой; 1929 год – момент окончательного выбора вектора развития России в первые десятилетия XX века, начало завершения социалистической

революции (1917–1933 годы) и Гражданской войны (1918–1939 годы).

И в 1565, и в 1929 г. главным вопросом дальнейшего развития был следующий: как перераспределить имеющуюся скудную вещественную субстанцию? В пользу олигархии или путем непопулярных мер – в пользу основной массы населения? В русских условиях этот «материалистический» вопрос решается только «нематериалистически»-властным способом. Во времена опричнины произошло отстранение тогдашней олигархии – четырех кланов суздальских княжат. В 1929-м –

отстранение «ленинской гвардии», выступавшей за «сырьевой» вариант, который обрекал Россию на зависимое положение в капсистеме, а в перспективе — на утрату суверенитета. Разумеется, вся эта борьба сопровождалась усилением «пресса» на население — иначе не бывает, а в итоге выбор оказался национально-ориентированным. Оба раза Иван Грозный и Иосиф Грозный сделали выбор в пользу антиолигархического пути. В первом случае он инерционно победил к середине XVII века, во втором — к концу 1930-х годов.

Сегодня Россия подошла (причем в значительно худшем

состоянии, нежели при обоих Грозных) к моменту, когда вот-вот будет окончательно проедено советское наследие. Уже промотаны в основном человеческий капитал и техносфера. То есть и «физика», и «метафизика» проедены. И году эдак в 2017-м, аккурат к столетию Октябрьской революции, встанет ленинский вопрос: «Кто кого?» Как будет решаться главный русский вопрос на сей раз?

Но абсолютных повторов в истории не бывает. И нынешняя ситуация значительно острее той, что была в конце XVI – начале XVII века и в начале XX столетия. Во-первых, кризис носит глобальный

характер, мы – его часть, причем не субъект, а объект. Во-вторых, Россию можно было взять голыми руками в первой половине XVII века, после петровских реформ и после Октябрьской революции. Но в Европе первой половины XVII века бушевала Тридцатилетняя война, она кончилась в 1648 году, а к тому времени Россия встала на ноги. Петр I, угробив экономику России, тоже поставил страну в опасное положение. Однако Европа оказалась занята своими войнами. А к середине XVIII века русские окрепли настолько, что смогли сломать хребет Фридриху Великому в Семилетней войне. Наконец, Сталин

гениально использовал
межимпериалистические
противоречия, причем прежде всего
не между Германией и
Великобританией, а между главными
— так вышло объективно —
поджигателями Второй мировой —
между Великобританией и
Соединенными Штатами.

Повезет ли нам так же и на этот
раз? Случай помогает только
подготовленному.

Еще один важный вопрос: кто
выступит субъектом изменений?
Какие институты и организации? В
России институты всегда были
слабы, часто — «нарисованы на
холсте». В России работает не

институциональный принцип, а «чекистский». Под чекистским принципом я имею в виду не ребят в кожаных куртках на заре советской власти, а чрезвычайные комиссии вообще. Кто совершал рывок 1565 года? Чрезвычайная комиссия под названием «опричнина». Кто совершал петровский рывок? ЧК под названием «гвардия». Со сталинской эпохой тоже все понятно. Даже мягкие реформы 1861 года готовила мягкая форма «чрезвычайки»: редакционные комиссии. То есть в русской истории все субъекты возникают только в том случае, если создается чрезвычайная комиссия — внесословная и внегрупповая. ЧК —

не социальная группа в традиционном смысле слова. Это — неоорден, ударная сила, метафизическое расширение тела Вождя. (Такового сегодня нет.)

Теперь о нынешнем кризисе. В середине XIX века капиталистическая мир-система (по Валлерстайну), обретя адекватную ей базу в виде индустриальной системы производительных сил, стала просто мировой — без дефиса. И обрушилась на две оставшиеся в мире мир-системы — русскую и китайскую. Совпадение по времени Крымской и второй Опиумной войн не случайно. Со второй половины XIX века и до сих пор развитие России так или

иначе протекает в рамках мировой системы, но протекает принципиально по-разному.

Если посмотреть на последние 150–160 лет функционирования России в мировой капсистеме, то очевидны две стратегии. Первая, условно называемая «стратегией Александра II» (при нем был заложен ее фундамент), заключается в том, что Россия – часть системы, ее верхушка – часть, хотя и не очень желанная, мировой верхушки, экономика – финансово несамостоятельный сырьевой придаток. В стране – нарастающая социальная поляризация, взаимоотношения верхов и низов

приобретают характер отношения если не двух рас, то двух наций. Результат: три революции в 1905–1917 годах, Гражданская война, распад. Теоретически России после этого вообще не должно было существовать – ее должны были поделить на части. Однако национал-большевики во главе со Сталиным нанесли поражение интернационал-коммунистам (троцкистам) и собрали страну.

Не всегда выходит так, как задумывается сильными мира сего. Россия выскочила из смертельной западни – и реализовалась вторая стратегия (с 1929 года) – стратегия Сталина, или Красной империи:

Россия не как часть мировой системы, а как Антисистема. Ее отличительные особенности: развитие ВПК и контроль центральной власти за потреблением верхов. Последнее – вообще важная вещь в русской истории. В условиях, когда совокупный общественный продукт невелик, одна из главных задач центроверха – контролировать потребление верхов, не дать им проесть страну и довести до белого каления народные массы. Контроль за потреблением вводится не из-за любви к низам, но прежде всего для сохранения служилой иерархии.

Это правило «учета и контроля» русская власть соблюдала

практически всю свою историю за исключением двух случаев. Первый раз она нарушила это правило в 1860-е годы, когда сама власть олигархизировалась и вместе с верхами принялась грабить страну. Результат – 1905 и 1917 годы, «чемодан, вокзал, Париж, Берлин, далее – везде». И второй раз с конца 1980-х, когда власть вместе с олигархами (превратившись в *макроолигарха*) начала грабить население. Исход этого «предприятия» пока неизвестен.

То есть за последние полтора века Россия «прокрутила» две принципиально разные стратегии интеграции в мировую

капиталистическую систему. Обе они оказались неудачными. И говорит это об одном: когда страна с низким уровнем совокупного общественного (и прибавочного) продукта втягивается в капиталистическую систему, единственный выход для ее существования — автаркия, «социализм в одной, отдельно взятой стране». Но как показал советский опыт, при демонстрационном эффекте капсистемы это весьма трудно, если не невозможно. При виде капиталистического изобилия наша элита, простите за выражение, ссучивается и с конца 1950-х годов начинает получать чувство глубокого

удовлетворения, все более превращаясь в элемент капсистемы. Окончательным условием интеграции в капмир и получение капбочки варенья и капкорзины печенья были сдача и слом СССР частью советской же верхушки, т. е. горбачевщина, от каинова пятна которой мы до конца не избавились до сих пор.

И последнее. Помните советский фильм «Служили два товарища»? Там герой, роль которого исполняет Ролан Быков, попав в окружение, говорит: «Пусть белые гады не радуются. Мы умрем сегодня, они умрут завтра!» Нам, конечно, от того не легче, но

капиталистическая система уходит вместе с СССР. Есть очень четкая синхронизация между фазами развития капиталистической и системы «Россия». Гегемония Голландии в капсистеме у них — у нас расцвет Московского царства. Кончается гегемония Голландии — и уходит Московское царство. Господство Британской империи — Российская империя, эпоха Петербурга. Уходит Великобритания — уходит и самодержавие. И дальше: гегемония США — эра СССР. Ушел Советский Союз — США тоже осталось недолго, причем США как кластеру ТНК, поскольку государство США мы победили в «холодной

войне» в первой половине 1970-х годов.

Другое дело, что возникнет на месте капиталистической системы? Если посмотреть работы таких авторов, как Аттали, и других, ясно, что планируется создание гораздо более жестокого, неэгалитарного, и эксплуататорского мира, чем зрелый капитализм. И – минус примерно 6 млрд населения планеты, которые не нужны. (Это положение А. Фурсова подробно раскрыто в статье «Новая пересдача карт мировой истории», http://news.km.ru/novaya_peresdacha_kart_mirovoy_istorii), Русским, в соответствии с этими планами, похоже, нет места на

посткапиталистическом «празднике жизни».

Кризис России совпадает с глобальным кризисом капиталистической системы. И это делает нашу нынешнюю Смуту не похожей ни на что. А потому поиски рецептов спасения в нашей прошлой истории, надеясь на повторы (приход мининских и пожарских, которые повесят олигархов на бушпритах их яхт), вряд ли будут успешными. Нужна новая технология власти и знания, которая обеспечит неожиданный рывок в будущее, а затем – удар-прорыв из будущего в настоящее.

Вот что интересно: Россия часто показывает миру кое-что из его

будущего. Например, «чекистский принцип», который реализовал себя в России, начиная с опричнины, сейчас странным образом начинает проявляться в мире. Когда рушатся нации-государства и возникают корпорации-государства, в мире возникает множество «чрезвычайных комиссий». Это сами корпорации-государства по утилизации собственных стран, крупные террористические группы, это транснациональные корпорации. Ведут они себя как «чрезвычайки». Мировой кризис – это столкновение не столько государств, сколько неких новых агентов,рывающихся из будущего в виде «неочрезвычайек».

Глобальный кризис больше походит на то, что Фернан Бродель писал про Средиземноморье XVI–XVII веков: «Можно ли вырваться из социального ада?» Социальный ад — борьба «чрезвычайек».

Как готовиться к этой борьбе? Здесь трудно сказать. В любом случае, нужно зорко смотреть в будущее, не питая иллюзий. По принципу «Не верь. Не бойся. Не проси». При этом — добросовестно изучать автомат Калашникова. И внимательно читать работы Максима Калашникова.

Работать на самый

«маловероятный» сценарий!

Председатель Совета безопасности клуба выпускников Военного института иностранных языков (ВИИЯ) Виталий Волчков говорил о возможных сценариях развития кризиса:

— Развивающийся кризис в течение достаточно длительного времени не был неожиданностью для экспертов — тех, кто предполагает. Но, главное, он не был неожиданностью для тех, кто располагает — для десижен-мэйкеров — мировых решающих инстанций —

глобальных игроков.

Отдавая коллективными усилиями начало кризиса с 70-х годов XX века, глобальные игроки, каждый по-своему, готовились к тому, чтобы преодолеть его с наименьшими потерями и с наибольшими приобретениями. Как говорится: кому – война, а кому – мать родна.

Глобальный передел мировых богатств – вот чем кризис предстает для мировой финансово-промышленной олигархии в целом и вот во что он целенаправленно превращается ее отдельными отрядами, конкурирующими между собой «башнями» мировой

финансовой олигархии. Этот передел стимулируется неравномерностью развития отдельных транснациональных корпораций и банковских групп и, безусловно, не прекратится после первых открытых схваток осени 2008 – весны 2009 года, в ходе которых стороны скорее провели пробу сил и упорядочение своих рядов, видимой частью чего были некоторые банкротства и выкуп одними сестринскими структурами других.

Разразись кризис в условиях однополярного мира с исключительным доминированием США, он, на наш взгляд, был бы исключительно глубоким,

достаточно затяжным и имел бы для экономик и суверенитета большинства стран самые тяжелые последствия, национальная государственность большинства народов мира была бы разрушена, а человечество, значительная часть которого была бы принесена в жертву алчности, вступило бы в завершающий этап все и вся нивелирующей человеконенавистнической глобализации по принципам мирового концлагеря.

Однако, как оказалось, *Промысел* был в ином. В условиях нараставших финансово-экономических затруднений и

известных военно-политических проблем, с которыми столкнулись США и их ближайшие союзники, в повестку дня мирового сообщества России и Китаю удалось включить требование: преодолеть однополярность международных отношений в пользу многополярного мироустройства.

В результате с началом кризиса обсуждению способов его преодоления удалось придать многосторонний, хотя пока еще и ограниченный, характер. А само международное обсуждение фактически вывести на цивилизационный уровень, поставив, хотя и в предварительном порядке,

вопрос о целесообразности введения новой, чуть ли не коллективно эмитируемой, мировой валюты. Причем с более широким, чем «золотой стандарт», материальным обеспечением.

Общесовицизационный характер кризиса, таким образом, фактически раскрылся перед большинством человечества. Встречи в Вашингтоне и Лондоне представителей т. н. «Большой индустриальной двадцатки» (19 стран + ЕЭС), хотя и не принесли никаких обязывающих международных решений, однако в целом подготовили условия для активной постановки и продвижения

вопросов реформирования глобальных механизмов мировой финансовой системы при наличии политической воли прежде всего у России и Китая, а также поддержки не входящих в G-20 стран.

Опасаясь расширения круга участников международного обсуждения, например, на 64 ГА ООН, открывающейся в середине сентября с. г., опасаясь требования на очередной встрече лидеров G-20 и других приглашенных стран в Питтсбурге (США) 24–25 сентября с. г. международно-правовых решений, радикально меняющих правила функционирования и контроля мировой финансовой системы,

мировая финансовая олигархия
вынужденно снижает
разрушительный для мирового
хозяйства накал финансово-
экономической борьбы за передел
мира, что, конечно, не устраняет его
реальность.

Уже накануне встречи
«двадцатки» в Лондоне и даже в
большей степени ныне на кануне
названных форумов подконтрольные
мировой финансовой олигархии
СМИ и заказное дрессированное так
называемое экспертное сообщество
заговорили о признаках ослабления
кризиса и надеждах на относительно
скорое улучшение глобальной
финансово-экономической

конъюнктуры. Чтобы лягушка не рыпалась, варить ее нужно, как говорят, усиливая жар постепенно.

Рассказы о скором преодолении кризиса ни в коем случае не должны ослаблять усилий части мирового сообщества, предуготованной к ограблению и уничтожению. Усилий в пользу радикальной реформы МВФ, реальной оценки предпринимаемых антикризисных мер, принятию обязывающих решений по установлению четких и жестких правил ответственной финансово-экономической политики и регулирования мировых рынков.

Отечественной финансово-экономической войной не на жизнь,

а на смерть, таким образом, становится развивающийся кризис для России, входящей в состав ограбляемой и уничтожаемой части человечества. Это требует сугубо ответственной, стратегически выверенной внешней политики России, оздоровления и консолидации российского политического ядра, самоотверженности российского предпринимательства, в том числе и действующего в особо крупных размерах, защиты и исцеления от общечеловеческих иллюзий российского общества, сбережения народа (детей, женщин и стариков), общественно-политической

активизации пенсионеров, политико-экономической мобилизации мужского населения, прежде всего его ядра – коренных народов России.

Особое место в отечественной финансово-экономической войне не на жизнь, а на смерть приобретают требования, предъявляемые развитием обстановки к высшему эшелону российской управляющей системы, его консолидации с государствообразующим народом и российским народом, защите национальных интересов России внутри России и на международной арене.

...Основных сценариев для России на обозримую перспективу

можно выделить три. Один из них, образно — «Птица-тройка, вызывающая восторженные чувства окружающих». Второй — «Затравленный волками или цивилизованными охотниками отчаянно сопротивляющийся медведь». Третий — «На куски разрубленный богатырь земли Русской, вновь ставшей театром военных действий для мировых хищников». Каждый сценарий — это неразрывный внешнеполитический и внутривнутриполитический комплекс. Ответственные исторические оптимисты, верящие в *Русское Чудо*, рассматривают прежде всего худшие сценарии.

«Разрубленный богатырь»

Это – чужой сценарий для нас. Внутренние и внешние условия и силы для реализации такого сценария имеются. Действия этих сил наступательные, наглые, оголтелые. Они скоординированы на внешнем и внутреннем уровнях. Обеспечены ресурсами. Даже психологические условия подготовки расчленения России и русских, в частности, нагнетание украинско-российской враждебности и белорусско-российской напряженности, приучающие к существованию братской розни, усиливаются.

Есть и силы противодействия такой перспективе, а также способствующие сопротивлению условия. Однако эти наши силы разрозненны. Действия их нескоординированы. Ресурсы скудные. Поддержки на международной арене практически нет.

Даже объективно не заинтересованные в таком сценарии страны фактически занимают выжидательную позицию. Не трудно предсказать, что при реализации такого сценария даже они не останутся в стороне от «дележа российского наследства», включатся в борьбу за получение своих кусков,

так же как после Мюнхенского сговора и гитлеровского захвата Чехословакии на получение своего куска чешского пирога стала претендовать Польша, имевшая до этого с Чехословакией чуть ли не союзнические отношения.

Главные факторы реализации данного сценария – это ослабление центральной верховной власти, переход соперничества разнообразных российских элит к открытому противоборству, попытки внутриполитических «башен» заручиться зарубежной поддержкой в конкурентной борьбе, торжество партии измены.

Точка невозврата в рамках этого

сценария, похоже, еще не наступила, но, признаки того, что она близка, отмечаются уже многими аналитиками. Понятно, что на этот сценарий в плане деморализации народа и дестабилизации общей обстановки работают и ухудшение экономического положения населения, и техногенные катастрофы, и террористические акты в регионах, и усиление борьбы местных кланов на региональном уровне.

Блокировать сценарий развала России способна активизация социально-политической активности государствообразующего и других коренных народов России. Они более

всего заинтересованы в сохранении национального единства. Однако «антираспадные действия» упорно блокируются различными эшелонами власти при сохраняющемся отказе верховной власти не только от прямого взаимодействия с народом, но даже от сущностного диалога с его наиболее активными, неформальными представителями. Дело осложняется тем, что работающая на развал страны медиаинформационная и экспертная властвующая тусовка делает все, чтобы подменить подлинное представительство народа псевдолидерами и разрушительной оппозицией.

«Затравленный медведь»

Этот тоже не наш сценарий. Он может быть проходным к самому худшему развитию событий, но также имеет шанс стать самостоятельным вариантом. Травля медведя – процесс опасный. Пойманный в капкан медведь еще силен и может нанести смертельные удары. Найдя его в таком положении, волки изматывают медведя травлей (попытками напасть одновременно с разных сторон) и разрывают на части, только когда он значительно ослаб. Оставленный в покое медведь, который попал в капкан, отгрызает пойманную лапу, освобождая себя от ловушки.

Травля России, ее верховной власти и русского народа в последнее время стала основной темой не только мировых СМИ и политологических центров, но и дипломатических кругов, а также многих государственных чиновников зарубежных стран. Как показала информационная атака на нашу страну, связанная с прошлогодней агрессией Саакашвили против Южной Осетии, ни мировые СМИ, ни западные политологи, ни западные дипломаты, ни западные государственные и международные чиновники, ни вторящие им российские политологи и СМИ продажной ориентации, не

останавливаются перед антироссийским и антирусским использованием откровенной лжи, фальсификаций и дезинформации.

При этом роль внутри российских участников этого хора следует оценивать как самую опасную, дезориентирующую и деморализующую многих, но, самое вредное, отвлекающую население от осмысления и решения насущных внутриполитических задач.

В обстановке многостороннего нападения важно не метаться между разными укусами, не терять самообладание, не упускать главного. Это требует повышения целеустремленности и координации

действий национального и патриотического информационно-экспертного сообщества. Можно даже констатировать тенденцию к взаимодействию национально-патриотически настроенных политологов и публицистов разной социально-политической ориентации, что, однако, весьма далеко от необходимой в таких условиях консолидации.

Отсутствие общего информационного поля ослабляет и практическое взаимодействие разнородных национальных и патриотических сил в борьбе за светлое будущее России. Прежде всего не позволяет всем, кто в этом

нуждается, обрести согласованный по срокам, рубежам и задачам замысел противодействия, защиты национальных интересов и, главное, порядок и содержание созидательных действий в собственных и общенациональных интересах.

«Завораживающая птица-тройка»

Это – единственный обещающий нам будущее выбор. Это единственный НАШ сценарий. Правда, это сценарий добровольного смирения личных и групповых амбиций разнородных национальных

и патриотических сил ради подконтрольного им будущего России. Сценарий объединения их творческих усилий в информационной, аналитической и концептуальной областях. Сценарий вызревания общенародного замысла на большое общенациональное дело. Сценарий принуждения и приведения к правде и справедливости тех, кто не живет такими понятиями, к воплощению в жизнь добросовестного социального государства и внутри страны, и на международной арене. Сценарий налаживания устойчивого от происков узурпаторов ответственного общественного диалога народа и

власти, мудрого размежевания общества и государства. Сценарий мобилизации национальных и социальных творческих сил на новое Русское Чудо, защищенное от посягательств врагов явных и тайных.

Возможность развития такого сценария, по нашим оценкам, еще не упущена. Оно, возможно, взрывоподобно как цепная реакция при условии одновременной финансовой и организационной мобилизации на это народного потенциала.

В его рамках Россия не должна, как Америка по Бжезинскому, становиться элитой мира, захватывать и удерживать лидерство.

Она просто должна мчаться по собственной траектории, став, возможно, примером для духовно задавленных, деморализованных и зомбированных соседей-западноевропейцев. Это сценарий организационно-финансового взаимодействия всех сословий, всех народов, общественных отрядов всех уровней на патриотической, национальной, профессиональной основах.

— Сначала должен быть наведен порядок в общении. Надо наладить информационно-интеллектуальное взаимодействие думающего ядра. Создать «информационное поле». Сделать так, чтобы замысел созрел

объемно и распределено. Каждый должен осознать свой маневр. Каждый может по-разному участвовать в общем замысле. Это — замысел разнородных сил, способных находить компромиссы ради спасения самого главного для всех — российской идентичности и цивилизации.

— Вопросы организационной сборки проработаны в документах Военно-державного Союза по формированию Народного Ополчения и общенародного проекта Народный собор — русского варианта того, что в наши дни проводится, например, в Ингушетии как Съезд Ингушского Народа.

Нельзя только, чтобы реальное представительство на таком Соборе было подменено набором карманных общественных организаций номенклатурного выбора. На нем должно быть обеспечено открытое участие всех реально действующих общественных организаций. НЕ некоммерческих, а именно общественных, а их не так уж и много.

— Вопросы финансовой организации, давно проработанные традицией русского народа, к сожалению, остаются не освоенными в нынешнем общественном сознании и в актуальной общественной практике.

Фактически перед всеми национальными и патриотическими силами стоит вопрос: где взять ресурсы для работы? Большинство движений, партий, групп делали ставку на то, что их профинансируют какие-то предприниматели, олигархи, богатые добрые люди. Это возможный вариант, но он не является фактором непреодолимой для наших противников силы. Непреодолимой силой могут стать ресурсы, собранные миллионами людей.

Просто пример приводит Валерий Задерей, главный редактор газеты «Знание-власть». Он работает с ветеранами вооруженных сил,

которых, по некоторым данным, более 8 млн. Если каждый сдаст по 100 рублей, то уже получится 800 млн. Сдаст не для того, чтобы кто-то обогатился или их «распилил», а для того, чтобы поддержать любые близкие себе общественные структуры. Собранных в складчину средств может быть достаточно для решения задач, не только местного, но и более высокого уровня.

Известная по всему миру организация Ротари собирает членские взносы по 100 долларов в квартал. А имеет годовой бюджет на социальные проекты в 193 млн долларов, по данным 2002 года.

Складчина, как и солидарная ответственность, – русская традиция. Она должна быть реабилитирована в общественном сознании и в национально-патриотической практике. Бросим клич, жертвовать на общественные нужды по 100 или по 50 рублей в течение полугода, вывесим всю бухгалтерию в Интернете, откупимся налогами от любых возможных придирок и создадим финансово крепкие местные организации. Пусть каждый профинансирует ту организацию, которая ему ближе, поддержит то дело, в которое верит. Кто-то – природоохранную общественную организацию, кто-то – общество

защиты животных, кто-то — национально-культурную, — кто-то спортивную или образовательную.

Так или иначе, но складчина в следующем шаге может быть структурирована. На общий сбор, например, каждый уже сможет приехать за свой счет и профинансирует работу общих соборных органов. Получится кумулятивный эффект: подлинным творчеством масс будет создано сильное самодостаточное и хорошо структурированное общество, способное поставить заслон любым негативным сценариям.

Кстати, такой общественный потенциал и на международной

арене союзников из числа концептуально контуженных иностранцев найдет быстрее, чем чиновники МИДа или бюрократы из парадных обществ дружбы.

В отчаянном положении голову не теряют, а берутся за неподъемные задачи и добиваются невероятного – Победы...

Путинцы – артель крепкая

Профессор МГТУ имени Баумана, бывший заместитель министра образования РФ и депутат Государственной Думы 4-го созыва,

заслуженный деятель науки Борис Виноградов выступил с особым мнением:

– Я эту власть знаю достаточно давно, потому, что они все из Питера. Власть – артельная.

Что такое русская артель? Я у известного оппозиционера Каспарова выступал (они там ждут, пока в стране все медным тазом накроется). Я им сказал: ребята, все будет так – 2030 год, выборы президента РФ. Баллотируются Собчак и Турчак, а руководит процессом выбора В. В. Путин. Я им сказал: вы говорите о кланах, о бессилии власти, а я хочу сказать, что такое русская артель.

Первый принцип русской артели какой? Круговая порука. Второй принцип русской артели – субсидиарная ответственность. Третий принцип русской артели – залог.

Они в залог сдали души. Питерская артель небольшая, все остальное – номенклатура нанимаемая и, когда надо, – убираемая. Артель маленькая, хорошая, сильная. В. В. Путин, между прочим, вырос на Лиговке. Хочу вам сказать, что Лиговка в Ленинграде – серьезный район. Путин прошел школу нормальной мужской драки, борьбы. То есть он серьезный человек. И прошел социализацию.

Так вот, я думаю, что они все прочитали Ильфа и Петрова. И понимают, что если они, как Остап Ибрагимович, наденут все на себя, что они взяли, и перейдут румынскую границу, то там их разденут. И отправят назад — управдомами. Поэтому они никуда не уедут, не надо вообще делать таких прогнозов, как Михаил Делягин. Никуда они не побегут. Это вообще какие-то наивные иллюзии, на мой взгляд.

Я с Владимиром Владимировичем в 1999 году, когда он только стал премьером, дважды бывал на объектах. Мы с ним общались на «Ангстреме» в

Зеленограде. Шел очень интересный разговор, и очень интересные он вопросы ставил. Путин спрашивал: вот Зеленоград идет по микросхемам 0,38, а мир переходит на 0,09 мм. Уже, считайте, перешел этот рубеж. Путин и говорит генеральному директору: а как нам догнать и перегнать? Неглупый человек, хоть и юрист.

(Беда нашей страны в том, что у нас слишком много экономистов и юристов. Мой коллега говорил о России, похожей на попавшего в капкан медведя. Но я бы сказал, что главное для медведя по весне, когда он поднялся из спячки — выстрелить пробку. Если не выстрелит, то

подохнет. Вот и у нашей страны есть своя «медвежья пробка»: либералы и либерализм. Если власть ее выстрелит – спасется страна. Нам же нужно работать на то, чтобы во власти зарождались центры кристаллизации здоровых сил, которые будут стараться эту пробку выстрелить. Вот – главная задача. Потому что все, что произойдет в России, произойдет только во власти, в элите!)

Так вот, о моих впечатлениях о Путине. Итак, в 1999-м он спросил: как догнать и перегнать электронную промышленность зарубежных стран? Ему генеральный директор говорит: мол, надо пройти два этапа. Сначала

с 0,38 перейти на 0,13, на что нужно 8 млрд долларов. А потом – с 0,13 на 0,09. Ну, а там еще большие затраты. А вы помните, бюджет России на 1999 год – каких-то 20 с гаком млрд.

Дальше – вторая встреча. Ну, мы (Владимир Евгеньевич Фортон от РАН, я от Минобразования, еще руководители из Миннауки и РФФИ, т. е. группа лиц) решили ускорить создание отечественного суперкомпьютера, поддержав проект общими средствами ведомств. 1999 год, Академия наук поддержала, мы скинулись деньгами – и специалисты сделали. Приезжает Владимир Владимирович на пуск машины. Из Питера по Интернету Жорес

Иванович Алферов рассказывает ему, как это будет все хорошо. На нашем суперкомпьютере моделируется удар кумулятивной гранаты из РПГ в броню. Путин смотрит (вообще, он такой быстрореагирующий человек) и спрашивает, во сколько флопов быстроедействие нашей ЭВМ, насколько она слабее американских. Когда услышал — вздрогнул, и мы пошли дальше.

То есть он принимал страну. Если вы помните, то Путин, когда пришел, сказал: надо провести инвентаризацию. И видимо, он ужаснулся ее итогам, и поскольку научным руководителем его диссертации был Владимир

Стефанович Литвиненко, ректор Горного института, то он решил работать по газу. Решил высокопрофессионально заняться этим делом, которое будет давать стране доход...

Нынешняя артель власти — далеко не глупая, далеко не трусливая, а в лице ее лидера — и достаточно серьезная. Я думаю, что они не хуже нас знают о ситуации в стране. Когда надо, они будут канализировать недовольство населения как угодно, для того чтобы сохраниться. Самая главная задача власти — самосохранение. Они будут сохраняться до безобразия. Для власти это нормально.

Ну, а физический износ основных фондов, о котором здесь столько говорилось, пошел еще в СССР. Уже в нем не выдерживались нормы амортизации. Вспомните аварию на подстанции Чагино в мае 2005 года в столице. Вылетел масляный выключатель серии ВМГ производства 1963 года. По всем нормам амортизации его должны были заменить в начале 70-х годов. А он работал до 2005-го. С одной стороны, это говорит о высокой надежности советской техники, а с другой – о наследственной болезни, которую Чубайсы унаследовали от позднесоветской безответственности, продолжив и

усугубив ее.

Экстремальная угроза

Заметки Максима

Калашникова по мотивам

семинара Игоря Сундиева

Можно ли представить себе обломки Российской Федерации, где в обветшалых городах, почти в трущобах, ожесточенно убивают друг друга молодежные экстремистские группировки: язычники, этнократы, «антифа», мусульманские радикалы и православные фанатики? На фоне тающего, немолодого населения, измордованного нищетой? При

постоянном сокращении доли собственно юных? Увы, если не изменить нынешнюю траекторию «антиразвития», то именно к этому мы и придем.

Этой теме был посвящен недавний семинар в Институте динамического консерватизма (ИДК). Доклад на тему «Экстрим и экстримизм в современной России» делал Игорь Сундиев. Доктор философских наук, профессор, вице-президент Российской криминологической ассоциации.

Кто же будет выводить

страну в достойное будущее?

Доклад, прямо скажем, не радует. В самом деле – успешное прохождение через исторический экстрим (кризисы, тяжелые испытания) закаляют и очищают общество, делают его более разнообразным и жизнестойким. Однако если кризис слишком тяжел, социум может погибнуть, распасться.

Сегодня русское общество переживает тяжелейший кризис. Страну, понесшую чудовищные потери и изрядно деградировавшую, необходимо спасти. То есть –

проводить политику ее форсированного развития (на языке нынешних верхов – модернизации). Но кто будет строить новые заводы и лаборатории? Кому предстоит менять социальную систему и заниматься социальным творчеством? Кто должен обеспечивать прорывы в науке, образовании, промышленности?

Молодежь. Те, кто родился в 1991 году и позже, нынче вступают в активную жизнь. А что с молодежью в РФ? Она больна. Она уже искалечена.

О том, какая низкая рождаемость у нас сегодня, говорить не приходится. Народ стремительно

вымирает и дряхлеет.

Молодежи в РФ просто мало: рождаемость в начале 90-х буквально пикировала. Что мы имеем сегодня в сравнении с прошлыми временами? Возьмем 1926 год, канун сталинского рывка. Население тогдашней РФ (РСФСР) составляет 92,6 млн душ, причем молодого трудоспособного населения (люди 15–34 лет) тут – 36,8 млн.

1939 г., канун Великой Отечественной и труднейшей эпопеи послевоенного восстановления. Население – 108,4 млн, молодое трудоспособное население – 42,07 млн человек.

1959 год, последствия низкой

рождаемости в годы войны, следы огромных людских потерь и при этом – канун колоссального рывка развития РСФСР в 1960-е годы. Население – 117,53 млн, молодых трудоспособных – 35,09 млн.

1970 год. Население РФ-РСФСР – 129,9 млн душ. Молодых трудоспособных – 37,14 млн.

1979 г. Перепись дает 137,4 млн насельников РСФСР. Молодежь трудоспособного возраста – 31,2 млн.

1989 г., канун крушения СССР. В РСФСР живет 147,02 млн душ, из которых молодых трудоспособных – 35,9 млн.

А дальше – просто катастрофа. 2002 год: при общей численности

жителей РФ в 145,16 млн молодых трудоспособного возраста – 26,32 миллиона. В полтора раза меньше, чем в 1926 году – при населении в полтора раза большем. Налицо драматическое старение общества, утрата им жизненной энергии.

2006 год. Численность народа в РФ падает до 142,7 млн душ, число трудоспособной молодежи – 23,2 млн.

2007 год. 142,2 млн общего населения, а молодежи уже 22,7 млн.

2009 г. – 141,9 и 22,5 млн соответственно.

При том, что число трудоспособной молодежи в 2010-е годы будет только падать, по

некоторым прогнозам — почти до 17 млн человек.

Таким образом, развитие (модернизация) РФ должно идти в условиях катастрофической нехватки молодых и энергичных людей, при необходимости содержания обществом огромного числа пожилых, больных и немощных. Молодежи у нас уже намного меньше, чем требуется для того, чтобы сдвинуть социум с места. А будет и того менее!

Но это — количественные показатели. А как обстоит дело с качественными?

Молодежь низкого

качества

Дополнительная трудность, способная сломать хребет и народу-быку: модернизация РФ в корне отличается от всех прочих известных нам модернизаций. Для успешного развития (модернизации) страны необходимы несколько критически важных факторов. Во-первых, готовность населения терпеть лишения и совершать сверхусилия ради какого-то светлого будущего. Во-вторых, должны быть вожди, готовые повести за собой готовый к мобилизации народ. В-третьих, необходим государственный аппарат, способный и заставлять население

идти к намеченной цели и убеждать его. То бишь, нужны и понятная идеология, и аппарат насилия, и определенная закрытость границ, и готовность населения отказаться от чего-либо. Все эти слагаемые классической модернизации имелись в СССР, Китае, Японии, Германии, Южной Корее и т. д.

— С учетом наличия этих факторов модернизация в нынешней России невозможна, — считает Игорь Сундиев. — У нас народ не готов к мобилизации. У нас нет идеологии. Наши вожди «не хотят и не могут». А аппарата насилия как такового и аппарата убеждения не существует...

Но и это еще не все! Россия в

начале XX века, сталинский СССР, Япония, Германия, Южная Корея, Тайвань, КНР – все они совершали рывки в рамках одного технологического уклада.

Нынешней же РФ для выживания нужно прыгнуть через одну ступень, из IV – сразу в VI техноуклад. Поскольку V успешно прохлопали: его развитие в мире пришлось на годы развала Советского Союза и «реформенного» хаоса пополам с чудовищной деградацией. Воистину, Сталину было легче. И то ему пришлось создать армию крайне энергичной, образованной, научно-технически подготовленной молодежи.

Но сможет ли молодежь РФ обеспечить еще более впечатляющий рывок? И тут те же западные наблюдатели ставят на РФ жирный крест, втихомолку приговаривая страну к смерти. Молодежь нынешней Российской Федерации получает деградирующее год от года образование. Она невежественна и неквалифицирована. Она сильно наркотизирована. Она живет в условиях сильного разрыва поколений, утратив уважение к старшим. Система позитивных ценностей у нее разрушена, утрачена трудовая этика. При этом все большую роль в формировании ее личности играют мерзкая внешняя

среда и отвратительные «постмодернистские» СМИ.

При этом нормального семейного воспитания у молодежи «постсоветской России» нет. **Только 32 % детей сегодня воспитываются в полных семьях. Остальные формируются как личности либо в неполных семьях, либо в детдомах.** И это уже – ущербные личности. Их формирует не семья, а информационные технологии.

– Откуда взяться духовности у тех, кто родился между 1991 и 1995 годами? – вопрошает эксперт. – Да неоткуда. Эти ребята формировались в пору разрыва между поколениями, в период культурного разрыва между

цивилизациями, при отсутствии любой идеологической базы, которая была бы для них приемлемой...

Вот те, кто должен обеспечить рывок – модернизацию РФ. Но смогут ли такие моральные (а зачастую – и физические) калеки совершить чудо, превосходящее сталинский прорыв? Если 70 % всех потребителей наркотиков в РФ сегодня – люди в возрасте от 12 до 27 лет? Вопрос тут – чисто риторический.

Итак, собственно русской молодежи в РФ будет и мало самой по себе, и качество ее ожидается крайне низким. Как недавно заявила на Госсовете глава

Минздравсоцразвития г-жа Голикова, до 2015 года РФ может рассчитывать на некую стабилизацию численности населения за счет миграции, в основном — из Средней Азии. Но этот контингент для дела развития РФ бесполезен: пришельцы из Азии необразованны и неквалифицированы. Они не интегрируются в русский социум, оставаясь чуждыми ему культурно. Но зато приток таких мигрантов провоцирует всплеск молодежного экстремизма.

**Экстремизм как
неизбежность**

Поэтому рост молодежного экстремизма в РФ неизбежен.

Юность – сам по себе экстремальный период. Молодые, как правило, придерживаются радикальных взглядов. Радикализм необходим социуму, он – средство получения социального опыта. А также – и мощная движущая сила. В отечественной истории молодые радикалы всегда использовались как средство политического давления.

– Экстремизм есть молодежный радикализм, получивший политическое оформление, – говорит Игорь Сундиев. – А там, где есть политическое оформление, есть желание достичь светлого будущего

более короткими путями. И тут проявляется крайняя форма экстремизма — терроризм. Насильственная форма радикальной деятельности...

В отличие от Запада, где радикализм, экстремизм и терроризм рассматриваются как одно и то же, в законодательстве РФ они разделены. И это, увы, приводит к тому, что **под понятие «экстремизм» можно подвести все, что угодно.**

При этом наша молодежь просто обречена на то, чтобы полностью уйти в экстремизм. Ибо для ее энергии в РФ просто нет иного выхода. Сравним положение нынешних юношей и девушек с

положением их сверстников в СССР. Итак, социальные лифты — остановлены. Нет больше возможностей выдвинуться и сделать карьеру по множеству направлений. Нет больше великих строек. Нет и больших войн. Пассионарность молодых на официальном уровне как бы заперта.

В итоге энергия юношества выливается в экстремизм по четырем полярно противоположным направлениям. Это — фашизм (вернее — нацизм) и «антифа», этнократизм и религиозный фанатизм.

Фашизм среди молодежи РФ (поп-версия, тренд молодежного экстремизма) не имеет ничего

общего с классическим определением фашизма. Он включает в себя четкие признаки: идею национального превосходства, антисемитизм и гомофобию. Противостоит такому молодежному поп-фашизму совершенно уникальное, чисто российское явление – «антифа».

С религиозным фанатизмом в наших СМИ все ясно: это – исламский и православные его разновидности.

– Однако самую большую часть тех, кто считает себя религиозными бойцами, составляют язычники, – продолжает эксперт. – Число людей, относящих себя к различным

языческим культам, у нас сегодня сопоставимо с численностью тех, кто относит себя к христианству. И это тоже — принципиально новое явление, о котором нельзя было говорить еще десять лет назад.

Наконец, развивается этнократизм. Он питается усиливающимся потоком иноязычной и инокультурной миграции из Средней Азии. Это означает, что бесполезные для развития (модернизации) РФ мигранты — закапсулированные диаспоры, не смешивающиеся с коренным населением. А потому они встают в антитезу к коренным.

При этом новое качество

молодежному экстремизму дает Интернет...

Итак, подведем промежуточный итог. Российская Федерация подошла к грани крушения и распада. Для выживания ей необходимо быстрое развитие — несырьевое, промышленное, научно-технологическое и социальное. Но обеспечить его некому: молодежи мало и она — низкого качества. При этом реалии коррупционно-сырьевой системы РФ таковы, что выталкивают молодых в экстремизм нескольких толков. Все это грозит, во-первых, стремительной деградацией социума и его распадом на ожесточенно истребляющие друг

друга группировки. И все это – на фоне старения и вымирания народа РФ, на фоне ужасающего износа ее техносферы, в условиях падения качества образования и разгула коррупции.

РФ действительно может стать краем трущоб и техногенных катастроф, среди которых идет война редющих, невежественных и неконкурентоспособных молодежных банд. Банд, состоящих из жестоких монстров, физически нездоровых и наркотизированных существ. (В точности – банды татуированных психопатов-изгоев из разрушенных городов, приносящие человеческие жертвы, ярко

нарисованные гениальным Иваном Ефремовым в «Часе быка» еще в 1968 году.)

Все это будет происходить в условиях стабильного старения и вымирания населения, при распаде РФ на деградирующие территориальные «лоскутья». Это – полное одичание при распаде социума. При полной примитивизации экономики и гибели всех сфер современной деятельности, способных обеспечить нам достойное будущее. Причем в среднесрочной перспективе!

Современные информационные технологии ускоряют такое развитие событий. Экстремизм нарастает...

Сетевые убийцы

Интернет позволяет экстремистским группировкам получать нужную информацию, финансирование, возможность координации действий, снижая почти до нуля риск при планировании операций. Интернет — замена старых средств массовой коммуникации (ибо теракт требует широкого освещения), он — средство пропаганды и «пиара» для террористов. Причем в режиме реального времени. Теракты могут транслироваться на огромную аудиторию, превращаясь в поистине новый вид оружия. Например, в

сентябре 2004 года трехдневная трансляция всеми каналами трагедии в Беслане, как говорит Игорь Сундиев, привела к всплеску смертей среди больных сердечно-сосудистыми заболеваниями, «хроников» и астматиков. Фоновое значение оказалось перекрытым вчетверо. Но если на обычных ТВ-каналах можно ввести цензуру, то в Сети ее просто нет.

По словам И. Сундиева, с помощью Интернета можно раздобыть планы нужных помещений и режим работы атакуемых объектов. И даже режим охраны зданий. Система скайпа обеспечивает обратную связь. Финансирование?

Законы РФ не мешают экстремистам добывать финансирование с помощью махинаций с кредитными картами и перевода сетевых (игровых) денег в реальные. Ни одного закона против сетевых денег нет. Деньги крадутся с пластиковых карт (кардинг), зарабатываются с помощью интернет-магазинов.

Интернет позволяет строить «безлидерные» сетевые структуры. В любой точке планеты любая группа может назвать себя ответвлением «Аль-Каиды», например получить пособия по кардингу, конспирации, даже кое-какое финансирование. Бороться с сетевыми структурами традиционными методами

(рассчитанными на иерархические организации) невозможно. Конкретного лидера, коего можно было бы уничтожить, нет. Этим лидером становится каждый.

В РФ в 2007–2008 годах стаи молодежи внезапно нападали на людей нерусской внешности и убивали их скопом, затем рассеиваясь. Оно и понятно: неведомый анонимный модератор, неведь где находящийся, давал вводную. Собраться в таком-то месте, двинуться вверх по улице и через сто метров напасть на первого попавшегося, например, кавказца. Стая наносит жертве десятки ударов ножами и потом рассеивается.

Идеальное убийство: единицы этого флешмоба совершенно не знают друг друга: поймав одного, не узнаешь о других участниках акции. Модератор, сработавший всего один раз, тоже неизвестен. Действия «одноразовых команд» крайне опасны. При этом штаб экстремистской организации может находиться хоть на другом конце света. Даже обучение боевиков можно вести по Интернету. Да, качество их ниже, но они же — одноразовые, дешевые бойцы. В «Гугле» можно найти нужные космические и воздушные снимки практически любой местности. При этом командиры террористов, планировщики акций и исполнители

таковых находятся в разных местах, подчас не зная друг друга. Вербовка новых членов? Через форумы.

Однако появился еще один путь сетевого террора – «Большая игра». И. Сундиев рассматривает его как более опасный.

«Большая игра»

В 2007 году русские национал-либералы (говорят, из «Северного братства») запустили сайт «Большая Игра». Ее правила просты.

Во-первых, всем говори о Большой Игре. Второе правило: всех пугай Большой Игрой. В-третьих, никому не говори о своем участии в

Большой Игре.

Участник игры должен пройти шесть ее уровней, предпринимая действия в реальном мире. Какие же?

- «Узнать адрес опорного пункта участкового Силовиков Системы, его Ф.И.О., телефон опорного пункта, марку автомобиля участкового и его госномер. Сфотографировать вход в опорный пункт и автомобиль участкового. По возможности его сотовый и (или) домашний телефоны и адрес проживания. Также узнать адрес и телефон дежурной части Силовиков Системы, к которому относится данный опорный пункт, Ф.И.О. начальника отделения и его

телефон. Сфотографировать вход в дежурную часть. Прислать добытую информацию, фотографии и указание адресов на интернет-карте.

- Прислать видеоролик с постановкой пришельца (нерусского. – Прим. ред.) на колени и его извинениями перед русскими.

- Найти любого человека, позволившего себе негативные высказывания в Интернете в отношении Большой Игры, и применить против него адекватные издевательские меры воздействия на свое усмотрение.

- Прислать 3 видеоролика с нанесением легкого материального ущерба пришельцам.

- Найти и сфотографировать перевернутую на крышу иномарку пришельцев.

- Сфотографировать три разбитые витрины магазина или ресторана пришельцев, уменьшить фото до 320 на 240 точек, разместить фото на любом файлообменнике и прислать нам ссылки на них.

- Прислать фрагмент кино с броском мощных горящих петард в торговый киоск пришельцев. По сценарию дверь киоска должна быть подперта или заблокирована.

- Сфотографировать будильник в коробке и плотно перемотанную коричневым скотчем коробку с механическим будильником и

балластом внутри, находящуюся у здания Системы.

- Задания седьмого Уровня рассылаются Игрокам прошедшим шестой Уровень на личные почтовые ящики.

В открытом доступе Задания появятся после третьего доклада о прохождении Уровня...»

Замысел просто гениальный. По экспертным оценкам, через Большую Игру прошли около ста тысяч человек, но возбуждено всего три уголовных дела по сему поводу. Уничтожить сайт не удастся — он моментально уходит в очередное «зеркало». (Удастся только немного заглушить ссылки, размещая рекламу

кинобоевика «Большая Игра»). Идет полное размывание границы между виртуальной и «реальной» реальностями.

Но это — только первый (и удачный!) пример подобного действия.

Неотложные меры

По словам Игоря Сундиева, экстремизм уже в массовом порядке меняет психологию молодежи в РФ. Он ставит под вопрос саму возможность модернизации. (Эксперт заявляет, что ему непонятно, какой будет модернизация в стране.)

В нынешней системе, где

оборваны «социальные лифты», молодежь обездолена и погибли целые сферы приложения ее сил (имевшиеся в СССР) иного выхода пассионарной энергии, кроме как в экстремизм, попросту нет. Этим пользуются наши враги. Не исключено, что ту же Большую Игру создавали в государственных структурах на Западе – специально для уничтожения РФ изнутри. Предложения Игоря Сундиева.

- Совершенствование нормативно-правовой базы (вплоть до уничтожения анонимности в Интернете и введения интернет-паспортов).

- Создание и запуск системы

автономного мониторинга и активного контроля интернет-среды по типу «Золотого щита Великой Китайской стены».

- Активизация оперативно-розыскных мероприятий.

Но это – лишь самые неотложные меры. Они не заменят собою мер стратегических. И. Сундиев считает, что необходимо начинать «точечную модернизацию». Создание «зон привлекательности». Он называет как пример такой политики развитие стокилометровых полос вдоль Транссиба и других важнейших транспортных артерий. Автор этих строк – сеть усадебных городов вокруг инновационных

предприятий, сеть футурополисов. В случае развертывания таких проектов мы не только разовьем страну, но и получим аналоги всесоюзных комсомольско-молодежныхстроек. Некие области, где пассионарная молодежь сможет сделать себе карьеры, обзавестись своими домами и крепкими семьями, выдвинуться в элиту.

Нужно, по сути, введение новой опричнины для решительного очищения элиты и разворота всей политики страны. Пойдет ли государство на все это? Вопрос... Но иного выхода просто нет. Альтернатива: полный распад русского общества. Не просто

дезинтеграция РФ – а распад социума как такового. Ибо все эти молодежно-троглодитские течения в любой момент могут быть использованы для обострения ситуации и пролития большой крови.

К сожалению, как замечает Игорь Сундиев, наши верхи пока даже не осознают молодежного кризиса в социуме. А если и что-то там осознают, то живут с ощущением, что где-то стоит «под парами» самолет, на котором они могут улететь из «этой страны» туда, где кризиса нет.

Автор этих строк, в свою очередь, считает, что альтернатив отказу от прежнего монетарно-

неолиберального курса всего две. Первая – создание богатыми людьми частных «эскадронов смерти», отстреливающих пассионарную обездоленную русскую молодежь так же, как это делалось с юными «трущобными людьми» в Бразилии. Вторая – это устройство на государственном уровне специальной игры, где молодые реально убивают друг друга. Как в японской «Королевской битве».

Нужны ли нам такие «альтернативы»?

Приложение. Иллюстрации

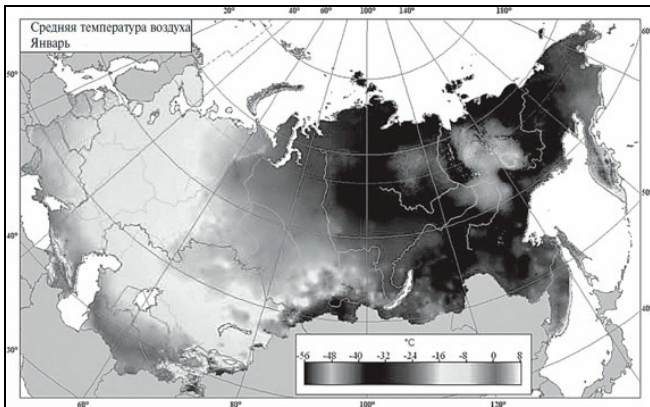

Иллюстрация 1. Карта январской изотермической температуры СССР. Две трети территории – вечная мерзлота, а теплые регионы в настоящее время в большинстве своем – другие государства.

Валовой внутренний продукт, \$ трлн.

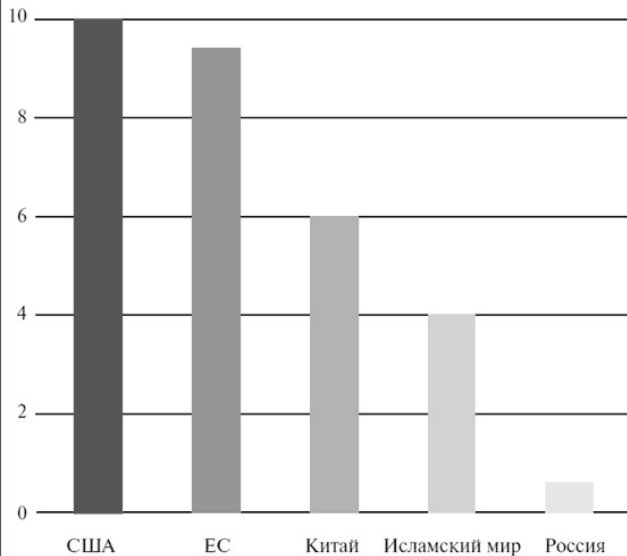

Иллюстрация 2. Диаграмма ВВП в мире.

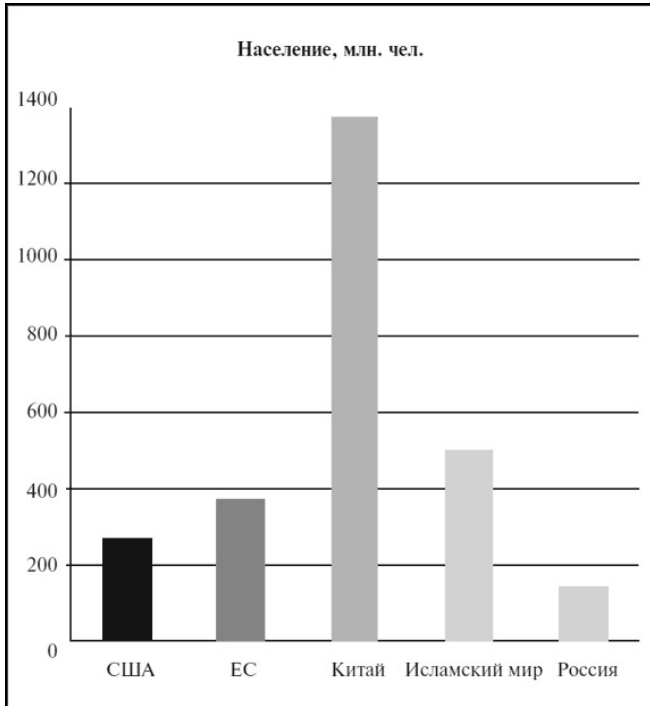

Иллюстрация 3. Диаграмма демографического состояния стран мира.

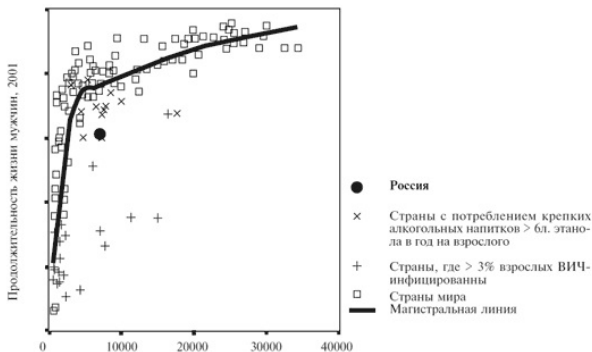

Иллюстрация 4. Диаграмма продолжительности жизни мужчин в мире.

Иллюстрация 5. Диаграмма разрыва в продолжительности жизни между мужчинами и женщинами.

Иллюстрация 6. Карта «распада» Российской Федерации к 2030 году, смоделированная в

**Институте
математики РАН**

прикладной

1 – США; 2 – Япония; 3 – Спорная территория; 4 – Китай; 5 – Финляндия; 6 – Мусульманские анклавы; 7 – территория РФ

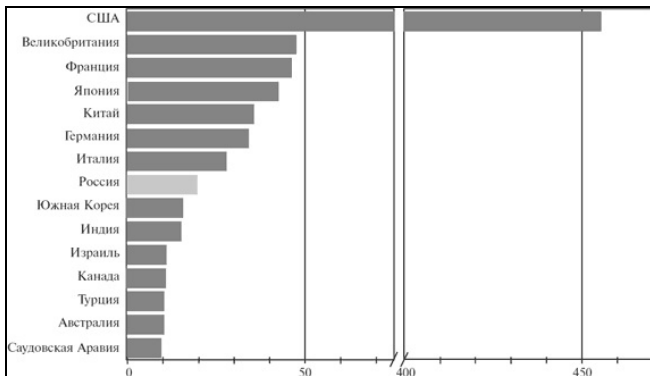

Иллюстрация 7. График военных расходов некоторых стран.

Иллюстрация 8. Современная концепция ядерного удара.

Куда нацелены американские ракеты.

Последние открытые данные о стратегических целях американских ядерных сил относятся к 2001 году. Они содержат порядка 1200 объектов. Согласно расчетам, в результате ядерного удара, погибнут от 8 до 12 млн. человек. Новая концепция предполагает

значительное сокращение целей ядерных ударов с переориентацией их на стратегические предприятия. Соответственно и жертв будет меньше: до 2 млн. человек.

Точки дислокации ВС РФ

Места расположения межконтинентальных баллистических ракет шахтного базирования УР-100, Р-36 и «Тополь-М».

Места базирования и области развертывания мобильных комплексов «Тополь».

- Места базирования ВМФ (Северный и Тихоокеанский флот).

Места базирования стратегической авиации.

Другие цели: пункты управления и связи, РЛС, телекоммуникационные центры, объективы ВПК и «неядерные» военные базы.

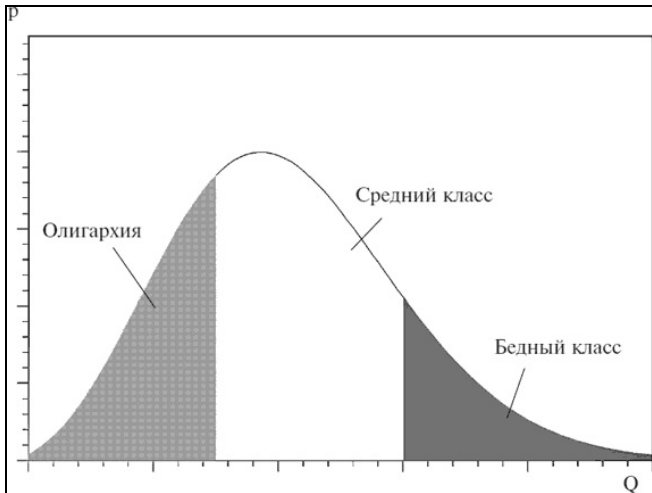

Иллюстрация 9. Имущественная структура стабильного общества.

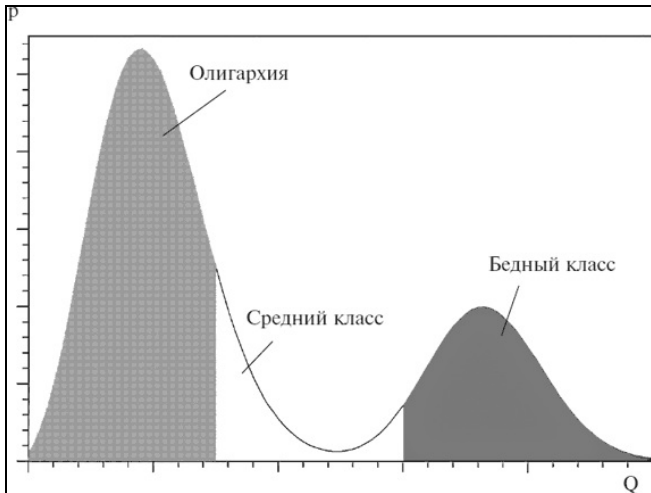

Иллюстрация 10. «Двугорбая» структура общества в РФ

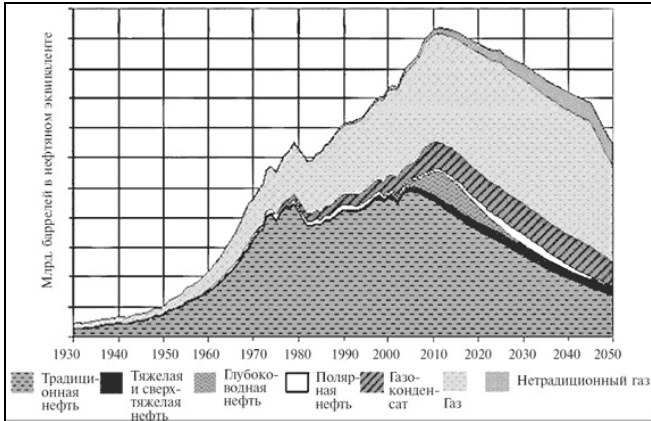

Иллюстрация 11. Прогноз добычи нефти и природного газа на основе данных о запасах на 2006 год.

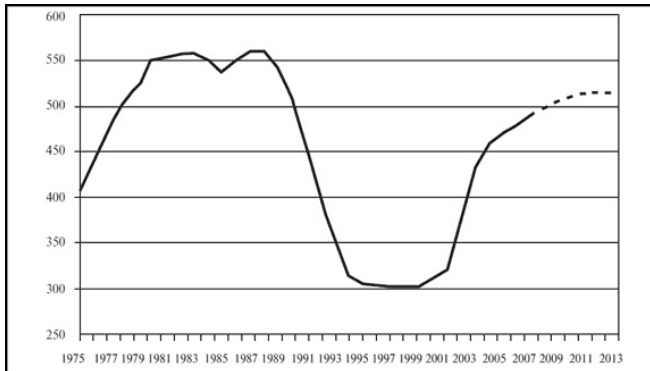

Иллюстрация 12. График добычи углеводородов

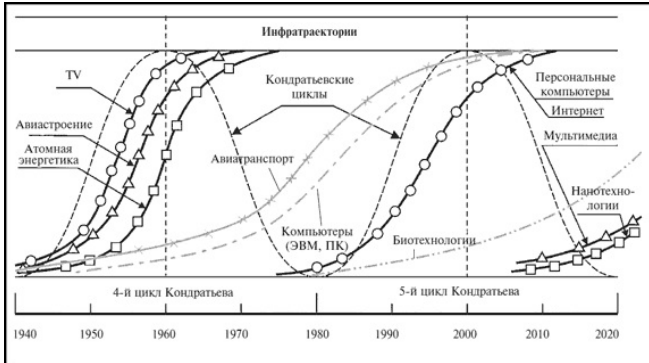

Иллюстрация 13. Диффузия инноваций вдоль подъемов циклов экономической активности Кондратьева.

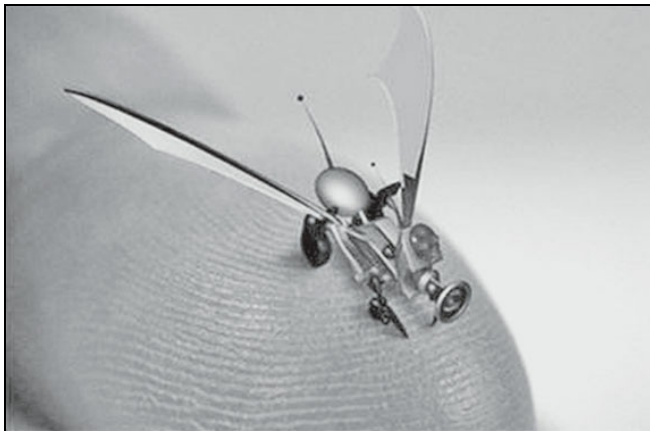

Иллюстрация 14. Миниатюрный беспилотный разведчик-«шмель» израильского производства.

Иллюстрация 15. Виктор Веселаго

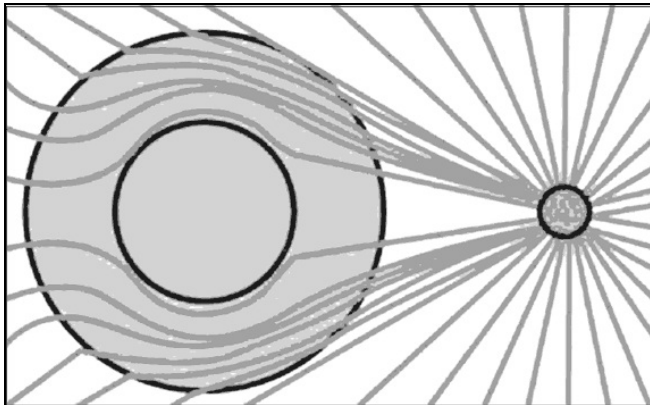
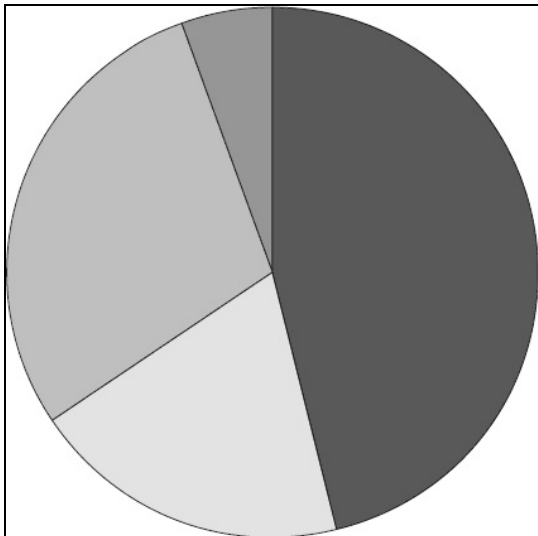

Иллюстрация 16. Материал, который может отклонять лучи света и радиоволны.

США — 40-45%

Европа — 15-20%

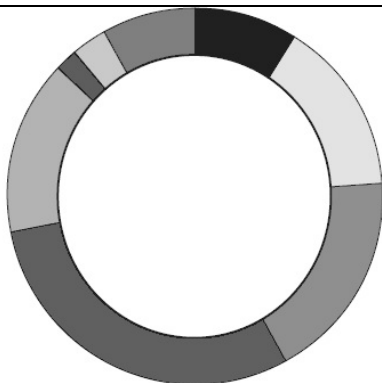

Япония — 25-30%

Азия — 5-10%

*Иллюстрация 17. Доля стран мира на
рынке нанотехнологий.*

Биотехнологии – 9%

Устройства хранения данных – 15%

Полупроводники – 18%

Новые материалы – 30%

Другое – 15%

Оптика – 2%

Электрохимия – 3%

Полимеры – 8%

Иллюстрация 18. Доля использования нанотехнологий в различных отраслях.

notes

Примечания

Идея инновационной
опричнины впервые в явном виде
была намечена автором этих строк
вместе с Юрием Крупновым – в
нашей книге «Оседлай молнию» (и в
ее продолжении – «Вперед, в
СССР-2»). Затем эта тема была
развита в коллективной книге «Новая
русская доктрина: Пора расправлять
крылья», вышедшей в свет в начале
2009 года.